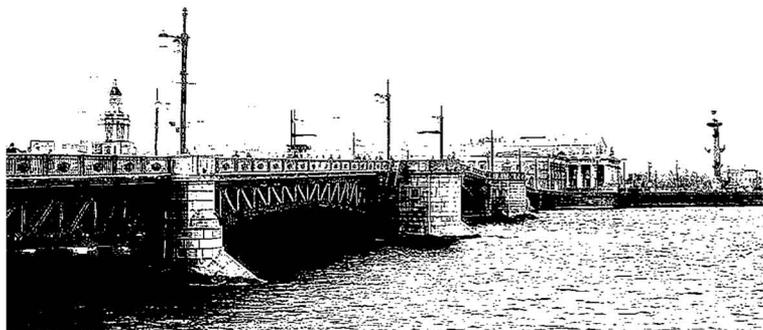

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ПЕРЕХОД ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ ЖЕЛЕЗА В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Материалы Круглого стола
23–24 июня 2011 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
Отдел археологии Восточной Европы и Сибири

**ПЕРЕХОД ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ
К ЭПОХЕ ЖЕЛЕЗА В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

Материалы Круглого стола
23–24 июня 2011 года

Санкт-Петербург
2011

Материалы Круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа
в Северной Евразии»: Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 года – СПб., 2011. – 80 с.

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.Ю. Алексеев, к.и.н. В.А. Алёшкин (*отв. ред.*), В.С. Бочкарёв (*отв. ред.*),
к.и.н. М.Т. Кашуба (*секретарь*), д.и.н. И.Н. Медведская,
Ю.Ю. Пиотровский, К.В. Чугунов

*Печатается по решению Учёного совета ИИМК РАН,
протокол № 5 от 8 июня 2011 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. КРИТЕРИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

- В.С. Бочкарёв** (*Санкт-Петербург, Россия*). Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы 5
- И.Н. Медведская** (*Санкт-Петербург, Россия*). Вопросы хронологии раннежелезного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе 8
- А.Н. Корякова, С.В. Кузьминых, Г.В. Бельтикова** (*Екатеринбург, Москва, Россия*). Переход к использованию железа в Северной Евразии 10
- Н.А. Боковенко** (*Санкт-Петербург, Россия*). Эпохи бронзы и раннего железа южной Сибири: критерии выделения 16

РАЗДЕЛ II. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЭПОХИ БРОНЗЫ

- Д.П. Купцган** (*Симферополь–Черкассы, Украина*). Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы 19
- С.Д. Лысенко** (*Киев, Украина*). Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку на Северной Украине 22
- В.А. Дергачёв** (*Кишинёв, Республика Молдова*). К проблеме периодизации кладов поздней бронзы – раннего гальштатта Нижнего Подунавья 26
- С.М. Агульников** (*Кишинёв, Республика Молдова*). Процесс формирования погребального обряда белозерской культуры в Пруто-Днестровском междуречье 28
- С.В. Махортых** (*Киев, Украина*). О биритуализме в погребальном обряде белозерской культуры 31
- В.В. Потапов** (*Ростов-на-Дону, Россия*). К вопросу о финальной дате кобьяковской культуры на Нижнем Дону 34
- В.Н. Пилюшко** (*Москва, Россия*). Некоторые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Ахала (Южный Туркменистан) 38

РАЗДЕЛ III. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

- А.А. Чижевский** (*Казань, Россия*). Начало раннего железного века в Волго-Камье 41
- В.Р. Эрлих** (*Москва, Россия*). Переход от бронзы к железу на Северо-Западном Кавказе в свете связей с Южным Кавказом 46
- В.Е. Маслов** (*Москва, Россия*). К вопросу о происхождении курганов с «шатровым» перекрытием на Северном Кавказе 49
- М.Т. Капшуба** (*Санкт-Петербург, Россия*). Днестровско-Прутское междуречье как локальный центр перехода к раннему железному веку в Северном Причерноморье 53

М. Бандрицкий (<i>Львов, Украина</i>). Восточногальштатский импорт – новый источник для датировки курганов среднестровской (западноподольской) группы (по материалам усыпальницы в Швайковцах возле Чорткова на Тернопольщине)	59
Т.В. Рябкова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Памирская I курган 10: обоснование ранней хронологической позиции комплекса	63
К.В. Чугунов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Дата кургана Аржан и хронология начала эпохи ранних кочевников	69
Вл.А. Семёнов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Железо в ранних скифских курганах в Туве	75
А.А. Егорейченко (<i>Минск, Республика Беларусь</i>). О времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы	76
Список сокращений	80

РАЗДЕЛ I. КРИТЕРИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы

В.С. Бочкарёв

1. Одной из основных парадигм современной археологии является концепция времени. Поэтому вполне закономерно, что наша наука, как самостоятельная отрасль знаний, возникла вместе с «системой трёх веков» Томсена-Ворсо. По мере развития эта система приобрела статус универсальной археологической периодизации. Она давала общее, хотя и одностороннее, представление об изменении культуры во времени.

Вплоть до середины 40-х гг. прошлого века были не вполне ясны критерии этой периодизации. Обычно писали, что разделение на эпохи производят по материалам ведущих категорий изделий и техники их изготовления. Эти мнения оказались поверхностными. В своей знаменитой работе «Археологические века как технологические стадии» Г. Чайлда убедительно показал, что за сменой материала и техники стоят более глубокие и масштабные изменения – технологические (Childe 1944: 1–19). Стало окончательно ясно, что в основе этой системы лежит технологический принцип, благодаря которому она и добилась долговременных успехов.

Смена технологий как основной критерий археологической периодизации был выбран исключительно удачно. Оказалось, что технология в отличие от других культурообразующих элементов не подвержена обратимости во времени (Бочкарёв 2010: 14–21). Конечно, речь идёт не обо всей технологии, а только её самой передовой на то время отрасли, такой, например, как технология металлопроизводства. Она могла развиваться быстро или медленно, временами впадать в стагнацию, но никогда не обращаться вспять в сколь-нибудь заметных масштабах. В литературе приводятся некоторые локальные случаи её полной деградации, но все они требуют проверки. В целом, «система трёх веков» успешно используется в археологии уже более 170 лет и имеет хорошие перспективы для дальнейшего развития (Бочкарёв 2010: 21).

2. Признак универсальности, свойственный томсеновской периодизации, не распространяется на содержание её подразделений. Они заметно варьируют не только во временных, но и в пространственных отношениях. Поэтому, будь это палеолит, энеолит или какая-либо иная эпоха, для каждого из этих подразделений в принципе невозможно создать единую для всей ойкумены систему хронологии и периодизации. Она с неизбежностью будет распадаться на отдельные региональные схемы. В этом отношении показательна хронология европейского бронзового века. Как некое единое целое она существует только в воображении. В реальности она представляет собой совокупность региональных схем. Из них наибольшую известность получили разработки О. Монтелиуса, П. Райнеке, В.А. Городцова для Северной, Средней и Восточной Европы, а также А. Фурумарка для Греции.

В ходе исследований европейских материалов постепенно выяснилось, что важнейшим объектом периодизации является археологическая культура. По самой своей сути она призвана фиксировать своеобразные черты местного развития, а замена её другой культурой отмечает важнейший качественный рубеж в этом развитии. По этой причине в ряде европейских регионов смена культур стала важнейшим критерием периодизации памятников той или иной эпохи. К числу таких регионов относятся Средняя и Восточная Европа.

3. В соответствии с заявленной темой дальнейшее изложение будет сосредоточено на принципах периодизации эпохи бронзы юга Восточной Европы. Фундамент этой периодизации был заложен В.А. Городцовым более ста лет назад. В процессе своих раскопок в бассейне Северского Донца ему удалось выделить три основные степные культуры Восточной Европы: ямную, катакомбную и срубную. Впоследствии они стали восприниматься как звенья единой периодизации. Ямная культура отождествлялась с ранним бронзовым веком, катакомбная – со средним, а срубная – с поздним (РБП, СБВ и ПБВ). Смена культур рассматривалась как смена периодов. Эта простая трёхчастная схема оказалась очень удачной, и в несколько изменённом виде она используется до сих пор. Но с 60-х гг. прошлого века она начала давать сбои.

По мере того, как на территории Восточной Европы открывались новые культуры эпохи бронзы становилось всё более очевидным, что им невозможно найти место в трёхчастной периодизации. В этом отношении одним из показательных примеров является ситуация с бабинской культурой (КМК). Одни украинские археологи относят её к периоду средней бронзы, другие – к поздней, а третьи её помещают между этими периодами. В таком же неопределённом положении оказалась и целая свита волго-уральских культур (абашевская, покровская, синташтинская, петровская, «Сейма-Турбино» и т.д.). В зависимости от субъективных воззрений того или иного автора их свободно перемещают из одного периода в другой, из «средней бронзы» в «позднюю» и наоборот.

Эта путаница и неразбериха свидетельствует о кризисе, в котором оказался традиционный метод периодизации. Стало ясно, что прямые отождествления культуры и периода не всегда являются правомерными. Один период может быть представлен несколькими культурами. Из этого следует, что смена культур не обязательно является тем качественным рубежом, который отделяет периоды. В целом можно сказать, что упомянутый кризис был вызван отсутствием достоверных критериев периодизации.

4. Выход из создавшегося положения попытался найти Е.Н. Черных. Он предложил в основу периодизации эпох энеолита и бронзы на территории (бывшего) СССР положить крупные этапы развития металлургии. Вот, что он пишет по этому поводу: «Этапы характеризуют скачкообразные качественные изменения в ведущих типах медного и бронзового инвентаря, технологии металлообработки, употреблении видов медных сплавов, распространении металла и металлургии по новым территориям, а также распаде и образовании металлургических провинций. Упомянутые изменения носили зачастую всеобщий характер и касались населения, обитавшего на обширнейших территориях, охватывавших миллионы квадратных километров. Именно поэтому кажется целесообразным положить эти явления в основу общей периодизации эпохи раннего металла с V по начало I тысячелетия до н.э. на территории СССР» (Черных 1978: 56). Всего Е.Н. Черных выделил три этапа. Первый из них соответствует энеолиту, второй (с двумя фазами) – РБВ и СБВ, а третий – ПБВ.

Однако эта модель периодизации не нашла должного отклика в нашей литературе. В частности, она не была использована при создании региональных периодизаций в конце прошлого и в начале нынешнего века (Васильев и др. 1985: 60–94; Горбунов, Морозов 1985: 95–118; Зданович 1988; Синюк 1996; История Самарского Поволжья 2000). Позднее и сам Е.Н. Черных признал, что проблема периодизации эпохи бронзы южной половины Восточной Европы остаётся нерешённой (Черных и др. 2000: 5–8).

5. Несмотря на это, схему Е.Н. Черныха следует рассматривать как значительный шаг вперёд. В ней впервые были чётко сформулированы критерии периодизации и в общем верно определено их содержание. Вместе с тем она имеет и существенный недостаток. На наш взгляд, в этой схеме культурно-историческая периодизация слишком сильно и буквально привязана к относительной хронологии древнейшей металлургии. Их фактически отождествляют. Между тем они имеют дело с разными явлениями и особенно разными по

своим масштабам (Бочкарёв 1995: 115). Установлено, что лишь немногие изменения в металлургии имели действительно эпохальное значение. По существу к таковым мы можем отнести только технологические новации и, главным образом, в сфере металлообработки. Именно они и могут быть избраны в качестве критериев периодизации энеолита и эпохи бронзы. С теоретической точки зрения такой выбор вполне обоснован. Напомним, что в основу универсальной археологической периодизации («системы трёх веков») также положен технологический принцип. Поскольку этапы энеолита и бронзы являются звеньями этой периодизации, то этот принцип к ним также применим. Правда, его необходимо дифференцировать, так как здесь мы имеем дело с другим, более низким уровнем периодизации. Действительно, предложенные технологические критерии являются формами конкретизации этого принципа. Вполне очевидна также их практическая ценность. Как показывает изучение древнейшего металлопроизводства, технология обработки металлов развивалась сравнительно быстро и, в целом, не была подвержена деэволюции. Для периодизации особенно ценна эта её последняя черта. В цитированной выше работе Е.Н. Черных хорошо показано, что металлургия энеолита и бронзы Северной Евразии прошла длительный и сложный путь развития. У нее были как периоды подъёма, так и периоды кризиса и упадка. Но нигде и никогда не был зафиксирован сколько-нибудь масштабный возврат к старой технологии. Она являлась как бы стержнем хода развития культуры. По этой причине археологические эпохи, открытые К. Томсеном, оказались необратимыми во времени.

6. Технологически критерии позволяют разделить эпоху бронзы южной половины Восточной Европы на несколько периодов. В настоящей работе охарактеризуем только ПБВ. В отдельное подразделение поздняя бронза выделяется, прежде всего, благодаря тому, что в этот период появляется новая технология обработки меди и бронзы. По сравнению с технологией предшествующего времени она примечательна тремя важными достижениями: 1) появлением и постепенным распространением оловянных бронз (вместо мышьяковистых); 2) внедрением долговременных каменных форм (вместо глиняных); 3) освоением литья изделий со слепой втулкой (вместо изделий с ковальной втулкой). Эти новые технологические приёмы были взаимосвязаны и взаимообусловлены. Конечным результатом их комплексного применения стало широчайшее использование литья, как основного способа производства металлических изделий (Бочкарёв 2006: 54).

7. Новая технология получила широкое, но всё же не повсеместное распространение. Даже на юге Восточной Европы были области, где она была практически не известна (предгорья и горы Северного Кавказа). Но следует подчеркнуть, что зона распространения этой технологии, особенно, на ранних этапах сравнительно точно соответствовала территории волго-уральского очага и его провинции. Это не случайно, так как новая технология очень интенсивно использовалась в этом очаге. Обращает на себя внимание, что её появление и дальнейшее развитие было тесно связано с другими важнейшими достижениями волго-уральского очага. В совокупности они образуют компактный набор взаимосвязанных признаков. Все вместе и даже поодиночке они вполне адекватно характеризуют этот очаг и, что для нас особенно интересно, – местную эпоху поздней бронзы. Благодаря этому для идентификации указанной эпохи можно воспользоваться не только технологическими критериями, но и другими культурно-историческими индикаторами. К числу последних следует отнести такие признаки как появление костяных и роговых псалев, конных колесниц, топоров-кельтов и т.д. Сходство этих базовых характеристик позволяет поставить вопрос и о культурно-историческом соответствии очага и эпохи. Первое из этих явлений было как бы конкретным воплощением второго. Если это предположение найдёт дальнейшее подтверждение, то очаг культурогенеза также можно будет рассматривать в качестве объекта периодизации. Но в нашем конкретном случае уже сейчас вместо традиционного наименования ПБВ предпочтительней использовать термин эпохи бронзы волго-уральского очага

культуроге́неза. По своему содержанию они фактически идентичны, но второй термин полнее и чётче отражает особенности заключительного периода эпохи бронзы на значительной части территории Северной Евразии.

8. Завершая работу, можно подвести её некоторые итоги. Прежде всего следует констатировать, что с теоретической и практической точек зрения периодизация археологических памятников той или иной эпохи является одной из сложнейших проблем археологии. Для её решения требуется комплексный подход и несколько критериев. Но, в конечном итоге, всё зависит от того, насколько правильно и точно мы понимаем культурно-историческое развитие.

Литература

Бочкарёв 1995 – *Бочкарёв В.С.* Культуро́генез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго–Уралья (II тыс. до н.э.). Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1995.

Бочкарёв 2006 – *Бочкарёв В.С.* Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. СПб., 2006.

Бочкарёв 2010 – *Бочкарёв В.С.* Культуро́генез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010.

Васильев и др. 1985 – *Васильев П.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Горбунов, Морозов 1985 – *Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Зданович 1988 – *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.

История Самарского Поволжья 2000 – *История Самарского Поволжья* с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.

Синюк 1996 – *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Черных 1978 – *Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.

Черных и др. 2000 – *Черных Е.Н., Авилова А.И., Орловская Л.Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Childe 1944 – *Childe G.* Archaeological ages as technological stages // Journal of the Royal Anthropological Institute. London, 1944. Vol. 74.

Вопросы хронологии раннежелезного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе

И.Н. Медведская

1. В результате изучения археологических данных с привлечением сведений письменных источников к началу 1980-х гг. были предложены ответы на вопросы: когда и почему на Древнем Востоке начался железный век (ЖВ) (R. Pleiner, J.K. Bjorkman; J.C. Waldbaum; K.J. Forbes; V.C. Pigott; A.M. Snodgrass). Главный вывод этих исследователей состоит в том, что хотя в эпоху бронзы и были накоплены определённые навыки производства и обработки железа, ЖВ не наступал до тех пор, пока в нём не появилась хозяйственная необходимость. Переход к железу был в значительной степени вынужденным, он произошёл в условиях

мирового по масштабам того времени катаклизма, вызванного условно называемым движением «народов моря» на рубеже XIII–XII вв. до н.э. Его результатом стали ослабление почти всех «великих держав» Передней Азии и гибель Хеттского царства; были разрушены все торгово-экономические связи, и возник дефицит бронзы (источники меди и особенно других, необходимых для получения бронзы металлов, в отличие от месторождений железной руды, относительно редки). В этих условиях пришлось обратиться к железу, производство которого поначалу было дороже и сложнее, и железо по качеству уступало бронзе.

2. В рамках этой логично выстроенной гипотезы, тем не менее, предлагалось удревить начало ЖВ до XV–XIV вв. до н.э. Делалось это, как правило, в рамках общей концепции удревления археологической периодизации на основе радиоуглеродного датирования: удреваются отдельные памятники, содержащие железные изделия (Хасанлу V, IV, III), затем удревляется раннежелезный век в целом (R.H. Dyson, O.W. Muscarella). В этой связи иногда учитывается раннее начало железоделательного производства в Хеттском царстве.

3. Тот факт, что хеттские кузнецы умели изготавливать железо разных сортов и ковать разнообразные железные предметы уже в первой половине II тыс. до н.э., не может служить доказательством наступления ЖВ на всём Ближнем и Среднем Востоке даже в период Позднешеттского царства (XIV–XIII вв. до н.э.). Письменные тексты свидетельствуют, что хетты хранили тайны металлургического производства; в современных им царствах (Ассирия, Египет, Угарит) оно не было известно, и их правители довольствовались получением дорогих и престижных изделий из железа от хеттских царей. Можно ли говорить о наступлении ЖВ в пределах одной державы? Действительно, в эпоху поздней бронзы (1600–1200 гг.) в Малой Азии наблюдается падение производства бронзы, и это явление можно увязывать, по крайней мере, в XIV–XIII вв. до н.э. с широкомасштабным производством железа в пределах Хеттского царства. И вполне вероятно, что в условиях иной политико-экономической ситуации внедрение нового металла могло бы повсеместно ускориться. Но события на рубеже XIII–XII вв. и их результаты помешали этому произойти: они привели к паузе в поступательном развитии всего металлургического производства на Древнем Востоке. Об этом, прежде всего, свидетельствуют ассирийские письменные источники.

4. Действительно ли повсеместный переход к производству и использованию железа начался тогда, когда в последней четверти II тыс. до н.э. «вслед за космополитизмом бронзового века наступил период возрастающей изоляции, провинциальности, бедности» (J.C. Waldbaum)? **Нужно подчеркнуть, что развитие железоделательного производства в Хеттском царстве происходило в условиях его процветания.** Ускорился ли процесс внедрения железа в кризисный период после 1200 гг., когда, согласно основному выводу Э. Снодграсса, возник дефицит бронзы? Ассирийские источники не подтверждают эту взаимосвязь. Скорее они свидетельствуют о том, что разрушение торгово-экономических связей привело не только к дефициту бронзы, но и разрушило зачатки железоделательного производства на постхеттском пространстве.

5. Ассирия не имела собственных источников полезных ископаемых. В период кризиса она утратила почти все свои владения к западу от Тигра и, вследствие этого, была отрезана от важнейших источников сырья и потеряла возможность грабить владения «сидевших» на этом сырье владельцев. Но на вопрос – насколько ассирийские цари уже тогда были заинтересованы в получении именно железа, или точнее – когда этот интерес возник, ассирийские источники дают достаточно убедительный ответ – не ранее IX в. до н.э. И хотя в XII–X вв. до н.э. ассирийские цари изредка совершали походы как на север, в страны Наири, так и в район р. Хабур и далее на запад, трофейное железо не упоминается. Вывозился только строительный лес, в единичных случаях сообщается о захваченных бронзовых предметах. Не исключено, впрочем, что это умолчание было результатом характерной особенности анналов этого периода: содержание награбленного не раскрывалось, что как раз и можно

объяснить незначительностью добычи. Однако бронза продолжает достаточно часто упоминаться в связи со строительством и реставрацией храмов, дворцов, проведение каналов и т.п. Ассирийские тексты середины XI – конца X вв. немногочисленны и фрагментарны: лишь однажды описывается добыча, состоявшая из олова и бронзы. Начиная с 911 г. завоевательные походы становятся частыми, подробное описание военной добычи включает золото, драгоценные камни, оружие, коней, дворцовую утварь, бронза не упоминается. И только в IX в. до н.э. начинают вывозиться металлы, в том числе железо и бронза. Последняя сначала преобладает, но довольно быстро железо в количественном отношении сравнялось и превзошло бронзу.

б. Расцвет железоделательного производства в IX в. до н.э., отражённый в ассирийских анналах, не мог произойти на пустом месте. И хотя между крушением Хеттского царства и создавшимся изобилием железа в IX в. до н.э. прошло около 300 лет, приходится неизбежно допускать вероятность возникновения новых или сохранения старых очагов производства железа на периферии постхеттского пространства. Им мог быть, например, богатый железорудными месторождениями район оз. Ван. Здесь уже в XI–X вв., судя по материалам могильника Эвдигтепе (северо-восточное побережье Вана), железные изделия преобладали над бронзовыми. Но это, очевидно, был локальный расцвет в довольно изолированном районе. Ассирия не успела им воспользоваться – в XII–X вв. ассирийские цари не совершали сюда походов, и железо в ассирийских текстах этого периода не упоминается. В письменных текстах периода Урартского царства (IX–VII вв. до н.э.) железо в качестве военной добычи урартских царей не упоминается. Лишь однажды Сардури II (около 764–735 гг. до н.э.) сообщил, что он изготовил «железную печать». Это умолчание можно объяснить только тем, что урартская металлургия была полностью обеспечена собственными железорудными источниками и железоделательными центрами.

Может ли гипотетическое существование локальных очагов производства железа предполагать начало ЖВ как нового культурно-экономического этапа развития всего Древнего Востока уже в XII–XI вв. до н.э.? **Оправдано ли допускаемое исследователями совмещение наступившей кризисной фазы в развитии общества с подъёмом производства железа?** Другими словами, можно ли считать период XII–XI вв. до н.э. раннежелезным веком, или это был только переходный этап, суть которого в сосуществовании позднебронзового и раннежелезного веков, причём в период упадка металлургического производства на всём постхеттском пространстве в целом? Наступает ли ЖВ тогда, когда государство в лице царя заинтересовано в получении значительного количества железа (с IX в. до н.э.), берёт под контроль его производство и распределение (фиксируется в источниках VIII–VII вв.) и когда железо используется для производства вооружения и орудий труда? Как в таком случае согласовываются данные письменных источников с археологическими материалами?

Переход к использованию железа в Северной Евразии

А.Н. Корякова, С.В. Кузьминых, Г.В. Бельтикова

Проблема распространения железа в Евразии имеет несколько аспектов: 1) хронологический, 2) технологический и 3) социоэкономический. Мы попытаемся рассмотреть все три аспекта.

Исследование проблемы освоения человеком технологии получения железа и изучение кузнечного дела позволило специалистам предложить несколько вариантов периодизации этого процесса. Согласно британскому учёному Э. Снодграссу, чёрная металлургия в начале своего развития прошла три стадии (Snodgrass 1980). На первой стадии железо было

довольно редким и имело, главным образом, церемониальный характер, на второй стадии оно использовалось уже в производительном процессе, но в меньшем масштабе, чем бронза, на третьей стадии железо преобладало над всеми другими видами сырья.

Чешский историк чёрной металлургии Р. Плейнер, предложил четырёхфазную периодизацию (Pleiner 2000). Первая фаза – это период, когда железо было редким, дорогим материалом и имело ритуальное значение. Во второй фазе, которая определена Плейнером как «прото-железный век», железо уже производилось в ограниченном масштабе. Предметы из этого материала были доступны только высшим слоям общества. Археологически эта фаза совпадает с поздним или заключительным этапом бронзового века. Третья фаза рассматривается как реальный ранний железный век, когда основные типы орудий (ножи, долота, топоры, серпы) и оружия изготавливались из железа. Четвертая фаза характеризуется массовым специализированным производством из железа всех видов инструментов и оружия с использованием сложных методов (Pleiner 2000).

Несмотря на некоторые нюансы, мнение о том, что начало железного века маркируется свидетельствами целенаправленной технологии науглероживания железа и вытеснением бронзы из базового производительного процесса, разделяется всеми.

Известно, что люди познакомились с железом задолго до наступления железного века как такового. К числу регионов, где это произошло, можно отнести Южный Урал, юг Восточной Европы и Западной Сибири. Отсюда происходят около 50 железных и не менее 4-х биметаллических предметов, обнаруженных в памятниках ямной (24), катакомбной (1) и афанасьевской (21) культур раннего бронзового века.

В двух первых культурах из железа были сделаны, главным образом, орудия труда и отдельные виды оружия (ножи, тесла, долота, бритвы). Железные изделия афанасьевской культуры – только украшения. Морфологически железные и биметаллические (железо–медь) изделия этих культур полностью соответствовали основным типам орудий Циркумпонтийской металлургической провинции (ножи, тесла, долота). Спектральный, химический и металлографический анализы железа из курганов ямной культуры свидетельствуют о его метеоритном происхождении. Все имеющиеся данные указывают на то, что в обществе ямной культуры железо было ценным металлом и имело высокий статус. Все железные предметы найдены в довольно богатых погребениях и под большими курганными насыпями (Васильев, 1980). Однако традиция производства «ямного» и «афанасьевского» метеоритного железа прервалась.

Следующая стадия внедрения железа в жизнь и экономику евразийского населения может быть связана с концом эпохи поздней бронзы, хотя первые попытки получения кричного железа известны уже в эпоху средней бронзы (катакомбная культура) (Кузьминых 2003: 156). В позднем бронзовом веке были предприняты действенные попытки получения кричного железа, о чём свидетельствуют десятки предметов (шпилья, ножи, копирующие бронзовые образцы). Все они происходят из памятников срубной и сабатиновской культур восточно-европейской лесостепи (Багаутдинов и др. 1979; Березанская 1982; Березанская, Гершкович 1983; Бидзия и др. 1983; Граков 1958; Ключинцев 1997; Никитенко 1998; Подгаевский 1935; Пряхин 1996).

По мнению Б.Н. Гракова (1958) и А.Д. Пряхина (1973), донской регион может рассматриваться как один из ранних центров появления железа ещё в середине II тыс. до н.э. Мнение о независимом освоении сыродутного процесса обитателями лесостепи Восточной Европы разделяется многими исследователями (Шрамко 1987).

В финале бронзового века представлено довольно много железных изделий, происходящих из памятников культур валиковой керамики (Берестенев 1994; Березанская 1982; Буйнов 1980; Никитенко 1998). Из 33 предметов, известных на начало 2000-х гг., шесть ножей-кинжалов сделаны из меди и железа. Самое большое число железных изделий (25), преимущественно, орудия труда и оружие, происходит из памятников белозерской и бондарихинской

культур. Если в памятниках срубной культуры доминируют простые формы изделий, то среди бондарихинско-белозерских предметов преобладают ножи-кинжалы, а состав железа более разнообразен. Тем не менее, все предметы повторяют формы бронзовых образцов. По мнению Н.Н. Тереховой (1997), технология изготовления ножей и шильев состоит из простых операций свободной горячейковки. Тем не менее, есть свидетельства появления такой техники как сварка. Кроме того, металлографическим анализом улавливаются также следы карбонизации.

К концу II тыс. до н.э. число железных и биметаллических изделий значительно увеличилось, отражая спорадические попытки освоения новой технологии в рамках цветной металлургии. Процесс получения железа не был связан с опытом обработки метеоритного железа. Он, в основном, зависел от овладения техникой получения кричного железа.

Переход к широкому распространению железных орудий труда и оружия в умеренной зоне Евразии произошёл в период между VIII и III вв. до н.э. К концу IX в. до н.э. население Восточной Европы и Кавказа освоило процесс производства железа, а в VIII в. до н.э. стало делать биметаллические мечи и научилось получать сталь (Закавказье, Северное Причерноморье, Среднее Поволжье). За короткий промежуток времени – между VIII и VII вв. до н.э. – в этих районах все основные технологические операции были открыты и освоены (Граков 1977; Шрамко 1977), а именно: производство различных типов стали, горячаяковка, кузнечная сварка, цементация. Накануне железного века в Восточной Европе существовало две основные технологические традиции, восходящие к предыдущему периоду:

1. «Восточноевропейская или понтийская» традиция. Она основывалась на использовании чистого железа, качество которого было значительно ниже, чем у бронзы. Традиция зародилась в припонтийской степи и лесостепи в ответ на сокращение обеспеченности этих регионов бронзой;

2. «Переднеазиатская/закавказская» традиция. Она характеризуется применением карбонизации и горячей обработкой стальных изделий. Предполагается, что эта традиция восходит к древнему центру обработки железа Восточного Средиземноморья (Терехова, Эрлих 2002).

Большинство исследователей считает, что биметаллические мечи и кинжалы, которые были характерны для предскифского периода, распространились через Северный Кавказ (Терехова и др. 1997: 41). К VII в. до н.э. обитатели юга Восточной Европы уже знали все секреты производства железа, за исключением литого железа (Шрамко 1962). Здесь существовало несколько производственных центров, которые были связаны с большими городами, расположенными в лесостепи (Шрамко 1987: 115). Их обитатели быстро освоили чёрную металлургию и стали снабжать своей продукцией скифов. Новый материал стал употребляться для изготовления мечей и кинжалов.

Чёрная металлургия Урала. На Урале чёрная металлургия стала доминировать с середины I тыс. до н.э., хотя импортные железные предметы были известны там раньше. В первую очередь, это биметаллические мечи. В первой половине I тыс. до н.э. железо было ценным и довольно редким материалом. За Уралом железо вошло в жизнь относительно поздно (между V и III вв. до н.э.), особенно в Южной Сибири, богатой залежами медной руды.

Конец эпохи бронзы на Урале (IX–VIII вв. до н.э.) был ознаменован появлением двух производящих центров: ананьинского – на западе (Кузьминых 1983) и иткульского – на востоке (Бельтикова 1993; 1997). Они были связаны общей основой, продолжая традиции металлообработки Евразийской металлургической провинции позднего бронзового века, но сферы их влияния были различными. Первый ориентировался на северо-запад, север и северо-восток, второй – в основном, на северо-запад, юг и восток. Оба они функционировали в одно и то же время (VIII–III вв. до н.э.).

Ананьинский металлургический очаг завершил развитие волго-уральской цветной металлургии (Кузьминых 1983: 171). Он характеризовался производством орудий и оружия в традициях сейминско-турбинской, самусьско-кижировской и степной евразийской металлообработки. Использовались два основных рецепта сплавов на медной основе: оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы, а также «чистая» медь. Все они были известны в Волго-Уральском регионе в эпоху поздней бронзы. В этом очаге производились втульчатые топоры-кельты, наконечники копий и стрел, «парадные» секиры, однолезвийные ножи, тёсла и долота, разнообразные украшения. Влияние ананьинской металлургии распространялось далеко на север и северо-запад Европы вплоть до приполярных районов Фенноскандии (Tallgren 1937; Збруева 1952; Кузьминых 1983).

С самого начала ананьинская железообработка была связана с кавказскими и причерноморскими центрами (Терехова 1997). Из ранних ананьинских памятников (IX/VIII–VI вв. до н.э.) происходит не только бронзовый инвентарь киммерийских и раннескифских типов, но и немалое число биметаллических и железных изделий относительно высокого технологического уровня. Часть из них была произведена местными мастерами (прежде всего, однолезвийные ножи), но значительная – импортирована с Кавказа вместе с технологией (Терехова 1997).

Позднее, с VI в. до н.э., местное производство стало обслуживать нужды южных кочевников, прежде всего, савроматской археологической культуры. Железо использовалось для изготовления орудий труда, предметов вооружения, деталей конской сбруи. Примерно половина всех железных предметов из Старшего Ахмыловского могильника была изготовлена из неравномерно науглероженной стали, а также стали с большим процентом углерода. Применялись также поверхностная цементация и пакетирование. Около 14% изделий изготовлены из чистого железа. Ананьинские кузнецы знали свободную горячую ковку, сварку, штамповку, шлифовку и гравировку.

Тем не менее, нельзя забывать, что общая пропорция меди к железу была не в пользу последнего: примерно 20 к 1. Это было ещё только начало собственной железообработки в лесной зоне Восточной Европы. С III в. до н.э. она медленно, но уверенно распространялась на широкие территории. Преемница ананьинской культуры – пьяноборская – полностью базировалась в производстве орудий и оружия на железообработке. В то же время изготовление украшений в пьяноборской, гладыновской и караабызской культурах полностью оставалась в сфере цветной металлообработки.

Восточные склоны Урала между VIII–III вв. до н.э. были населены горняками и металлургами иткульской культуры. На памятниках этой культуры, расположенных на высоких берегах рек и озёр, в изобилии встречаются остатки металлургического производства (Бельтикова 1997). Иткульская металлургия базировалась на богатых месторождениях медных и железных руд, тянущихся примерно на 270 км вдоль восточных склонов Урала. Археологически она представлена разнообразными остатками: металлургическими и кузнечными горнами, литейными формами, шлаками, кусками руды, отходами производства, технической керамикой, орудиями горного дела и металлообработки. Подавляющее большинство предметов изготовлено из меди. Пропорция между медными и железными предметами, среди найденных на иткульских городищах, примерно 600 к 25. В отличие от ананьинского очага металлургии в иткульском производство железа началось примерно в V–III вв. до н.э. Все производственные центры со следами получения железа расположены на юго-восточной периферии иткульского ареала.

Для получения железа использовались сооружения для выплавки меди, а именно: поверхностные горны, снабжённые углублёнными секциями различной высоты. Железные изделия, в основном, орудия труда и украшения, немногочисленны, они повторяют по форме медные образцы. Не следует забывать, что иткульская культура представлена, главным

образом, материалами поселений (без могильников). Металлографический анализ показывает, что ножи были сделаны из кричного железа методом свободнойковки, но его качество было довольно низким. Напротив, иглы были выкованы из неравномерно науглероженной стали. Можно также отметить, что технология изготовления биметаллических ножей была достаточно трудоёмкой. В целом же, иткульская технология железа имела примитивный характер, демонстрируя очень раннюю стадию его освоения.

В свете сказанного можно заключить, что в зауральском (иткульском) металлургическом очаге существовали предпосылки для независимого освоения железоделательного процесса, что, разумеется, не может исключать внешнего влияния. Одним из факторов этого возможного независимого развития был, по-видимому, богатый опыт выплавки меди с получением железа как побочного продукта. Другой (экономический) фактор был обусловлен потребностью в металле южноуральских кочевников, которая сохранялась вплоть до III в. до н.э.

С III в. до н.э. железных инструментов и оружия становилось на Урале всё больше. С этого времени сырьевое преобладание окончательно перешло к железу, и железообработка целиком вытеснила бронзолитейное дело, кроме производства украшений и культовых изделий.

Железо в лесостепи Западной Сибири. Единичные железные изделия появляются здесь ещё в поздне бронзовом веке, в словской культуре (могильник Еловка 2). В позднейрменской культуре Приобья VIII–VII вв. до н.э. (поселение Линево) выявлены уже серии железных инструментов. К сожалению, технологически они ещё не изучены. В других памятниках этой культуры, связывающей бронзовый век с эпохой раннего железа, железные изделия не выявлены.

За Уралом одной из наиболее изученных является саргатская культура (Корякова 1988; Корякова, Дэйр 1997; 2002; Матвеева 1994). Её памятники занимают лесостепь и часть северной степи между Уралом и Барабинской низменностью, влияния этой культуры распространяются в северном направлении, образуя так называемую «вуаль». Саргатская культура представляет собой многокомпонентную систему – такую же, как и другие евразийские культуры железного века. Памятники предсаргатской стадии (VIII–VI вв. до н.э.) **чрезвычайно бедны металлом.** В раннесаргатских памятниках (V–III вв. до н.э.) его гораздо больше, но железных предметов также не так много. По сравнению с цветной металлообработкой получение железа развивалось в местных рамках, хотя, вероятно, его происхождение было связано с внешними факторами, а именно: с причастностью к сфере влияния кочевого мира и близкими связями с иткульской культурой. С III/II вв. до н.э. **саргатское общество полностью перешло на производство железа как базового материала.**

О саргатской обработке железа свидетельствуют многочисленные железные предметы, происходящие как из поселений, так и из могильников. Факты, указывающие на развитие собственной металлургии, – косвенные. Это куски железной руды (лимониты), шлаки, многочисленные остатки простых горнов (Корякова, Сергеев 1993). К сожалению, саргатская металлургия как таковая никогда специально не исследовалась. Некоторые предметы изучались металлографически (Зиняков 1997). Железо использовалось, прежде всего, для изготовления ножей, наконечников стрел, кинжалов, мечей, боевых топоров и защитного доспеха. Полные комплекты железного наступательного и оборонительного оружия и конского снаряжения, полученные из нескольких неграбленных могил, содержали также китайский импорт, в том числе железные мечи и кинжалы в лаковых ножнах.

Как показывает металлографический анализ, среди саргатских материалов преобладают предметы из чистого железа и стали среднего и высокого качества. Науглероженная сталь была получена с помощью специального цементирования. Ковка, многослойная сварка и цементация также были известны. Для изготовления небольших декоративных элементов кузнец применял пайку твёрдым припоем. Саргатская железообработка имела, вероятно,

домашний характер, качество сварки было невысоким, а температурный режим – довольно непостоянен (Зиняков 1997: 114).

В других областях западносибирской лесостепи (Верхнее Приобье – большепереченская культура) процесс внедрения железа происходил аналогичным образом с некоторыми местными особенностями. Например, здесь в материальной культуре доля вооружения была существенно меньше, чем в области саргатской культуры. На ранней стадии (V–III вв. до н.э.) большепереченские кузнецы использовали или «чистое» железо, или сталь. Свободная ковка была единственной технологической операцией обработки. В начале II в. до н.э. различные виды стали использоваться шире (Зиняков 1997: 193).

Лесная зона. Лесные жители познакомились с кричным железом к III в. до н.э. Они изготавливали орудия труда, некоторые виды оружия, антропоморфные бляхи и украшения, число которых увеличилось к середине I тыс. н.э. Всё же технология там была весьма архаична, отражая начальную стадию чёрной металлургии. Использовалось сварочное железо, слабо- и средненауглероженная сталь. Специфические особенности кулайской цветной металлообработки состояли в весьма устойчивой традиции бронзового литья, особенно в производстве многочисленных культовых фигурок, выполненных в зверином стиле. Однако к концу I тыс. до н.э. железо стало преобладать здесь в производстве орудий труда и оружия (Чиндина 1984: 141, 142).

Выводы:

1. Железо стало известным в Восточной Европе и Саяно-Алтае довольно рано – в III тыс. до н.э. – в эпоху ранней и средней бронзы. Это была стадия обработки метеоритного железа.

2. На следующей стадии – в позднем бронзовом веке или в пределах «прото-железного века» – кричный процесс был освоен в степной и лесостепной зонах Восточной Европы (срубная, сабашиновская, белозерская, бондарихинская, маклашеевская культуры), а также на Кавказе (вторая половина II тыс. до н.э.).

3. Как только этот процесс был освоен, в период с VIII по V вв. до н.э., он распространился, главным образом, в северном и восточном направлении (начальная стадия железного века). Волго-камский производящий центр постмаклашеевской культуры ананьинской культурно-исторической области стал одним из первых «получателей» новой технологии, откуда она проникла в другие культуры ананьинского мира. С другой стороны, железообработка лесной зоны была довольно консервативна по сравнению с лесостепью Восточной Европы, где относительно рано оформилось кузнечное дело. По другую сторону Урала ранняя стадия железного века начинается позже – между V и III вв. до н.э. Это произошло в результате взаимодействия различных внутренних и внешних факторов, среди которых политические и военные имели большое значение. В лесной области Зауралья и Западной Сибири становление железообработки приходится на последние века I тыс. до н.э. Здесь долго сохранялись стереотипы металлообработки позднего бронзового века.

4. В последние столетия I тыс. до н.э. и в первые века I тыс. н.э. почти все евразийские регионы вступают в реальный железный век. Железо не только производилось и удовлетворяло нужды населения различных регионов, но им также торговали. Те общества, которые обладали продвинутой технологией получения железа, были жизнеспособны и могли конкурировать с другими.

Неравномерность технологического прогресса отражена в различных культурах Евразии. Но есть общая закономерность: переход к новой технологии сопровождался разрушением старых и формированием новых культурных и социальных стереотипов. Хотя этот процесс не имел характера революции, его долгосрочные последствия могут быть расценены как революционные. В эпоху раннего металла развитие металлургии и металлообработки (последняя зависела от источников поступления металла) содействовали формированию системы обществ «производителей» и «потребителей». Относительно II тыс. до н.э. можно говорить о более развитом Юге и – Севере, остающимся, по сути дела, в условиях позднего каменного века. Позже, вместе

с внедрением железа, разница между областями Евразии значительно уменьшилась. К середине I тыс. до н.э. почти все евразийские общества были вовлечены в исторический процесс, который привел к быстрому культурному развитию и росту социальной сложности (Koryakova & Erimakhov 2007).

Эпохи бронзы и раннего железа южной Сибири: критерии выделения

Н.А. Боковенко

Первая интуитивная периодизация древней истории, предложенная Титом Лукрецием Каром (I в. до н.э.) и основанная на смене материала основных орудий труда: каменный век – бронзовый век – железный век, – существует до сих пор. Датский археолог К.Ю. Томсен в XIX в. обосновал выделение этих трёх веков уже по археологическим источникам, известным к тому времени. В дальнейшем, археологи всех стран пытаются создать более дробные периодизации и выделить археологические культуры на основе различных систематизаций огромного археологического материала, но, видимо, идея трёх веков ещё себя не изжила, особенно для лесной зоны Евразии. Несколько иная ситуация складывается для культур в степной зоне.

В Евразийских степях в конце II–начале I тыс. до н.э. появляется железо, и в Восточной Европе период I тыс. до н.э. называется «ранним железным веком» (Граков 1977; и др.). Но железо, особенно метеоритное, могли использовать и раньше, например, в афанасьевской культуре III–II тыс. до н.э. (Грязнов 1999: 18). В Южной Сибири массовое появление железных изделий начинается с III в. до н.э. (Кузьмин 1988: 80, 81).

В Северном Причерноморье начало освоения железа совпало с появлением скифской культуры, а переход от бронзы к железу – с киммерийским периодом. Но этнические названия для хронологических периодов также не всегда удобны. Там, где есть письменные источники с более или менее локализованными этносами (например, Северное Причерноморье, отчасти, Казахстан), такие периодизации приемлемы. Чем дальше на восток, тем дольше затягивался процесс перехода к употреблению железа, реальные этносы практически не известны или очень «мифологичны» и поэтому здесь начали отказываться от периодизаций, построенных по этническому принципу, взяв в основу иной принцип – способ производства, который, видимо, лучше отражает реальные процессы общественных явлений древнего населения степей Евразии.

Общеизвестно, что каждая археологическая периодизация должна отражать реальные закономерности и процессы общественного развития, в противном случае периодизация будет формальной и искусственной. Возможность деления какого-либо большого отрезка времени на части, эпохи, периоды и т.д. предполагает наличие в нём разделённых объективными процессами серии явлений, зафиксированные в памятниках (комплексах). Многообразие связей памятников друг с другом характеризует внутреннее единство данной эпохи, периода. И эта связь между памятниками внутри эпохи и периода должна быть более сильной и тесной, чем между памятниками разных эпох или другого периода.

Закономерный переход пастушеских племен к новому хозяйственно-культурному типу в начале I тыс. до н.э. был обусловлен рядом причин природного и социально-экономического характера. Динамизм этого процесса и широкий охват территории от Карпат до Монголии обусловлен совершенствованием системы приручения коня и освоение его под верховую езду. Это, несомненно, нашло своё отражение в археологических памятниках, которые, в той или иной степени, зафиксировали общие и локальные особенности процесса перехода к кочевничеству. Одним из ярких проявлений этого процесса было появление погребений с конскими захоронениями (Боковенко 1994).

Термин «ранние кочевники» предложен М.П. Грязновым в 1937 г. (Грязнов 1937) для обозначения большого исторического явления, связанного, прежде всего с переходом степных племен эпохи бронзы Евразии к кочевому скотоводству, что, в конечном итоге, привело к созданию культур скифо-сибирского облика (в широком понимании этого слова). Впоследствии данный период был достаточно подробно описан и нашёл отражение и обоснование в археологическом материале, были определены его хронологические рамки – скифо-гунно-сарматское время, а также высказано мнение о комплексной системе ведения хозяйства у кочевников (Черников 1960: 17, 18). Предложенный позднее термин «древние кочевники» (Хазанов 1973: 9; 1975: 272; Марков 1976; и др.) принципиально не отличается от предыдущего и относится также к обществам скифо-сарматской эпохи.

В этнографической литературе под определением «ранние», «древние кочевники» подразумевается кочевое и полукочевое скотоводство, составляющее класс номадизма (Марков 1985: 77). Как считает Г.Е. Марков, различия между кочевым и полукочевым скотоводством относительны, они выявляются в каждом отдельном случае на локальном конкретном материале и зависят от совокупности различных причин. Этой же точки зрения придерживается и Б.В. Адрианов (1985: 78), понимающий под номадизмом кочевое и полукочевое скотоводство с сезонными миграциями по пастбищам. Главным критерием здесь является доминирование экстенсивного пастбищного скотоводства, доставляющего основные средства к существованию, при наличии других побочных занятий – земледелия, ремесла, грабительских набегов и т.д. Эти понятия можно использовать в одном контексте, имея в виду комплексность хозяйственной деятельности ранних кочевников, при ведущей роли подвижного скотоводства.

Переход основной массы населения к кочевому скотоводству повлиял на все стороны хозяйственной и культурной жизни не только степных обществ, но, в какой-то степени, этот процесс отразился и на лесостепных культурах.

Далее М.П. Грязнов (1941: 238) на материалах Южной Сибири конца II–первой половины I тыс. до н.э. показал принципиальное отличие погребального обряда карасукской (конец эпохи бронзы) и тагарской культур (ранний железный век или скифский период). Во-первых, в VIII–III вв. до н.э. появилось значительно больше оружия (кинжалы, чеканы, стрелы, боевые топоры) и орудий труда, которые, видимо, крепились к поясу (ножи, шпилья, иглы). Во-вторых, в большинстве случаев погребальный обряд карасукского времени предусматривал помещение в могилу небольшой запас пищи в глиняной посуде и при ней ножа (шила) для умершего, а в тагарское время боевое оружие, нож, шило, игла и зеркало находились около пояса покойного и «<...> представляли собой неотъемлемую часть наряда» (Грязнов 1941: 238). Также важным признаком была поза погребённого на спине, в основном, в западном направлении, доминирование баночной посуды и массовое появление вещей, выполненных с элементами скифо-сибирского звериного стиля. Подобные наблюдения были сделаны им позже и на материалах из других территорий.

Таким образом, необходим поиск различных культурных микромаркеров, отражающих хронологические позиции культурных явлений, которые позволяют создавать археологические периодизации наиболее объективно.

На современном этапе исследований для культур Среднего Енисея используется четырёхчленная периодизация С.А. Теплоухова, доработанная М.П. Грязновым (1968). На основе изменения конструкций погребальных сооружений, обряда захоронения, сопроводительного инвентаря тагарская культура, генетически восходящая к местной карасукской культуре эпохи бронзы, была разделена М.П. Грязновым на четыре последовательных этапа: I – бановский (VII в. до н.э.), II – подгорновский (VI–V вв. до н.э.), III – сарагашенский (IV–III вв. до н.э.), IV – тесинский (II–I вв. до н.э.). С накоплением нового материала, полученного благодаря интенсивным работам Красноярской и Средне-Енисейской экспедиций ИИМК РАН, эта периодизация уточняется и дробится: выделяются семь последовательных этапов, начальный из которых датируется VIII в. до н.э. (Грязнов 1979).

Многочисленные радиоуглеродные датировки памятников, наблюдения над особенностями погребального обряда и синхронизация с хорошо датированными памятниками Тувы (Аржан 1 и 2) позволили уточнить хронологию отдельных этапов тагарской культуры (Боковенко и др. 2003: 19-22; Gärdsdorf et al. 2004; Алексеев и др. 2005; Поляков, Святко 2009: 20–56; Боковенко 2010: 100). Вследствие этого банновский этап датируется концом X–IX в. до н.э., подгорновский – VIII–VII вв. до н.э., сарагашенский – VII–III вв. до н.э. и тесинский этап датируется II в. до н.э. – II в. н.э. **В перспективе, конечно, необходимо дальнейшее обоснованное деление этих этапов, как и предполагал М.П. Грязнов, и как это сделано, например, для Гальштатта в Средней Европе.**

Литература

- Андрианов 1985 – Андрианов Б.В. Неоседелое население мира. М., 1985.
- Алексеев и др. 2005 – Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюк Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Г., Поссиерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чукунов К.В. 2005. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
- Боковенко 1994 – Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994 (АИ. Вып. 18).
- Боковенко 2010 – Боковенко Н.А. Начало тагарской культуры // Древние культуры Евразии: Материалы международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010.
- Боковенко и др. 2003 – Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Гил Б. ван, Лебедева Л.М., Семенов А.А. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Книга 2.
- Граков 1977 – Граков Б.Н. 1977. Ранний железный век. М.
- Грязнов 1937 – Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М.; Л.
- Грязнов 1941 – Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей // Труды ОИПК. Л., 1941. Т. 1.
- Грязнов 1968 – Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1.
- Грязнов 1979 – Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Грязнов 1999 – Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.
- Кузьмин 1988 – Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у д. Калы // Памятники археологии в зонах мелниорации Южной Сибири. Л.
- Марков 1976 – Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
- Марков 1985 – Марков Г.Е. О терминах и понятиях в этнографии // СЭ. 1985. № 5.
- Поляков, Святко 2009 – Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит – начало железного века) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. Вып. 5.
- Черников 1960 – Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М., 1960. № 88.
- Хазанов 1973 – Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М., 1973.
- Хазанов 1975 – Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.
- Gärdsdorf et al. 2004: Gärdsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ¹⁴C Datings of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time // Impact of the Environment on Human migration in Eurasia. Dodrecht; Boston; London, 2004 (NATO Science Series. IV. Earth and Environmental Science. Vol. 42).

РАЗДЕЛ II. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЭПОХИ БРОНЗЫ

Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы

Д.П. Куштан

С середины II тыс. до н.э. на территории Северной Евразии наблюдался резкий скачок металлургического производства, связанный с использованием оловянной бронзы и новых технологий отливки тонкостенных изделий с литой втулкой в разъемных многоразовых формах. Эти новшества подняли на иной, качественно новый и продуктивный уровень производство металлических орудий, оружия и украшений, что позволило наладить серийное изготовление более совершенных в качественном и функциональном отношении предметов. Таким образом, был достигнут пик «бронзолитейной революции», которая кардинально изменила экономику и социально-политическую жизнь, как в центрах древних цивилизаций, так в их периферийных зонах (Черняков 1982: 82–84). Всё это содействовало быстрому расширению постоянных связей между населением не только близких, но и отдалённых территорий.

Под влиянием сейминско-турбинской металлургической традиции в разных частях Евразии складываются очаги металлообработки (ОМ) постсейминского горизонта/фазы Евразийской металлургической провинции (ЕАМП): лобойковский в Среднем Поднепровье и Подонцовье, дербеденевский (приказанский) в Среднем Поволжье и Приуралье, андроновский в Зауралье, Северном и Центральном Казахстане, Алтае и севере Средней Азии. На протяжении всего периода функционирования этих очагов (XV–XIII вв. до н.э.) наблюдается единство в ассортименте производимых металлических изделий (Черных, Кузьминых 1989: 266–277; Рындина, Дегтярёва 2002: 155, рис. 70).

Каждый из постсейминских ОМ имел свою меднорудную базу: медистые песчаники Донбасса – для лобойковского; медистые песчаники Поволжья и Западного Урала (Нижняя и Средняя Кама, Вятка) – для дербеденевского; коренные сульфидные руды Урала и его восточных склонов, месторождения Казахстана, Рудного Алтая и Средней Азии – для андроновского (Черных 1978: 72–75, рис. 1).

Также важным компонентом для изготовления высококачественных бронз было олово. В качестве лигатуры оно делало сплав более текучим, что позволяло изготавливать более совершенные металлические изделия (например, орудия с литой втулкой: кельты, наконечники копий). Кроме того, присутствие в сплаве олова существенно понижало температуру плавления бронзы. Как показал спектральный анализ бронзовых изделий с территории Среднего Поднепровья, содержание олова в большинстве случаев составляет довольно значительную долю – от 2 до 10%, что свидетельствует об искусственном добавлении легирующего элемента (Гошко и др. 2009: 104, 105, табл.). Для очагов ЕАМП месторождения оловянной руды (касситерита – SnO_2) разрабатывались на территории Восточного и Центрального Казахстана, Рудного Алтая, Средней Азии (Кузьмина 1994: 149). О том, что сырьё добывалось не только для внутреннего использования, но и на экспорт, свидетельствуют значительные объёмы добычи – до 10 тонн олова ежегодно (Кузьмина 1994: 141–152).

Эпоха поздней бронзы на степных и лесостепных просторах Евразии от Днепра на западе и до Алтая на востоке была связана с историей и взаимодействием двух больших культурно-исторических общностей (КИО): срубной и андроновской. На развитом этапе поздней бронзы (XV–начало XIII в. до н.э.) прослеживается проникновение отдельных

элементов черкаскульской и фёдоровской культур андроновской КИО с территории Зауралья и Казахстана через степное и лесостепное Поволжье вплоть до дальней западной периферии «срубного мира» – Поднепровья. Здесь в комплексах бережновско-маёвской срубной культуры фиксируются находки типичной черкаскульско-фёдоровской керамики (богато орнаментированные кубки на поддоне), а также отмечается появление погребений по обряду кремации, не характерной до этого времени для срубников (Отрощенко 1976: 186; Волковой 1980: 71; Березанская, Гершкович 1983: 101–108; Кузьмина 1987: 63–65; Отрощенко 2001: 161).

Начало финального этапа поздней бронзы (конец XIII–X в. до н.э.) совпало с распадом срубной и андроновской КИО. На смену им на значительном пространстве степи и лесостепи от Дуная до Алтая приходит общность культур валиковой керамики (КВК). Для составляющих её культур, кроме одинакового стиля орнаментации кухонной посуды одинаковым наклепным валиком, характерны также сходные типы бронзовых изделий из высококачественной оловянной бронзы (Черных 1983: 90–93). Как и для предыдущего этапа, основными направлениями взаимосвязей были широтные – вдоль северной границы степи (Членова 1976: 80). Поэтому по-прежнему фиксируются активные культурные связи по линии Западная Сибирь – Среднее Поволжье – Поднепровье.

На материалах керамических комплексов поселений позднеسابатиновского и раннебелозерского времени Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья Я.П. Гершковичем была выделена «группа восточного, поволжско-приуральско-казахстанского происхождения», которая сопоставлялась, в основном, с культурами восточной зоны КВК: черкаскульской, фёдоровской, межовской, тазабагыябской, саргаринско-алексеевской, хвалынской (ивановской), сусканской (Гершкович 1998: 75–78; 2001: 70). Присутствует такая керамика и на памятниках белогрудовской культуры Среднего Поднепровья. Впервые на неё обратил внимание ещё А.И. Тереножкин (1961: 54, 55; рис. 29), рассматривая материалы Субботовского городища. К этой группе были отнесены горшки, украшенные углублённым орнаментом в виде однорядных и многорядных горизонтальных ёлочек; орнамент из скошенных треугольников; наклепной валик, орнаментированный косыми, крестообразными или сетчатыми отпечатками прямого штампа; керамика с характерным «воротничковым» оформлением венчиков. Эти элементы декора находят аналогии с керамикой ивановской и сусканской культур Поволжья, межовской культуры Зауралья, кобяковской культуры Нижнего Дона, позднефёдоровской и саргаринско-алексеевской культур Пригобья и Казахстана (Гершкович 2001: 70).

Благодаря последним исследованиям перечень поселенческих памятников заключительного этапа поздней бронзы Среднего Поднепровья, в керамических комплексах которых присутствует керамика поволжско-приуральско-казахстанского происхождения, может быть продолжен. Она была идентифицирована при повторной обработке керамических коллекций поселений Мошны (Куштан 2005: 104, 105), Чикаловка (Куштан 2006: 269), Максимовка-Топыло (раскопки В.Н. Даниленко 1956 г.). Такая же керамика обнаружена на исследованных автором размытых поселениях позднеسابатиновско–раннебелозерского времени в зоне Кременчугского водохранилища на Днепре (Липовское 1, Червонохиженцы 2, Самовица-остров 1, Чапаевка 8, Лески 3б). На всех выше указанных памятниках керамика восточной группы найдена совместно с керамикой позднеднестровской, белогрудовской, малобудковско-бондарихинской культур.

Среди причин проникновения керамики восточной (поволжско-приуральско-казахстанской) группы вплоть до Поднепровья Я.П. Гершкович (1998: 81) называет климатические изменения, имевшие место в последней четверти II тыс. до н.э., в частности, начало процесса аридизации. Однако едва ли этим можно объяснить столь далёкие связи именно в широтном направлении. Очевидно, их причины нужно искать в межплеменных экономических связях и контактах. Не последнюю роль в распространении межплеменных

контактов внутри ЕАМП сыграло тяготение к сырьевым ресурсам, в первую очередь, необходимых для металлопроизводства.

Так, важную роль для населения Среднего Поднепровья, начиная с развитого (срубно-андроновского) этапа поздней бронзы, имело восточное направление связей, обусловленное, кроме тяготения к меднорудным источникам, также потребностью местных литейщиков (лобойковский очаг металлообработки) в таком дефицитном для этого времени сырье как олово – важной составляющей для производства высококачественной бронзы. Для нужд очагов ЕАМП месторождения оловянной руды (касситерита) разрабатывались племенами фёдоровской культуры андроновской КИО на территории Центрального, Южного и Восточного Казахстана, Рудного Алтая, Средней Азии. Оттуда это ценное сырье переправлялось на запад тысячекилометровыми торгово-обменными путями (Черных 1978: 72; Кузьмина 1987: 65; Евдокимов 2000: 116; Рындина, Дегтярёва 2002: 156). После распада андроновской КИО монополия на добычу олова перешла к племенам саргаринско-алексеевской (дандыбай-саргаринской) культуры.

Трансевразийский «оловянный» путь на запад мог быть проложен в двух направлениях. Одно из них проходило через Средний Урал (ареал черкасульской, а позже межовской культур) до Волго-Камья (ареал сусканской культуры), где функционировал дербеденевский очаг металлообработки. Второе шло южнее Урала через степное Поволжье (ареал ивановской культуры) в сторону Днепра. Маршруты этих путей маркируют клады бронзовых изделий (с востока на запад): Шамши в Средней Азии; Сосновомазинский, Дербеденевский, Ильдеряковский и Кармановский в Волго-Камье; Терепковский на Среднем Дону; Трёхизбенский в Подонцове; Лобойковский, Кабаковский, Благовещенский, Нижнехортицкий и Борисовский в Среднем и Нижнем Поднепровье. Высокому уровню коммуникаций на заключительном этапе поздней бронзы, очевидно, способствовало применение лошади для верховой езды, о чём свидетельствует распространение по всей зоне КВК единого типа стержневидных трёхдырчатых псалиев.

О существовании «оловянного» пути пока можно говорить лишь гипотетически, поскольку не было найдено прямых свидетельств находок оловянного сырья на поселениях поздней бронзы к западу от Урала. Тем не менее, распространение кладов бронзовых орудий, импортной керамики, псалиев на просторах Северной Евразии (от границ современного Казахстана до Центральной Украины) может быть объяснено, на мой взгляд, лишь существованием такого пути.

Конец функционирования трансевразийского «оловянного» пути, по крайней мере, на отрезке между Волгой и Днепром, связан с XII–X вв. до н.э. Деструктивным элементом здесь, вероятнее всего, послужили степные племена белозерской и кобяковской культур. В это же время (переход от финальной бронзы к раннему железному веку) в Волго-Камье формируется ананьинский ОМ, а в Саяно-Алтае – карасукский. Продукция этих очагов также свидетельствуют об уменьшении доли изделий из оловянной бронзы (Черных 1978: 77; Кузьминых 1983: 173). Таким образом, можно говорить о постепенном затухании оловодобычи вследствие разрушения извне экономических связей и путей обмена. Вероятно, это происходило на фоне процесса распада КИО позднего бронзового века и становлением новой этнокультурной ситуации в регионе, в частности появление КВК (Гершкович 2003: 37; 2006: 138, 139).

Прекращение доступа к оловянному сырью, вероятно, и стало одной из причин, ускоривших переход населения Восточной Европы к металлургии железа. Обработка железа хоть и являлась более трудоёмким процессом, однако сырьё для его производства было распространено повсеместно, что, безусловно, способствовало развитию местной металлургии и металлообработки без зависимости от отдалённых сырьевых источников.

Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку на Северной Украине

С.Д. Лысенко

Для эпохи поздней бронзы, на фоне многолетнего доминирования интереса к изучению культур степи и лесостепи Левобережного Поднепровья, тшинецкий культурный круг (ТКК) остаётся явлением, изученным крайне слабо. В советской историографии обобщающих исследований, посвящённых ТКК в его восточном ареале, немного (Артёменко 1987; Березанская 1972; 1982; Свешников 1990; Swiesznikow 1967). Куда больший интерес к изучению данной проблемы имеется в Польше (Czebreszuk 1996; Dabrowski 1972; Gardawski 1959; Górski 2005; 2007; Makarowicz 1998; 2010; Miśkiewicz 1978; Sulimirski 1936; 1968; Taras 1995).

Прежде чем остановиться на проблемах перехода к раннему железному веку на Северной Украине следует сформулировать, что автор понимает под «тшинецким культурным кругом».

Не углубляясь в историю возникновения самого понятия «культурный круг» («Kulturkreis») (ИПО 1983: 151), остановимся на формулировке, использованной Р.А. Литвиненко при выделении культурного круга Бабино: «Под культурным кругом понимается группа археологических культур (АК), связанных изоморфностью структуры, типологическими рядами и сходством серии типов до такой меры, что это позволяет допустить родство этих культур (связь по происхождению или общность происхождения или наличие в них общего вклада); или сумма генетически связанных АК, которые характеризуются одними и теми же семействами типов» (Литвиненко 2009: 6).

Чем «культурный круг» отличается от культурно-исторической общности (КИО) или области? КИО – понятие, скорее, историческое, эту «общность» надо еще доказывать. «Область» же предполагает некие границы, за которыми начинается иная область. «Культурный круг», напротив, не имеет чётких границ. Отдельные проявления «культурного круга» могут быть выявлены далеко за пределами его основного ареала, в ареале соседних культурных кругов. Таким образом, культурные круги как бы накладываются один на другой. В качестве примера: обширная территория взаимодействия ТКК с курганными культурами, проявляющаяся не только в зоне смешения тшинецкой и предлужицкой культур между Одером и Вартой (Dabrowski 1972: rys. 1), а во всём тшинецком керамическом комплексе как Великопольско-Куявской низменности, так и Малопольской возвышенности на поздних фазах (Ignaszak, Makarowicz 1998; Makarowicz 2010: rys. 1, 2; 1, 3). Другой пример: керамический комплекс горизонта МП-II Малополовецкого могильника, содержащий как тшинецкую, так и срубную керамику (Лысенко 1996; 1998). Этот памятник находится в основном ареале ТКК, но срубная керамика от этого не становится «тшинецкой», а отражает взаимодействие со срубным культурным кругом вследствие наложения культурных кругов. Образцом наложения нескольких культурных кругов является также Гордеевский могильник в лесостепном Побужье (Березанська, Лобай 1994; Berezanskaja, Клоцко 1998), находящийся на южных рубежах ТКК.

Наложение культурных кругов наблюдается не только в пространстве, но и во времени, когда количественное накопление определённых признаков приводит к качественно изменению – формированию в недрах предшествующего культурного явления нового культурного круга. Так, на Куявах зачастую невозможно разделить памятники, имеющие черты и поздней ивенской культуры, и ранних проявлений ТКК, вследствие чего их относят, в целом, к условному горизонту КІ III/НТ 1 (Makarowicz 1998: tabl. 2–19). В восточной части ареала ТКК ранняя сосницкая керамика находит непосредственные прототипы в поздней среднеднепровской (Кривальцэвіч 1998) и не всегда однозначно от неё отличима;

малополовецкий тип является по многим признакам непосредственным продолжением бабинского (Лысенко 1998) и т.д. То же самое наблюдается и в период деградации и распада ТКК, но об этом ниже.

Значительно труднее, чем «культурный круг» сформулировать, что же собственно означает «тшинецкий».

Данное культурное явление распространено на территории девяти современных государств: Польша, Украина, Беларусь, Россия, Румыния, Молдова, Литва, отдельные памятники зафиксированы также в Латвии и Эстонии (Gardawski 1959: tabl. II; Dabrowski 1972: rys. 1; Makarowicz 2010: rys. 1, 1). Географически ТКК охватывает лесную и лесостепную (с преобладанием лиственных лесов) зоны Восточной Европы между Карпатами с юго-запада, Среднерусской возвышенностью с востока, Балтийским морем с северо-запада и границей степи и лесостепи с юго-востока. Время бытования ТКК, в целом, соответствует климатическому оптимуму суббореала (Лысенко 2002).

Системная связь между культурой и ландшафтом позволяет выделить в рамках ТКК две линии развития: тшинецко-сосницкую (лесную) и малопольско-комаровскую (лесостепную). Первая связана с низинными ландшафтами (Великопольско-Куявская низменность; Мазовия; Прибалтика; украинское, белорусское и брянское Полесье), вторая – с возвышенными (Прикарпатье; Волинская, Подольская и Приднепровская возвышенности (Лысенко 2002; Makarowicz 2010).

В зависимости от стока рек и преимущественному направлению культурных связей, ареал ТКК может быть разделен на Западный (первичный) и Восточный массивы.

Западный массив ТКК (тшинецкая культура) охватывает памятники бассейнов рек стока Балтийского моря (Вислы, Одера, Немана, Даугавы). В пределах западного массива выделяются группы: мазовецкая, малопольская, лубенская (Miśkiewicz 1978: 180, 190), неманская (Лакіза 2004; 2008; Rimantiene, Ostrauskas 1998: 203–215), а также разрозненные памятники на территории Латвии и Эстонии. Малопольская группа, в целом, соответствует выделяемым ранее опатовской и любельской группам (Gardawski, 1959; Dabrowski 1972: rys. 1).

Восточный массив ТКК занимает лесостепные и смешано-лесные ландшафты бассейнов рек Северного Причерноморья: Днепра, Южного Буга, Днестра, Прута, Серета, а также Верхнее Понеманье.

Лесная линия развития восточного массива ТКК представлена сосницкой культурой. В рамках этой культуры выделяются группы: припятская (Березанская 1972: 130) или турово-мозырская (Крывальцэвіч 1995: 7), сосницкая (Черниговское и Брянское Полесье; Березанская 1972: 130–134; Артёменко 1987: 106–113), северополесская (Крывальцэвіч 1995: 16), верхненеманская (русаковицкая) (верхнее течение Немана до в. Дакудава и верхняя половина течения Шары до в. Русакова; Лакіза 2004), киево-житомирская (Киевское Полесье; Лисенко 2001: 5–7).

Лесостепная линия развития восточного массива ТКК отражена в комаровской культуре. К этой культуре относятся группы: комаровская (Верхнее и Среднее Поднестровье, Верхний Прут; Свешников 1990: 79–82), волинская (лесостепная часть бассейна Припяти; Свешников 1990: 82–86), Костиша (Верхний Серет, Средний Прут; Vulpe 1961; Florescu 1970; Дергачёв 1986: 147, рис. 37, А; Kostisa 2001), гордеевско-белогрудовская (лесостепное Побужье; Лысенко 2002; Górski et al. 2003), киево-черкасская (лесостепное Среднее Поднепровье; Лисенко 2001: 7–11).

Используя ¹⁴C-даты и сопоставляя их со стратиграфическими данными, типологическим анализом керамики и металлических изделий, восточный массив ТКК может, в целом, датироваться в промежутке 1800/1700–1000 BC (Górski et al. 2003; Лисенко 2005).

Что же стоит за всем этим многоликим «тшинецким» массивом?

Для культурного круга Бабино, в основание выделения как самого культурного круга, так и отдельных культур и вариантов был положен погребальный обряд (Литвиненко, 2009). Для ТКК мы не наблюдаем подобной общности погребального обряда: в лесостепи доминирующим является труположение, в зоне смешанных лесов преобладают кремации. Бронзовые изделия («карпатская вуаль») также характерны, преимущественно, только для лесостепной линии развития. Кроме того, известные на сегодняшний день погребения и металлические изделия ТКК крайне малочисленны.

Единственной массовой категорией культурно значимых артефактов для всего ареала ТКК остаётся керамика. Однако и здесь возникает проблема. Сравнивая особенности керамических комплексов территориальных проявлений ТКК от Одера до Днестра и Десны (Makarowicz 2010, rys. 1, 2–6, 1, 9–12) трудно избавиться от мысли, что речь идёт о совершенно различных культурных образованиях. Однако, это только на первый взгляд.

Наибольшее различие территориальные колонки керамики показывают на ранних и поздних фазах. Это, видимо, связано с различной подосновой локальных групп ТКК и их различными судьбами. Однако все эти группы демонстрируют общий компонент, который становится доминирующим в классической фазе. Это тюльпановидный горшок различной степени профилирования (от развитого S-овидного до практически баночного профиля), украшенный горизонтальными углублёнными линиями по шейке (желобки, бороздки), а также нанесёнными в подобной технике заштрихованными треугольниками, группами отрезков и т.д. Керамическое тесто в классический период, за редким исключением, имеет в примеси дресву (в зависимости от сырьевой базы: кремь, гранит и т.д.). Поверхность сосудов ангобирована и тщательно заглажена, а во многих случаях и подлощена. Венчик либо утолщён, либо просто уплощён в различных плоскостях. На всех этапах развития керамики тшинецкого типа встречается, а иногда доминирует, орнаментация в виде оттянутого или налепного валика по плечу, а также – всевозможные наколы. Вторым значимым типом, наряду с тюльпановидными сосудами, являются чаши, также имеющие различную степень профилировки.

Таким образом, основой выделения ТКК является керамический комплекс классической фазы его развития. Особенности погребального обряда и комплекса металлических изделий не охватывают весь культурный круг и являются вторичными, характерными лишь для отдельных линий развития, культур и локальных групп.

Остановимся более подробно на особенностях керамического комплекса поздних и финальных проявлений ТКК. На территории, занятой в период поздней бронзы ТКК, впоследствии формируется ряд обособленных культурных массивов периода финальной бронзы и раннего железного века. Наиболее значимые из них: лужицкая, висоцкая, чернолесская и милоградская культуры.

Согласно радиоуглеродной датировке, формирование раннелужицкого керамического комплекса на Куявах относится ещё к периоду 1500–1400 BC (Czebreszuk et al. 1997: 49–54, rys. 46; Ignaczak, Makarowicz 1998: rys. 3). **Переход от поздней тшинецкой культуры к раннелужицкой** в Малопольше и междуречье Вислы и Сана был рассмотрен Я. Гурским. На основании переходных комплексов исследователь приходит к выводу, что они замыкают последний этап существования тшинецкой культуры и *одновременно* являются началом развития лужицкой культуры. Важным представляется вывод о том, что «комплексы со смешанными чертами свидетельствуют об эволюционном процессе замены одной культуры другой в рамках одной общности» (Górski, 1998).

В Верхнем Поднестровье и Западной Волини на смену комаровской и волинской группам ТКК приходит висоцкая культура (Бандрівський, Крушельницька 1998: мал. 1). Ранний период этой культуры отнесен к НаА и датирован 1200–1000 BC. В предшествующий период (1400–1200 BC) Н.С. Бандривский выделяет «переходный горизонт памятников

(«позднекомаровские ноанизированные комплексы») (Бандрівський 2002: 44). Керамический комплекс висоцкой культуры находит близкие параллели, как в лужицкой, так и в бело-грудовской культурах. Пережитки керамических традиций тшинецкой керамики наиболее чувствительны на раннем этапе висоцкой культуры. Так, например, на Петриковском могильнике среди многочисленных тшопановидных сосудов обнаружена также керамика, по форме и обработке поверхности находящая непосредственные параллели в керамике малополовецкого типа раннего периода ТКК в Среднем Поднепровье (Бандрівський 2002: рис. 32, 1; 35, 1). В последние годы Н.С. Бандривский расширил время бытования висоцкой культуры до периода 1900–800 ВС за счёт включения в неё классических комплексов комаровской культуры (например, Иванье; Бандрівський 2005), однако, на наш взгляд, это неудачная попытка объяснить сходство элементов висоцкого и комаровского культурных комплексов. Высоцкая культура, безусловно, в значительной мере формируется на основе западных групп комаровской культуры ТКК. Однако, по многим признакам (погребальный обряд, керамический комплекс, металл) висоцкая культура относится уже к совершенно иному времени. А ранневысоцкие памятники, на наш взгляд, отражают период перехода от ТКК к собственно висоцкой культуре.

Сравнивая по ряду признаков висоцкую культуру с белогрудовской, Н.С. Бандривский приходит к выводу о существовании в Правобережной лесостепи висоцко-белогрудовской культурно-исторической общности (Бандрівський 2005). Формируясь в бассейне Южного Буга (Гордеевка, Печера) на комаровской основе (Бар, Чеботарка), белогрудовская культура в период НаА охватывает Среднее Поднестровье, лесостепное Побужье, Восточную Волинь и лесостепное Среднеднепровское Правобережье. Генетическая связь белогрудовской культуры с комаровской неоднократно отмечалась исследователями (Гереножкин 1961: 237; Березанская 1956: 51; 1985: 512; Лысенко 2002). С другой стороны, кухонная керамика белогрудовского и чернолесского горизонтов идентична как в Среднем Поднестровье (Непоротов; Крушельницька 1998) так и в Среднем Поднепровье (Суботов; Гереножкин 1961); хронологические различия накапливаются за счёт столовой керамики, металла и пр. Таким образом, на наш взгляд, «белогрудовская культура» имеет двойственный характер. С одной стороны, она относится к финальному горизонту ТКК (отражающей его распад) в Правобережной Лесостепи, с другой – к раннему горизонту чернолесской культуры.

Аналогичную двойственность наблюдаем и в зоне смешанных лесов. В Киевском и Черниговском Полесье С.С. Березанская выделяет лебедовскую культуру, относя её к единой культурно-этнической области с памятниками Житомирского Полесья (Гремяче, Народичи; Березанская 1976). И.И. Артёменко лебедовскую культуру отнёс к позднему этапу сосницкой культуры (Артёменко 1987), то есть – непосредственно к ТКК. С другой стороны, О.Н. Мельниковская связывает с памятниками типа Гремяче и Народичи формирование милоградской культуры (Мельниковская 1967: 165, 166), а Л.И. Крушельницькая считает «лебедовскую культуру (по С.С. Березанской) лебедовским этапом милоградской культуры» (Крушельницька 1985: 29). В последние десятилетия значительный материал, сопоставимый с позднесосницкими памятниками Украины, накоплен белорусскими археологами (Прыбар-1; Заспа-2; Азярное-1). Эти находки дали возможность Н.Н. Кривальцевичу предположить, что «ранний этап милоградской культуры имеет более раннюю дату, чем VII в. до н.э. Не исключено также и то, что милоградская культура могла возникнуть в догородищенский период, то есть в поздний период эпохи бронзы. В таком случае большое значение в её генезисе должно было принадлежать восточнотшинецким (тшинецко-сосницким) древностям позднего периода бронзового века» (Кривальцевич 1998).

В основе появления перечисленных культур рубежа эпохи бронзы – раннего железного века, на наш взгляд, лежат климатические изменения конца суббореального периода. В XIII–XII вв. до н.э. на территории Северного Причерноморья начинается ксеротермическая

депрессия, нарастание континентальности климата. В X–IX вв. до н.э. континентальность климата ещё более увеличивается и финал чернолесской культуры соответствует пику иссушения (Герасименко 1997: 55, 56; Дараган 2004: 36; Лысенко, Папкевич 2009). Видимо, именно эти факторы, в конечном итоге, стали причиной переориентации традиционных связей и деструкции ТКК. Но если в степной зоне изменения климата сравнительно быстро привели к культурным изменениям, то в зоне лиственных и смешанных лесов этот процесс, похоже, сглаживался особенностями ландшафтов и затянулся на добрых два столетия.

К проблеме периодизации кладов поздней бронзы – раннего гальштатта Нижнего Подунавья

В.А. Дергачёв

Охватившее территорию Болгарии, румынской Добруджи и Левобережья Дуная (Олтения, Мунтения) металлопроизводство периода поздней бронзы – раннего гальштатта Нижнего Подунавья, изделия которого широко распространились вплоть до нынешних территорий Молдавии и Украины, представляет собой одно из наиболее ярких и сложных явлений прошлого.

Впервые намеченная ещё в 70-х гг. прошлого века в работах М. Петреску-Дымбовицы, Б. Хэнзеля, И. Панайотова и Е.Н. Черныха периодизация комплексов с изделиями нижнедунайской традиции в дальнейшем не разрабатывалась, вследствие чего остаётся приблизительной и противоречивой.

Предлагаемая в данном исследовании периодизация основана на максимальном учёте всех ныне известных материалов, в большинстве своём лично обработанных автором в многочисленных музеях Болгарии, Румынии, Молдовы и Украины. Периодизация разработана, преимущественно, на базе изучения кельтов (400 ед.) и серпов (около 600 ед.), вместе составляющих примерно 90% от общего числа всех изделий нижнедунайской традиции.

Решение проблемы включает разработку типологии изделий с учётом как технико-технологических, морфологических, так и метрических показателей (высота, ширина тулова, вес), а также их производных (пропорции), которые, как выяснилось, являются чрезвычайно чувствительными к временным изменениям, и, соответственно, могут широко использоваться в качестве хроноиндикаторов.

Процедура периодизации выстроена на взаимном сопоставлении всех комплексов-кладов по всем содержащимся в них типам изделий на предмет выявления устойчивых группировок, имеющих разное хронологическое значение. Она разработана в русле двух абсолютно независимых методических установок. В одном случае использован формализованный анализ данных – путём определения коэффициентов сходства/близости сопоставленных комплексов. Во втором случае осуществлён анализ разнометрических показателей, характерных для ведущих типов изделий и, соответственно, содержащих их комплексов.

Оба эти метода дали идентичные результаты, с той лишь разницей, что формализованный подход позволил обнаружить лишь основные хронологические разделы – периоды, в то время как анализ метрических показателей позволил также выявить ряд более дробных хронологических подразделов, существенно дополняющих внутреннее содержание каждого из основных хронологических периодов.

Результаты исследования сводятся к следующим основным положениям. Развитие и эволюция металлопроизводства поздней бронзы – раннего гальштатта Нижнего Подунавья включает три основных периода, каждый из которых подразделяется на два–три подпериода или этапа. Каждый из них характеризуется определённым типологическим набором

изделий (зачастую с разными высотно-весовыми показателями и разными пропорциями) и конкретными пространственно-временными параметрами.

Период I – ранний, комплексы типа Констанца Палас–Дичево, связанные с культурами поздней бронзы. В целом характеризуется бытованием двух основных и, пожалуй, единственных типов: кельтами и серпами типа Дичево. Период подразделяется на два этапа. *Этап I.A* представлен кладами Семерджиево, Текирдаг, Побит Камык и, отчасти, Констанца Палас, содержащих наиболее ранние архаичные кельты (высотой более 13,0 см и весом более 450 гр.), серпы и отдельные изделия предшествующего среднего периода эпохи бронзы. *Этап I.B* представлен кладами Констанца Палас, Касимча, Михай Браву, Казанлык, Кубрат, «Шумен», Данку, Еникиой – с теми же кельтами (высотой от 11,4 до 13,0 см и весом от 350 до 450 гр.) и серпами типа Дичево. Позднейшим для первого периода выступает клад Дичево, который начал накапливаться, преимущественно, на протяжении этапа I.B, но пополнялся вплоть до периода III.B, когда, по-видимому, и был предан земле.

Основной ареал производства и бытования изделий этого периода – Добруджа и территория современной северо-восточной Болгарии, с массовым экспортом в северном направлении – юг Восточного Прикарпатья, вплоть до Днестра.

Период II – переходной, комплексы типа Ойнаку–Самоводене, связанные с переходом от культур поздней бронзы к культурам раннего гальштатта. Характеризуется кельтами варианта Ойнаку (идентичных по морфологическим признакам типу/варианту Дичево, но принципиально различных по размерам, высота от 8,0–9,0 до 11,2 см, и весу – от 150 до 250 гр.) и серпами типа Дражна де Жос. В этом периоде появляются и новые (как правило, малоразмерные) типы как с арковидными, так уже и с трапецевидными (сплошными или укороченными) фасками. Практически все клады этого периода представляются как соответствующие обоим его подпериодам. Однако, клад Ойнаку и, похоже, клад Божурово более всего связаны с *этапом II.A*, клад Н. Бэлческу более всего тяготеет к *этапу II.B*, а клады Петрошань, Ряхово и Староселье, судя по их единичным экземплярам, дают равное распределение. Позднейшую позицию в ряду комплексов этого периода занимает клад Самоводене. Он накапливался, преимущественно, на протяжении этапа II.B, но просуществовал до этапа III.A. С рассматриваемым вторым периодом определённо связывается и возникновение клада Горско Косово, который, однако, продолжал накапливаться и на протяжении следующего третьего периода, поэтому он может интерпретироваться как характеризующий определённые части обоих периодов.

Период связан с существенными территориальными изменениями, сопровождающимися постепенным общим кризисом металлопроизводства в исходных регионах. Производство и бытование кельтов варианта Ойнаку смещается к западу, преимущественно, в бассейн реки Янтры и её притоков, а также, отчасти, на Левобережье Дуная. На севере Добруджи и в Мунтении формируются новые очаги, где отливались серпы типа Дражна де Жос и ряд новых типов (Данку, Касимча – высоких пропорций), продолжающие экспортироваться в северном направлении (до Днестра и Днепра). Одновременно новые очаги появляются в предгорьях Южных Карпат – со своими оригинальными типами (Окница, Плоешть – низкие, приземистые пропорции), распространившихся отдельными экземплярами на запад (вплоть до венгерского Задунавья и украинского Закарпатья).

Период III – финальный, комплексы типа Вырбица–Овча Могила, связанные с культурами раннего гальштатта. Характеризуется бытованием, главным образом, кельтов типа Вырбица T2A и T2B (с укороченными трапецевидными фасками, орнаментированных вертикальными нервюрами) и иными типами, преимущественно, низких, приземистых пропорций. С этим же периодом связано бытование малых серпов типа Вырбица. Период включает три этапа. Большинство кладов этого периода содержат изделия всех трёх этапов. Но, по степени накапливаемости разнотипных и/или разноразмерных кельтов, наиболее ранними

представляются вышеотмеченный клад Горско Косово и клад Вырбица 2, а более поздними – клады Вырбица 1, Овча Могила и Пелово.

Производство и бытование изделий и кладов этого периода сконцентрировано в междуречье рек Янтра и Искыр, с охватом, в большей или меньшей степени, как западных районов современной северной Болгарии, так и западных районов Олтении на левобережье Дуная. Показательно, что в отличие от двух первых периодов, изделия этого периода практически не встречаются за пределами указанной зоны.

Предлагаемая периодизация в целом соотносится с ещё широко практикующейся схемой П. Райнеке, но в нашем случае она носит более конкретный характер и, главное, непосредственно вытекает из внутреннего содержания самого материала.

Процесс формирования погребального обряда белозерской культуры в Пруто-Днестровском междуречье

С.М. Агульников

Вопрос происхождения и формирования погребального обряда белозерской культуры на сегодняшний день является достаточно дискуссионным. Однако исследования последних лет позволили выделить отдельные захоронения позднего бронзового века в Днестро-Дунайском (Ванчугов 2000: 39–56) и Пруто-Днестровском междуречьях (Агульников 2002: 176–181), которые можно отнести к этому периоду. Получить эти данные удалось в результате обработки статистическо-комбинаторным методом большей части массива захоронений позднего бронзового века степной зоны Пруто-Днестровского междуречья (Sava, Agulnikov 2003: 113–138). С учётом того, что белозерская культура генетически преемственна саба-тиновской, удалось прояснить отличие первой в культурной специфике, выражающееся определёнными чертами в погребальном обряде и инвентаре (Ванчугов 1990: 40).

Набольший интерес вызывают погребальные комплексы, имеющие черты обеих культур. К числу таковых в степной зоне Пруто-Днестровского междуречья относятся более 25 захоронений, а дополнительное исследование материалов эпохи поздней бронзы региона показывает, что их количество увеличивается (Агульников 2002: 43–52).

Формирование погребального обряда белозерской культуры было сложным процессом, в котором проявились черты и влияния целого ряда традиций предшествующих культур эпохи средней и поздней бронзы Юго-Восточной и Восточной Европы. Среди компонентов, слагающих погребальный обряд белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья, можно отметить следующие.

К срубным компонентам в белозерской погребальной обрядности относятся: наличие основных подкурганных сооружений со сложными конструкциями, формирование могильников с рядовой планировкой, присутствие погребальных камер прямоугольной и овальной формы, скорченное на боку положение погребённых, с преобладанием сильной, приближающейся к средней, степени скорченности. В срубной культуре выделяются захоронения знати, совершённые в могилах больших размеров, с богатым набором инвентаря, в котором присутствует металл, что характерно и для «богатых» белозерских погребений. В срубных курганах имеется ряд подкурганных конструкций: рвы округлой и прямоугольной формы, находящие аналогии в белозерской погребальной обрядности.

В срубной культуре появляются такие специфические керамические формы, как чаши и кубки с округлым туловом и цилиндрическим горлом. Возможно, некоторые элементы прочерченного орнамента срубной культуры находят аналогии в орнаментации керамики белозерского времени и фиксируются на посуде нижнедунайской группы памятников типа

Пребабадаг, где сочетаются с местной традицией орнаментации, ведущей своё происхождение из поздних фаз культур Монтеору и Ноуа. Хотя, с другой стороны, не исключено влияние последних на орнаментацию посуды срубной культуры. В дальнейшем прочерченный орнамент характерен для круга памятников Тэмэоань-Холеркань-Балта и, в том числе, для собственно белозерской культуры. В свою очередь, носители позднесрубной культуры в Нижнем Поднепровье принимают активное участие в формировании белозерской культуры в её восточном ареале, что прослеживается в материалах крупных могильников белозерской культуры, таких как Широцкий и Брилевский. Погребальный обряд срубных традиций распространялся на запад не только в сабашиновском культурном пространстве, но и проникал в среду культуры Ноуа, где при преобладании грунтовых могильников имеются и смешанные курганно-грунтовые некрополи. Данная традиция в дальнейшем трансформируется в белозерскую погребальную обрядность. Курганно-грунтовые некрополи, в первую очередь, характерны для белозерской культуры во всём ареале.

Сабашиновские черты в белозерском погребальном обряде, в целом, повторяют позднесрубные. Это наличие основных и впускных захоронений, последние образуют могильники в юго-восточных секторах курганов. Ряд подкурганных сооружений, таких как ровики, крениды, кромлехи проявляются и в памятниках белозерского времени. При этом следует отметить такие черты, как наличие погребальных камер больших размеров со сложными конструкциями с применением дерева (Кырэнэцень, Борисовка, Тараклия), в дальнейшем – ведущими для белозерской культуры. Варьирующая от сильной до средней степень скорченности погребённых в сабашиновской культуре, размещение инвентаря, напутственной пищи в могиле, в целом, идентичны для обеих культур. Стоит отметить, что в Днестровском Правобережье, у с. Кырэнэцень был исследован уникальный курган № 2 с основными погребениями сабашиновской культуры (№ 2–3), со сложными конструкциями, включающими в себя столбовые ямки, уступы, и керамическую посуду, представленную лощеными чашей и черпаком с вертикальными петлевидными ручками, наиболее характерными для комплекса Ноуа-Сабашиновка (Левицкий 1995: 159–165, рис. 1). Определённые керамические формы, такие как цилиндропейные кубки и чаши, черпаки, в ограниченном количестве имеющиеся в Сабашиновке, в дальнейшем получают развитие в белозерской культуре.

Немаловажным фактом является наличие погребальных комплексов переходного периода от Сабашиновки к Белозерке. Концентрация подобных захоронений в степной зоне Пруто-Днестровского междуречья и Левобережья Нижнего Дуная позволяет утверждать, что формирование белозерской культуры происходит именно в данном регионе. Переходный период от Сабашиновки к Белозерке наиболее ярко проявился в материалах захоронений курганов Днестровского Правобережья (Агульников, Малюкевич 2010: 185–195), которое в XIII–XII вв. до н.э. являлось контактной зоной внутри культурно-исторического массива Ноуа-Сабашиновка-Кослоджень между Востоком (степи Северного Причерноморья) и Западом (Карпато-Днестровский регион и Нижнее Подунавье).

Находки керамики с валиковой орнаментацией в тризнах белозерских могильников наглядно доказывают сохранение архаических сабашиновских черт в материальной культуре белозерского времени, о чём свидетельствуют материалы из Олэнештских курганов и Тараклийского курганного могильника (Агульников 2002: 176–182). Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы, где при скорченных скелетах с юго-восточной ориентировкой имелись сосуды культуры Монтеору, фазы ПЬ, доказывают, что в процессе формирования белозерского обряда участвовали и позднебронзовые культуры Запрутской Молдовы (курганы у сс. Токиле Рэдукану, Румянцево, Дойна). Концентрация подобных компонентов отмечается в курганах Правобережья Нижнего Прута (Агульников 2004а: 103–134).

Процесс перехода одной культуры в другую наглядно доказывается изменением ориентировки погребённых во впускных захоронениях в курганах энеолита – ранней бронзы

в позднесабатиновское время с восточной – на юго-восточную и южную в курганных могильниках Казакия, Олэнешть, Кочковатое, Плавни, и пунктах, где в дальнейшем сформировались белозерские могильники. Зоны формирования прослеживаются территориально, учитывается длительность подобных преобразований. Можно предположить, что изменения ориентировки позднебронзовых захоронений, вероятно, происходили в первой половине XII в. до н.э. Находки керамических и металлических изделий в переходных комплексах (бронзовые кинжалы позднего красноямацкого типа из курганов у сс. Зальц и Берёзки) подтверждают эту дату.

Черты и традиции культуры Ноуа. В процессе формирования белозерского погребального обряда активное участие принимали носители культуры Ноуа на позднем этапе её существования. Компонентами культуры Ноуа в Белозерке являются: формирование грунтовых могильников вблизи более древних курганов, южная ориентировка погребённых, планировка захоронений рядами и группами, наличие погребальных камер трапециевидной формы, появление в инвентаре культуры Ноуа сосудов – прототипов белозерской керамики: лощёных кубков, чаш, черпаков, горшков с налестками, орнаментация сосудов из могильников Запрутской Молдовы прочерченным орнаментом, в дальнейшем – основным для нижнедунайских позднебронзовых памятников и белозерской культуры. Подобная посуда зачастую сопровождает захоронения Ноуа с ориентировкой в южном полушарии (Агульников 2004б: 3–10). Ориентировка погребений культуры Ноуа в Припрутском регионе определена для 430 комплексов, из которых на юг с отклонениями ориентировано 142 захоронения (Sava 2003: 4). **И именно в этих погребениях начинают проявляться черты, в дальнейшем присутствующие погребальному обряду белозерской культуры.**

Можно полагать, что на последнем этапе своего существования под активным давлением раннегалльских племён с лощёной каннелированной керамикой носители комплекса Ноуа-Сабатиновка концентрируются в степной зоне региона, где и образуется белозерская культура, в погребальном обряде которой отмечаются компоненты трёх предшествующих культур: срубной, сабатиновской и Ноуа. По ряду датированных материалов процесс формирования белозерского погребального обряда происходит в первой четверти (первой половине) XII в. до н.э.

Литература

Агульников 2002 – *Агульников С.М.* Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов (V тыс. до н.э. – V в. н.э.): Тезисы докладов. Тирасполь, 2002.

Агульников 2004а – *Агульников С.М.* Формирование погребального обряда Белозерской культуры // *Thracian and Circumpontic World: Proceeding of the IX International Congress of Thracology.* Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 sept. 2004. Chişinău, 2004.

Агульников 2004б – *Агульников С.М.* Компоненты культуры Ноуа в белозерской погребальной обрядности // ССПК: Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я (до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова)». Запоріжжя, 2004. Вип. XI.

Агульников, Малюкевич 2010 – *Агульников С.М., Малюкевич А.Е.* Погребальные комплексы Сабатиновской культуры в курганах Днестровского Правобережья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010.

Ванчугов 1990 – *Ванчугов В.П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.

Ванчугов 2000 – *Ванчугов В.П.* Проблема погребального обряда сабастиновской культуры // Археология та етнологія Східної Європи. Одеса, 2000.

Левицкий 1995 – *Левицкий О.Г.* Погребальный комплекс сабастиновской культуры у с. Кырнэ-чень // ДСПК. Запорожье, 1995. Вып. V.

Sava 2003 – *Sava E.* Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpa-to-Nistrea (Complexul cultural Noua-Sabatinovka): Autoreferatul tezei de doctor habilitat de științe istorice. Chișinău 2003.

Sava, Agulnikov 2003 – *Sava E., Agulnikov S.* Contribuții noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka // Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-Pontic. Chișinău, 2003.

О биритуализме в погребальном обряде белозерской культуры*

С.В. Махортых

Конец эпохи бронзы на обширных просторах Евразии связан с переходом к кочевому скотоводству. Несмотря на близость исторической ситуации, региональные особенности вызвали к жизни различные культурные образования. В связи с этим, первоочередной задачей в изучении эпохи перехода к раннему железному веку становится детальное и углублённое исследование отдельных регионов с последующим сопоставлением полученных результатов.

Финальная бронза в степях Северного Причерноморья связана с населением белозерской культуры. Их погребальные памятники обладают яркой культурной спецификой, одним из проявлений которой является сочетание курганного и бескурганного обряда погребения, зафиксированного в могильниках Казаклия, Будуржель, Широкое, Брилевка, Первомаевка, Компанийцы. Объясняется этот биритуализм по-разному.

По мнению В.В. Отрощенко, деление захоронений на подкурганные и грунтовые является отражением социальной дифференциации белозерского общества, которое обладало достаточно сложной социальной структурой и переживало завершающую стадию разложения первобытнообщинных отношений (Отрощенко 1979: 86, 87). Материалы богатых подкурганных захоронений со сложным погребальным обрядом свидетельствуют о выделении родоплеменной знати, когда честь быть погребённым в кургане становится привилегией меньшинства.

Вместе с тем, по данным В.П. Ванчугова, в Северо-Западном Причерноморье наблюдается несколько иная картина, поскольку сравнение материалов курганных и грунтовых захоронений демонстрирует лишь незначительные различия (Ванчугов 1990: 55). Так, в Казаклийском могильнике открыт целый ряд погребений в грунтовых ямах сложной конструкции с богатым набором инвентаря. В то же время большое количество основных погребений в белозерских курганах Северо-Западного Причерноморья совершено в простых неглубоких ямах и не имеет инвентаря или сопровождается одним сосудом. Исходя из этого, вопрос о градации курганных и грунтовых могильников рассматривается В.П. Ванчуговым с этнокультурных позиций (Ванчугов 1990: 129–131). Отмечая инновационный характер таких элементов погребальной обрядности белозерских племен, как смена ориентировки, появление грунтовых погребений, смешанных курганно-грунтовых могильников, он связывает их появление с проникновением в Северное Причерноморье инокультурных групп населения, и, в частности, населения культуры Ноуа.

*Автор выражает благодарность SNF-SCOPES за поддержку этой публикации, которая подготовлена в рамках проекта IZ7320-128248.

Близкой точки зрения придерживается Г.Н. Тощев, указавший, что сосуществование в белозерской культуре грунтовых и курганных памятников, отражает две линии в этнокультурном развитии белозерского населения (Тощев 1992: 29). Появление в обряде захоронения белозерской культуры бескурганных могильников с преобладанием южной ориентировки, он, вслед за А.И. Мелюковой, связывает с фракийскими традициями Карпато-Дунайского региона (Мелюкова 1979: 39), где, однако, господствующими были грунтовые захоронения с трупосожжениями. Данное обстоятельство, наряду с существованием грунтовых могильников срубной культуры в Нижнем Подонье и Поволжье, позволяет принять во внимание гипотезу, объясняющую грунтовый обряд захоронения в Северном Причерноморье срубными традициями (Лесков 1975; Качалова 1985; Шарафутдинова Э. 1985: 147).

По нашему мнению, важное значение для объяснения существования в белозерской культуре нескольких погребальных традиций имеют два обстоятельства: комплексная оседло-земледельческая направленность хозяйства белозерцев и сам характер белозерской эпохи. Последняя является переходной не только от бронзового к раннему железному веку, но и от складывающегося на протяжении многих столетий оседлого быта и способа ведения хозяйства к кочевому образу жизни (Махортых 1993: 41). По сравнению с предшествующим сабатиновским периодом, исследователи отмечают кризисные явления в экономике белозерского населения Северного Причерноморья XII–X вв. до н.э. (В.С. Бочкарёв, В.П. Ванчугов, В.В. Отрошенко, И.Т. Черняков). Они проявляются в общем сокращении оседлых обитателей южной части степной зоны (примерно десятикратное уменьшение количества поселений), деградации строительного дела, сокращении бронзолитейного производства, возрождении кремневой индустрии и т.д. Приведённые данные свидетельствуют об упадке оседлого земледельческо-скотоводческого уклада белозерцев, и, прежде всего, земледелия. С другой стороны, увеличившаяся по сравнению с предыдущим периодом роль лошади у населения Северного Причерноморья (данные археозоологии), наряду с иными факторами, вероятно, создавала предпосылки для перехода к полукочевому и кочевому скотоводству, которое вскоре распространилось на огромных степных просторах Евразии.

В эпоху финальной бронзы нарушился существующий до этого баланс комплексного хозяйства, в рамках которого стало усиливаться скотоводческое направление, приобретающее постепенно подвижные формы, при одновременном нарастающем кризисе земледелия. Этот сложный процесс, как нам представляется, и нашёл своё отражение в погребальной обрядности белозерской культуры. Именно переходным состоянием белозерской экономики, наложившим свой отпечаток на идеологические представления, следует объяснять биритуализм погребального обряда белозерцев.

Сказанное выше подчеркивает важность изучения переходных эпох в археологии. В этой связи, хотелось обратить внимание на работу Г.Б. Здановича и В.К. Шрейбера, которые рассматривают особенности переходной эпохи, на примере развития культур андроновской общности в эпоху поздней бронзы (Зданович, Шрейбер 1991: 88–92). Изменения климата в Урало-Казахстанском регионе на рубеже II–I тыс. до н.э., как и в Северном Причерноморье, привели к сокращению посевных площадей и уменьшению количества тепла, необходимого для созревания злаков, что, в конечном итоге, способствовало переходу к кочевому скотоводству. Этот переход был рождением нового типа качественно-количественных зависимостей и совершался в виде скачка. Однако, как замечают Г.Б. Зданович и В.К. Шрейбер, такой скачок нельзя представить разовым единовременным актом. Его следует рассматривать как серию одноплановых скачков. Каждый переход отдельного семейного производственного коллектива к кочевому образу жизни кратковременен, но серия таких изменений, развернутая по всему региону, составляет определённую длительность. Наиболее сильные семейно-производственные коллективы саргаринско-алексеевской культуры «до конца» держались за традиционные формы хозяйства. Обедневшие коллективы, участки которых

больше всех пострадали от изменений климатических условий, были вынуждены переходить к кочевому скотоводству. Резкое размежевание традиционных и новых форм ведения хозяйства, а также их сосуществование при использовании различных экологических ниш почти на два столетия определили специфику культурно-исторического развития степей Урало-Казахстанского региона.

Отметим и точку зрения К.А. Акишева (1959: 10), который связывал широкое распространение параллельных обрядов погребения в андроновских памятниках Казахстана со скотоводческо-земледельческими истоками хозяйства андроновского общества. Близкого мнения придерживался и М.К. Кадырбаев (1974: 37).

Значительный интерес представляют также древности эпохи бронзы Нижнего Поволжья, указывающие на то, что население позднесрубной культуры хоронило своих умерших как в курганах, так и грунтовых могильниках (Шилов 1975: 110). Ссылаясь на существование в эпоху срубной культуры двух укладов хозяйства скотоводческо-кочевнического и оседлого земледельческо-скотоводческого, В.П. Шилов объясняет это тем, что кочевники практиковали курганный способ погребения своих умерших, в то время как оседлое население – создавали грунтовые могильники.

О биритуализме в погребальном обряде и связи его с переходными периодами свидетельствуют примеры из позднескифской истории IV–III вв. до н.э., когда имел место обратный процесс: переход части кочевников от подвижного скотоводства к оседлому образу жизни. Показательны в этом отношении материалы могильника скифского времени у с. Николаевка в Нижнем Поднестровье (Мелюкова 1975), где на одной территории сочетаются курганные и бескурганные погребения, причём обнаруженные в курганах простые могильные ямы по размерам и форме не отличаются от грунтовых.

Сказанное, однако, не означает, что многие другие известные нам примеры сосуществования на одном могильном поле двух или более обрядовых групп обязательно свидетельствуют о какой-либо переходной эпохе. Например, причинами, главным образом, этнополитического характера, объясняется сочетание курганного и бескурганного обряда захоронения в некрополях греческих городов античной эпохи или в ряде северокавказских могильников скифского времени. Так, на Келермесском могильном поле Л.К. Галанина исследовала два разноэтничных кладбища: скифское (курганное) и меотское (грунтовое) (Галанина 1985: 156–165). Обе группы населения, несмотря на тесный политический союз, сохраняли верность своим традициям в области религиозно-идеологических представлений, что и нашло своё отражение в их погребальных обрядах. Приведённые примеры, список которых можно было бы продолжить, убеждают в необходимости дифференцированного подхода к анализу смешанных курганно-грунтовых могильников.

Возвращаясь к памятникам белозерской культуры, следует отметить, что они показывают существование развитых форм подвижного скотоводства в Северном Причерноморье уже в эпоху финальной бронзы.

Продоланный выше анализ свидетельствует о сложности культурно-исторических процессов, имевших место в степи на протяжении финальной бронзы и предскифского периода. Существенную роль здесь играл климатический фактор, без учёта и специального изучения которого не может быть решена и киммерийская проблема.

Литература

Акишев 1959 – *Акишев К.А.* Памятники старины Северного Казахстана // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана. Алма-Ата, 1959. Т. 7.

Ванчугов 1990 – *Ванчугов В.П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.

Галанина 1985 – *Галанина А.К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА. 1985. № 3.

Зданович, Шрейбер 1991 – *Зданович Г.Б., Шрейбер В.К.* Переходные эпохи в археологии: к методике исследования // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991 (АИ. Вып. 1).

Качалова 1985 – *Качалова Н.К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Кадырбаев 1974 – *Кадырбаев М.К.* Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алмата, 1974.

Лесков 1975 – *Лесков А.М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975.

Махортых 1993 – *Махортых С.В.* Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Окружающая среда и древнее население Украины. К., 1993.

Мелюкова 1975 – *Мелюкова А.И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

Отрощенко 1979 – *Отрощенко В.В.* О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

Тощев 1992 – *Тощев Г.Н.* Будуржель – могильник белозерской культуры в Нижнем Подунавье // РА. 1992. № 3.

Шарафутдинова Э. 1985 – *Шарафутдинова Э.С.* Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Шилов 1975 – *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

К вопросу о финальной дате кобяковской культуры на Нижнем Дону

В.В. Потапов

Переход от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на территории степного юга Восточной Европы увязан в основном с так называемыми предскифскими памятниками, которые автор, вслед за О.Р. Дубовской (1996; 1997), относит к черногоровской культуре (Потапов 2000). Определение же «переходные» для таких памятников было введено К.Ф. Смирновым (1964), который усматривал в них черты, присущие как комплексам поздней бронзы, так и раннесавроматским. По нашему мнению, термин «переходные» вряд ли применим к погребениям черногоровской культуры, которая на современном этапе изучения представляет собой структурированное оформленное образование, занимающее обширное пространство. Вместе с тем, очевидно, что особенности материальной культуры и, главным образом, погребального обряда, характерные для черногоровской культуры начала раннего железного века, прослеживаются в степях Нижнего Дона и Предкавказья на заключительном, финальном этапе эпохи поздней бронзы (Калмыков, Потапов 2004; Потапов 2010). Всё это заставляет рассматривать именно период финальной бронзы как переходный, в котором возникают и формируются основные черты раннежелезного века.

Значимой в этом отношении представляется хронологическая атрибуция памятников нижнедонского варианта кобяковской культуры. Этот вариант сейчас представлен четырьмя поселениями (Шарафутдинова Э. 1980; Ларенок П., Потапов 2004), грунтовым могильником (Ларенок В., Потапов 2001) и тремя погребениями в кургане (Беспальный, Парусимов 1991; Потапов 1993). Не вызывает сомнения, что памятники кобяковской культуры относятся к «белозерскому» (Шарафутдинова Э. 1980) или даже к «позднебелозерскому» (Шарафутдинова Э.

1989) хронологическому горизонту. Вместе с тем, ещё на начальных этапах осмысления этих памятников, верхнюю их границу было предложено отнести к скифскому времени (Книшович 1934, Иессен 1947). О том, что кобяковская культура продолжает некоторое время существовать в начале раннего железного века, писала и Э.С. Шарафутдинова, относившая к этому времени находки каменных топора и молота, оселков с отверстием для подвешивания и наконечников стрел: костяного пирамидального и бронзового пулевидного. С.И. Лукьяшко (1999), предполагая сравнительно длительное существование этой культуры в пределах начального этапа раннего железного века, связывал с этим временем, помимо форм указанных Э.С. Шарафутдиновой, находки некоторых костяных наконечников стрел – втульчатого, ромбического в сечении, и плоского двухпёрого. Мы с В.В. Отрощенко также допускали кратковременное сосуществование черноморской и кобяковской культур, а в качестве аргументов были приведены пирамидальный наконечник и обломки черпаков, близких протомеотским, из землянки 2 Нижнегниловского поселения и жилища 1 Кобяковского поселения, то есть, жилищ, относящихся к позднейшим строительным горизонтам (Потапов, Отрощенко 2000).

Вместе с тем, датировка артефактов, привлекаемых для обоснования высокой верхней даты кобяковской культуры, не столь однозначна, как это представляется. В раннем железном веке на Северо-Западном и Центральном Кавказе широко распространены *каменные топоры и топоры-молоты* местного происхождения (Эрлих 2007), и логично предположить появление их прототипов в предшествующую эпоху, что подтверждается находкой фрагмента топора-молота в финальнобронзовом слое поселения Красногвардейское II (Шарафутдинова Э. 1989). *Оселки с отверстием для подвешивания* известны в степи не только в предскифских погребениях, но и в памятниках финальной бронзы (Отрощенко 1986; Потапов 2005; и др.). Полных аналогий бронзовому *пулевидному наконечнику стрелы* со скрытой втулкой нет, а костяные наконечники такого типа известны уже в покровских (Синицын 1959; Чередниченко 1970) и сабатиновских (Тереножкин 1961, Черняков 1985) памятниках, а также в комплексах финальной бронзы (Калмыков, Потапов 2004). *Втульчатый площик* не имеет себе аналогий, а *ромбовидный в сечении наконечник с короткой втулкой*, помимо кобяковской землянки 3, известен только в погребении Северный П-2-4 (Шарафутдинова Э. 1991) и не может использоваться в качестве аргумента в пользу высокой датировки кобяковской культуры. *Костяной пирамидальный наконечник*, помимо находок из памятников раннего железа, имеет аналогии в сравнительно архаичных комплексах Северного Кавказа (Козенкова 2001) и в памятниках сабатиновской культуры (Черняков 1985). Кроме того, он происходит из песчаного слоя Кобяково, подстилающего золистый, и где мы вправе ожидать относительно древние находки и, вполне возможно, попал туда случайно. Присутствие в нижнедонских кобяковских материалах *чашевидных черпаков* объяснимо генезисом этой формы посуды в кобяковской культуре – как в кубанском ее варианте (Шарафутдинова Э. 1989), так и в нижнедонском, тем более что такой черпак был найден в раскопанном в 2003 г. на Хапровском поселении строении, где обнаружен набор предметов, позволяющих датировать этот комплекс самым концом финальной бронзы (Ларенок П., Потапов 2004). Таким образом, приводившиеся ранее аналогии в пользу высокой верхней даты прекращения кобяковской культуры на Нижнем Дону, как минимум, небесспорны, и не отрицают более низкой датировки.

Упомянувшееся уже жилое строение (1) из Хапров является позднейшим на памятнике. Оно перекрывает котлован более раннего сооружения кобяковской культуры, и, очевидно, синхронный ему слой. Кроме того, постройка была сооружена уже после того, как на культурном слое был возведён оборонительный вал. Жилище это погибло в огне, после чего жизнь на поселении (или, во всяком случае, на исследованном участке) прекратилась до первых веков н.э. На дне его котлована найдено несколько бронзовых предметов, совокупность которых и позволяет датировать это жилище.

В первую очередь, следует упомянуть бронзовый двулезвийный *черешковый нож* с подтреугольным клинком. Вероятно, его края сточены, и клинок мог первоначально иметь параллельные лезвия. Впрочем, в любом случае, датировка этого ножа не может выходить за верхнюю границу эпохи поздней бронзы. *Пронизь*, свернутая из бронзового рифлёного листа, имеет аналогии среди «привесою» западного варианта кобанской культуры, датируемых в пределах конца эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века (Козенкова 1998). Выпуклая овальная *нашивная бляшка* с двумя отверстиями близка **II типу кобанских блях**, датируемых аналогичным образом (Козенкова 1998), а бляшка из одного из наиболее ранних погребений могильника Сержень-Юрт (№ 35), почти идентична хапrowsкой. *Бляшка-пуговица* с петелькой и двумя пробитыми отверстиями в щитке имеет близкую аналогию в финальнобронзовом погребении Новопапестинский П-5-7 на Нижнем Дону (Калмыков, Потапов 2004). Основанием для такой датировки погребения стала находка пластинчатого височного кольца с продольным рифлением (Потапов 2010). Рифлёные кольца встречены в кобанских памятниках конца эпохи бронзы (гробница 2 могильника Терезе; Козенкова 2004), в раннем пласте культуры Козия-Сахарна Среднеднестровского региона (Кашуба, Гольцева 1991), а также в финальнобронзовом погребении Чёрный П-1-6 вместе с ножом с параллельными лезвиями (Парусимов 2004).

Таким образом, в нашем случае мы имеем уникальное сочетание предметов, одни из которых датируются поздней бронзой (нож), а другие в пределах самого конца этой эпохи – начала раннего железного века. Наложение этих датировок даёт узкую – в пределах финальной бронзы – дату жилища, являющегося позднейшим кобяковским комплексом на поселении Хапры. При отсутствии убедительных доказательств существования кобяковской культуры в начале раннего железного века, о чём говорилось выше, очевидно, что такая дата маркирует прекращение существования всей этой культуры.

Появление оборонительного вала на Хапрах уже во время существования здесь кобяковского посёлка говорит о возникновении для его обитателей внешней военной угрозы, отсутствовавшей при его основании. Реальность такой опасности подтверждается гибелью в огне хапrowsкой постройки, а также позднейшего из исследованных жилищ на Кобяково – жилища № 1 (Шарафутдинова Э. 1980). Это позволяет несколько по-иному взглянуть на причины и время исчезновения этой культуры. По мнению Э.С. Шарафутдиновой, недолгое сосуществование кобяковцев и черногоровцев привело к ассимиляции первых последними. Тем не менее, мы видим, что гибель этой культуры происходит в самом конце эпохи поздней бронзы, и, совершенно очевидно, в результате военного столкновения.

Признаки возникновения в период финальной бронзы военной угрозы, направленной против оседлого населения, отмечаются на окраинах степи. Одним из объектов агрессии, по-видимому, становится бондарихинская культура, памятники которой практически полностью исчезают в это время в Подонье (Медведев 1999) и в украинском Предстепье (Ромашко 1995). А в Подонцовье на заключительном этапе существования этой культуры возникают укрепленные поселки, некоторые из которых погибли в огне (Буйнов 1981). На рубеже эпох бронзы и железа на левобережье Днепра исчезают чернолесские памятники, что, как свидетельствуют материалы поселений Госпитальный Холм и Баба (Ромашко 1982; 1983), может быть вызвано внешней угрозой.

В период финальной бронзы в бассейне Нижнего Дона, главным образом, на его левобережье и в степном Предкавказье, появляются погребальные памятники, сочетающие в себе черты погребений финальной бронзы, с одной стороны, и черногоровской культуры раннего железного века, с другой. Погребальный обряд этих захоронений обнаруживает сходство с черногоровскими по таким параметрам, как доминирующие позы умерших, ориентировка погребённых, набор и размещение заупокойного инвентаря и др. (Потапов 2010).

Всё это дает основание утверждать, что именно здесь, в степях Дона и Предкавказья, формируется черноговорская культура. Эта гипотеза была впервые озвучена В.В. Отрощенко (1994), говорившем о хронологическом приоритете древнейших погребений нижнедонской группы в общей системе черноговорских памятников. Тем не менее, черноговорская культура – это культура раннего железного века, занимающая практически всю восточно-европейскую степь, а то население, которое появляется на Нижнем Дону и в Предкавказье в конце эпохи поздней бронзы, скорее, можно назвать проточерноговорским. И именно с активизацией этого населения, очевидно, связана гибель Хапровского поселения и всей кобяковской культуры. Но это событие произошло ещё до того момента, когда раннековечническая черноговорская культура распространилась от Волги до Дуная.

Литература

Беспалый, Парусимов 1991 – *Беспалый Е.И., Парусимов П.Н.* Комплексы переходного и раннекифского периодов на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3.

Буйнов 1981 – *Буйнов Ю.В.* Бондарихинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев. 1981.

Дубовская 1996 – *Дубовская О.Р.* Этапы черноговорской культуры (в плане относительной хронологии) // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: **Материалы научной конференции.** СПб., 1996.

Дубовская 1997 – *Дубовская О.Р.* Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // АА. Донецк, 1997. № 6.

Иессен 1947 – *Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

Калмыков, Потапов 2004 – *Калмыков А.А., Потапов В.В.* Погребение из могильника Золоторёвка I и некоторые вопросы генезиса черноговорской культуры // ССПК: Материалы конференции «Проблеми скифо-сарматської археології Північного Причорномор'я (до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова)». Запоріжжя, 2004. Вып. XI.

Кашуба, Гольцева 1991 – *Кашуба М.Т., Гольцева Н.В.* Сахарнянский могильник I (Цыглау) // СА. 1991. № 1.

Книпович 1934 – *Книпович Т.Н.* Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 году // Изв. ГАИМК. Л., 1934. Вып. 104.

Козенкова 1998 – *В.И. Козенкова.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998 (САИ. Вып. В2-5).

Козенкова 2001 – *Козенкова В.И.* Посёлок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.

Козенкова 2004 – *Козенкова В.И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004 (МИИКНСК. Вып. V).

Ларенок В., Потапов 2001 – *Ларенок В.А., Потапов В.В.* Древнейший некрополь Кобякова городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов. Ставрополь, 2001.

Ларенок, Потапов 2004 – *Ларенок П.А., Потапов В.В.* Новые материалы кобяковской культуры на поселении Хапры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

Лукьяшко 1999 – *Лукьяшко С.И.* Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999 (ДД. Вып. 7).

Медведев 1999 – *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.

Отрощенко 1986 – *Отрощенко В.В.* Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

- Отрощенко 1994 – *Отрощенко В.В.* О погребениях черногоровского типа на Нижнем Дону // ИАИАИАНД в 1993 году. Азов, 1994. Вып. 13.
- Парусимов 2004 – *Парусимов И.Н.* Раскопки кургана у х. Крылов // ИАИАИАНД в 2003 году. Азов, 2004. Вып. 20.
- Потапов 1993 – *Потапов В.В.* Погребения кобяковской культуры на станции Хапры // РА. 1993. № 3.
- Потапов 2005 – *Потапов В.В.* О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. М., 2005 (Гр. ГИМ. Вып. 145).
- Потапов 2010 – *Потапов В.В.* Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Потапов, Отрощенко 2000 – *Потапов В.В., Отрощенко В.В.* Рец.: Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. ДД. Вып. 7. Азов. // ДА. 2000. № 2.
- Ромашко 1982 – *Ромашко В.А.* Поселение финальной бронзы – раннего железного века у с. Бузовка Днепропетровской области // Древности Степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1982.
- Ромашко 1983 – *Ромашко В.А.* Поселение и могильник начала I тыс. н.э. у с. Залинейное на Харьковщине // Древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1983.
- Ромашко 1995 – *Ромашко В.А.* Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII–X вв. до н.э.). Днепропетровск, 1995.
- Синицын 1959 – *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. М., 1959. № 60.
- Смирнов 1964 – *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Чердиченко 1970 – *Чердиченко Н.Н.* Поселение срубной культуры на Луганщине // СА. 1970. № 1.
- Тереножкин 1961 – *Тереножкин А.И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Черняков 1985 – *Черняков И.Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев, 1985.
- Шарафутдинова Э. 1980 – *Шарафутдинова Э.С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л., 1980 (САИ. Вып. В1-11).
- Шарафутдинова Э. 1989 – *Шарафутдинова Э.С.* Двухслойное поселение Красногвардейское II памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
- Шарафутдинова Э. 1991 – *Шарафутдинова Э.С.* Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. 1991. № 1.
- Эрлих 2007 – *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале раннего железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.

Некоторые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Ахала (Южный Туркменистан)

В.Н. Пилипко

Памятники эпохи бронзы на территории Ахала во второй половине XX в. изучались менее активно, чем в Этеке, и сведения об этих исследованиях практически не публиковались. Информация о достижениях в этой области распространялась в устной форме и редко выходила за пределы Анхабада. В обобщающих работах вся подгорная полоса Копетдага обычно рассматривалась как нечто гомогенное и на Ахал распространялись выводы, полученные при изучении памятников Этека.

Знакомство с материалами, накопленными сотрудниками Отдела археологии туркменского Института истории, а также собственные полевые изыскания позволяют автору дать более полную и более конкретную характеристику памятников Ахала эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Устоявшееся мнение о малочисленности указанных памятников не соответствует действительности. Разведки в поле и «раскопки» в архивах позволили установить, что на территории Ахала, то есть в подгорной полосе Копетдага между Кизил Арватом и Гяурсом, в эпоху поздней бронзы функционировало около двух десятков поселений и не менее десяти – в период раннего железа (Яз I).

Сбор подъёмного материала с большинства памятников и контрольные раскопки на некоторых позволили конкретизировать представление о материальной культуре эпохи поздней бронзы. Большим подспорьем в этом отношении стали несколько случайно обнаруженных могильников. В целом, накопленный материал позволяет характеризовать Ахал как составную часть огромного массива племён, широко расселившихся на просторах Среднего Востока от Мидии до Памира. В рамках археологических определений это «культура серой керамики» – на западе, плохо изученная территория древней Парфии и совсем не изученной Ареи – в центре, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс – на востоке и Дрангиано-Сеистанский район – на юге. В пределах этого региона Ахал – очень скромная область в Южном Туркменистане.

При сравнительном анализе культур этого ареала степень изученности Ахала заставляет оперировать только керамикой, и по этому признаку Ахал отчётливо демонстрирует свою принадлежность к указанной историко-культурной общности эпохи поздней бронзы. Это касается фактурных групп керамики, специфических технологических приёмов и наиболее характерных форм. К особенностям местного керамического производства относится приверженность к плотному красному ангобу в сочетании с тщательным лощением, использование плотного белого ангоба в сочетании с тщательным заглаживанием.

Одной из наиболее представительных форм местной керамики являются крупные горшки с очень коротким отогнутым наружу венчиком, крутыми, иногда почти горизонтальными плечиками, шаровидным туловом и чётко выраженной выкружкой при переходе к небольшому плоскому дну. На плечики у части подобных сосудов нанесён процарапанный орнамент в виде волнистой ленты. В Ахале уже в этот период наиболее чётко прослеживается зарождение клювовидных, манжетовидных и копьевидных венчиков, ставших наиболее распространёнными в последующую эпоху раннего железа. Равно как больших и малых т.н. цилиндрикоконических банок.

Эпоха поздней бронзы характеризуется сложной политической обстановкой. Несмотря на определённое единство рассматриваемой историко-культурной общности, отношения между отдельными составляющими её группами далеко не всегда были мирными. Ахал на юго-западе граничил с массивом «племён с серой керамикой», представленном на данном этапе сумбарской культурой, на востоке – с этекской (намазгинской) группировкой, на юге – с ещё какой-то практически неизвестной нам культурой на территории современного иранского Хорасана и, естественно, вступал с ними в некие отношения. Кроме того, на Ахал оказывали давление северные «степняки» – представители срубной и андроновской культур. Могильники «срубников» обнаружены непосредственно на западных подступах к Ахалу (в Параву). Развешенные стоянки «степняков» зафиксированы в прилегающей к Ахалу пустыне. А в шурфе на Парыз-депе, наряду с местной, обнаружены фрагменты степной керамики.

Ещё одна политическая сила появилась на финальной стадии эпохи бронзы. Это т.н. «язовцы» или носители «поздней расписной керамики» (культура Яз I), относительно которых среди исследователей до сих пор много споров – кто они по языку, откуда пришли в Среднюю Азию. Здесь только отмечу, что в Ахал они пришли с востока. Сначала

они захватили Этек и прочно там обосновались. Затем продвинулись в восточную часть Ахала. Граница между Ахалом и Этеком обычно проходила между Гяурсом и Бабадурмазом, но в период появления «язовцев» она определённо сместилась на запад в район Апхабада. В Гяурсе, Анау и Авадан-депе отчётливо фиксируется длительное пребывание «язовцев». Далее к западу встречаются лишь отдельные расписные черепки, при полном преобладании местной керамики кругового изготовления. Это можно расценивать как свидетельство того, что плотного освоения Ахала «язовцами» не было.

Характер взаимоотношений жителей Ахала с «племенами серой керамики» в эпоху раннего железа точно не определяется. В этот период достаточно отчётливо прослеживается влияние гирканской культуры на местную. Но не понятно, что оно отражает – силу гирканцев или, напротив, их слабость. Важную роль в решении этой проблемы, возможно, могло бы сыграть поселение Эрк-депе у Беурме. Предварительные наблюдения на этом памятнике показывают, что в основе – это ахальское поселение, на некоторое время захваченное гирканцами (культура арханчского Дахистана) и затем вновь перешедшее к «ахальцам».

В целом, в настоящее время ещё имеются значительные препятствия на пути чёткого выделения ахальского комплекса периода ранней стадии раннего железного века (периода Яз I). По всей вероятности, переход от комплексов поздней бронзы к раннему железному веку проходил очень плавно, поэтому границу между ними, основываясь лишь на материалах из небольших шурфов на памятниках, установить очень трудно. Для решения проблемы требуются раскопки на относительно больших площадях.

РАЗДЕЛ III. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Начало раннего железного века в Волго-Камье

А.А. Чижевский

Начало раннего железного века в Волго-Камье тесно связано с ананьинской культурно-исторической областью (АКИО). В историографии XIX и начала XX вв. это культурное образование, в то время называемое ананьинской культурой, устойчиво связывалось с бронзовым веком (Алабин 1860; Лихачёв 1887: 130, 131; Пономарёв 1914: 1–4; Tallgren 1916; Худяков 1923). Лишь к 30-м гг. XX в. с открытием и публикацией новых, не известных ранее могильников, содержащих наряду с бронзовыми и железные изделия, было высказано мнение о большой роли железа в жизни ананьинского общества (Шмидт 1935: 77). Впоследствии, прежде всего, благодаря осмыслению этих данных А.В. Збруевой, именно за ананьинской культурой закрепился приоритет в использовании железа в данном регионе (Збруева 1952).

Долгое время начало раннего железного века в Волго-Камье относилось, на основании аналогий с коллекциями степной зоны юга Восточной Европы, к VIII–VII вв. до н.э. (Збруева 1952, Смирнов 1952: 35, 37; Халиков 1977). На современном этапе, в связи с появлением ряда радиоуглеродных дат из погребений ананьинской КИО и общей тенденцией удревления коллекций первой четверти I тыс. до н.э. южных регионов России (Эрлих 1994; Козенкова 1996; Вальчак 2009), время начала раннего железного века в Волго-Камье и, соответственно, время формирования ананьинской КИО относят ко второй половине IX в. до н.э. (Чижевский 2002: 30–37; Кузьминых, Чижевский 2007: 3–6).

Первые свидетельства появления железных изделий на территории Волго-Камья немногочисленны – это фрагменты железных изделий из жилища № 1 Займищенской III стоянки (Калинин, Халиков 1954: 225), железные ножи из жилищного котлована Луговского I (Обыденнов 1986: 42) и жилища № 3 Ерзовского поселений (Денисов 1967: 42). Кроме того, аморфные фрагменты железных изделий были найдены в культурных слоях поселений эпохи финальной бронзы: Карташихинской I и II, Займищенской II стоянок (Калинин, Халиков 1954: 239). Все эти находки, как в жилищных котлованах, так и в культурных слоях поселений, связаны с маклашеевской культурой или её вариантами. Известна также находка железного шила из погребения 199 Мурзихинского II могильника, которое относится к позднему (маклашеевскому) этапу маклашеевской культуры (Чижевский 2000: 35, рис. 194; 196, 1; 211, 2).

Ситуация с появлением железа в Волго-Камье очень напоминает ситуацию, сложившуюся в кобанской культуре в XII–XI/X вв. до н.э., когда на Кавказе, в конце периода Кобань II, железо появляется в виде украшений и мелких орудий труда, таких как ножи и шилья (Козенкова 1996: 93, 94).

Таким образом, имеющиеся в настоящее время свидетельства появления первых образцов железных изделий в Волго-Камье относятся к маклашеевской культуре финала бронзового века, датируемой XII/XI – первой половиной IX в. до н.э. (Бочкарёв 2008: 248; Кузьминых, Чижевский 2009: 32). Достоверных данных о производстве железных изделий в Волго-Камье в маклашеевское время неизвестно, поэтому можно предположить, что это импортные изделия, изготовленные вне пределов данного региона.

Впервые о местном производстве железа упоминает А.В. Збруева, которая отмечала большое своеобразие некоторых типов железных предметов в ананьинскую эпоху, что свидетельствует, по её мнению, об их местном производстве, кроме того, в материалах

ананьинских городищ, по наблюдениям исследовательницы, присутствуют шлаки, которые могут быть железными (Збруева 1952: 58).

Более определённо об изготовлении железных изделий в ананьинской среде говорят Н.Н. Терехова и Л.С. Розанова. На основании анализа конструктивной схемы, как правило, очень сложной и трудоёмкой в изготовлении, они выделили три группы изделий местного происхождения. Это I тип железных наконечников копий VIII–VI вв. до н.э. (см. Халиков 1977: 189–192), прототипы которых присутствуют среди ананьинских бронзовых наконечников копий, и мотыгообразные орудия (пешни) (Терехова, Розанова 2009: 199). Третьей группой изделий являются местные подражания кавказским кинжалам, датированные по аналогиям с северокавказскими изделиями IX–VIII вв. до н.э. (Козенкова 1995: 56, 58). Технология изготовления этих предметов, судя по данным Н.Н. Тереховой и Л.С. Розановой, заметно отличается от кавказских образцов (Завьялов и др. 2009: 69–72). Подтверждением факта местного производства кинжалов данного типа является использование цветного металла Волго-Камского происхождения для изготовления рукоятей биметаллических кинжалов, найденных в ананьинских могильниках, и цельнобронзового кинжала из д. Татарское Бурнашево (Кузьминых 1983: 122, 128, табл. LIII, 1, 14).

Таким образом, можно говорить о том, что уже в раннеананьинское время на I этапе развития в IX–VIII вв. до н.э. ананьинские мастера освоили производство железных изделий, как оригинальных форм, так и подражающих импортным.

Происхождение технологии ананьинского железопроизводства в последние десятилетия устойчиво связывается с Кавказом (Терехова и др. 1997: 77). Об этом свидетельствуют основные технологические схемы, используемые в местном производстве железа, сохраняющие, впрочем, определённое своеобразие (Завьялов 2009: 66, 67, рис. 22).

Вопрос о сырьевой базе железоделательного производства далёк от своего разрешения. Установлено, что в производстве использовались низкофосфористые руды типа гематита (Завьялов и др. 2009: 72), однако источник их поступления в ананьинскую среду остаётся неизвестным.

В настоящее время выделено четыре археологические культуры, составляющие АКЮ: акозинская, постмаклашевская, ананьинская культура шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский 2009: 33–35). Развитие железоделательного производства у них можно представить по соотношению изделий из цветного и чёрного металлов, содержащихся в погребениях. Для анализа привлекались данные по орудиям труда и оружию – категориям, в которых с равной степенью вероятности могли использоваться разные материалы. В постмаклашевской культуре соотношение железных изделий и изделий, изготовленных из иных материалов, составляет 71%; в акозинской культуре – 66%; в ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики – 50%; в ананьинской культуре шнуровой керамики – 33%.

Учитывая значительный процент находок железных предметов в погребениях, а также наличие многочисленных железных шлаков и изделий из железа на поселениях АКЮ (пос. Курган, гор. Сорочьи Горы, Казанка I и др.), местное производство орудий труда и оружия из железа представляется бесспорным. Таким образом, большая часть культур АКЮ демонстрирует преобладание железа над бронзой (или равную с ним пропорцию) в изготовлении орудий труда и оружия уже во второй четверти I тыс. до н.э., что соответствует третьей стадии освоения железа по Э. Снодграссу (Snodgrass 1980: 337, 338).

Наиболее полно переход от бронзового века к железному прослежен на основе постмаклашевской культуры, так как именно здесь наряду с поселениями изучены и могильники переходного времени: II Березовогривский, Измерский VII, Мурзихинский II, II Полянский, Тетпошский (Чижевский 2008: 119–126). В начале раннего железного века меняется погребальный обряд постмаклашевского населения. Это выражается, прежде всего, в изменении

ориентировки (по сторонам света или относительно реки) на 180 градусов. На тех могильниках, где погребённые в финальный период бронзового века лежали ногами к реке, в раннем железном веке они располагаются к реке головой. Возможны и другие ориентировки, так как ориентация скелетов на некрополях АКИО очень индивидуальна и может сильно отличаться даже на близко расположенных друг от друга могильниках.

Вместе с изменением погребального обряда меняется и материальная культура. Вместо кельтов с трапециевидной фаской и двумя ушками, опущенными ниже края втулки, а также кельтов с лобным ушком (Чижевский 2008: рис. 4, 10, 22) появляются безушковые кельты – ананьинского типа с овальным сечением втулки и треугольной, трапециевидной и арковидной фасками (Кузьминых, Чижевский 2007: 3–6).

Место укороченных наконечников копий без прорезей и наконечников с широкими прорезями пера, аналогичных белозерским (Аптекарев, Козенкова 1986: 129, рис. 1, 1), занимают наконечники копий ананьинского типа с узкими прорезями пера (типа КД28) (Кузьминых 1983: 96). Вместо бронзовых двулезвийных черешковых ножей с параллельными лезвиями белозерского (широчанского) типа (Березанская и др. 1986: 139, 140, рис. 42, 1–4; Бочкарёв 2008: 248; Чижевский 2008: 12–23; рис. 4, 11) распространяются однолезвийные ножи, чаще всего из железа, но отмечены также единичные изделия из бронзы, происходящие из Старшего Ахмыловского могильника (Халиков 1977: 142–151).

На смену стержневым трёхдырчатым псалям из рога с разновеликими отверстиями типа Бамут и Усатово в конце IX в. до н.э. (Чижевский 2002: 36; Вальчак 2009: 55, 57) приходят бронзовые трёхдырчатые псалии второго варианта типа Сержень-Юрт (Вальчак 2009: 81, 93, табл. 9), а в конце VIII в. до н.э. появляется упряжь новочеркасского типа (Чижевский 2002: 33). К этому же времени относится появление в постмаклашевской культуре серий железных орудий и оружия.

Меняется и керамика: её изменения прослежены как на материалах могильников переходного времени, так и поселений. Наиболее изученными являются керамические комплексы пос. Курган, гор. Гремячий Ключ, Казанка I, Троицко-Урайское I и Черепашье (Марков 2007). Для маклашевской посуды были характерны высокие цилиндрические сосуды с резким переходом к плечу и раздутым туловом, при этом орнамент, в основном, ямочный, сгруппированный по две-три ямки, украшал только шейки сосудов. На керамике постмаклашевской культуры прослеживается тенденция к понижению высоты шейки и увеличению её отогнутости, исчезает резкий переход к плечу. Сами плечики становятся менее выпуклыми, а орнамент с шейки начинает опускаться ниже – на тулово сосуда. Изменяются и орнаментальные мотивы, ямочные отпечатки образуют сплошные пояски, появляются простые виды шнуровой орнаментации в виде сдвоенных и строенных линий (Марков 2007: 15–43).

В самом начале раннего железного века в регионе появляются укрепленные поселения – городища, исключением здесь является городище Казанка II, отнесённое А.Х. Халиковым к финалу бронзового века (Халиков 1980: 108, 109, № 137). Городища, как и остальные изменившиеся элементы культуры, являются признаком раннего железного века Волго-Камья.

Изменения, происходящие в материальной культуре, и, соответственно, трансформацию археологических культур, обычно объясняют изменившимися климатическими условиями, которые приводят к инверсии социумов (Таиров 2003). В Волго-Камье в финале бронзового века действительно происходит потепление и незначительное иссушение климата (Алешинская и др. 2009: 128–148), которые могли повлиять на местные социумы и привести к изменению их материальной культуры.

Нельзя отрицать, однако, влияния железа на изменение формы многих орудий труда и оружия. Технологические приемы, использовавшиеся при производстве бронзовых

предметов, не подходили для изготовления железных изделий, так как свойства чёрного металла и, соответственно, температурные режимы обработки заметно отличаются от свойств металла цветного, а это, в свою очередь, диктовало изменение формы изделия, более соответствовавшего новому материалу.

Трудно также объяснить природными факторами возникновение городищ. Их появление обычно связывают с усилением военной угрозы. Но археологических проявлений внешней угрозы (прежде всего кочевнической), выражающихся в появлении в могильниках переходного времени погибших и травмированных «степным» оружием, не выявлено. Отсутствуют также следы пожаров и разрушений на поселениях начала раннего железного века. Остаётся предположить, что в Волго-Камье в этот период усиливаются противоречия в самой АКЮ, одной из причин этого явления стало появление железа, насытившего металлорайоны, ранее испытывавшие его нехватку. Не случайно количество погребений с инвентарём по сравнению с маклашеевским временем увеличивается в раннем железном веке на 30% (Чижевский 2008: 48). Обилие металла, в свою очередь, способствовало увеличению вооружённости и агрессивности местного населения, наиболее показательным это явление можно проследить на примере погребального инвентаря: количество погребений, содержащих оружие, возрастает с 4% в финале бронзового века до 40% в раннем железном веке (Чижевский 2008: 17, 48). Не случайно, по всей вероятности, увеличивается и количество коллективных погребений на постмаклашеевских некрополях – более чем в два раза (Чижевский 2008: 15, 47).

Литература

- Алабин 1860 – *Алабин П.В.* Ананьинский могильник // Вестник русского географического общества. 1860. Ч. XXIX. Кн. 6.
- Алешинская и др. 2009 – *Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников А.В., Петренко А.Г., Спиридонова Е.А., Хисьяметдинова А.А., Чижевский А.А.* Влияние климатических и ландшафтных условий на хозяйственную деятельность обитателей Гулюковской III стоянки в позднем бронзовом веке // Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности. Казань, 2009.
- Аптекарев, Козенкова 1986 – *Аптекарев А.З., Козенкова В.И.* Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3.
- Березанская и др. 1986 – *Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Бочкарёв 2088 – *Бочкарёв В.С.* Знаменская находка // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Вальчак 2009 – *Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Денисов 1967 – *Денисов В.П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // Учёные записки Пермского государственного университета. Пермь, 1967. Вып. 148.
- Завьялов и др. 2009 – *Завьялов В.П., Розанова А. С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. К проблеме этнокультурного взаимодействия. М., 2009.
- Збруева 1952 – *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. М., 1952. № 30.
- Калинин, Халиков 1954 – *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951-1952 гг. // МИА. М., 1954. № 42.
- Козенкова 1995 – *Козенкова В.И.* Оружие, воинское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант. М., 1995 (САИ. Вып. В2-5).

Козенкова 1996 – *Козенкова В.П.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.

Кузьминых 1983 – *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых, Чижевский 2004 – *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* О Владимире Николаевиче Маркове и его книге // Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007 (Археология Евразийских степей. Вып. 4).

Кузьминых, Чижевский 2009 – *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009 (Археология Евразийских степей. Вып. 8).

Лихачёв 1887 – *Лихачёв А.Ф.* Следы бронзового века в Казанской губернии // Труды седьмого археологического съезда в Ярославле. Ярославль, 1887. Т. II.

Марков 2007 – *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007 (Археология Евразийских степей. Вып. 4).

Обыденнов 1986 – *Обыденнов М.Ф.* Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.

Пономарёв 1914 – *Пономарёв П.А.* По следам первобытных звероловов Камско-Вятского края: (Результаты летних экскурсий 1912 г.) // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань. 1912–1913 (1914). Год 44, приложение к протоколам № 290.

Смирнов 1952 – *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952.

Таиров 2003 – *Таиров А.А.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э. Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.

Терехова и др. 1997 – *Терехова Н.Н., Розанова А.С., Завьялов В.П., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Терехова, Розанова 2009 – *Терехова Н.Н., Розанова А.С.* Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009 (Археология Евразийских степей. Вып. 8).

Халиков 1977 – *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII–VI вв. до н.э. М., 1977.

Халиков 1980 – *Халиков А.Х.* Приказанская культура. М., 1980 (САИ. Вып. В1-24).

Худяков 1923 – *Худяков М.Г.* Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань, 1923.

Чижевский 2002 – *Чижевский А.А.* Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы историко-культурного наследия Волго-Камья. Казань, 2002.

Чижевский 2000 – *Чижевский А.А.* Отчёт об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника) в 1999 году. Казань, 2000.

Чижевский 2008 – *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008 (Археология Евразийских степей. Вып. 5).

Шмидт 1935 – *Шмидт А.В.* Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Из истории родового общества на территории СССР. М.; Л., 1935 (Изв. ГАИМК. Вып. 106).

Эрлих 1994 – *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

Tallgren 1916 – *Tallgren A.M.* Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. I // Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze, 1916.

Snodgrass 1980 – *Snodgrass A.* Iron and Early Metallurgy in Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven & London, 1980.

Переход от бронзы к железу на Северо-Западном Кавказе в свете связей с Южным Кавказом

В.Р. Эрлих

Согласно теории Э. Снодграсса железный век наступает с того момента, когда железо становится основным «рабочим металлом», выполняя основные режущие и колющие функции в технологических процессах (Snodgrass 1980).

Для региона, расположенного севернее Кавказа, выделяются две технологические традиции перехода к железному веку (Герехова, Эрлих 2002):

1. «Переднеазиатская/закавказская» традиция, основанная на использовании изделий из высококачественной стали, преднамеренно науглероженной, иногда и со следами термообработки (закалки).

2. «Восточноевропейская» традиция, основанная на использовании чистого железа и низкоуглеродистой стали, случайно полученной в горне.

Закавказские материалы демонстрируют наступление железного века в русле переднеазиатской традиции уже в X в. до н.э. (Inanishvili 2007).

С закавказской/переднеазиатской традицией связан и чёрный металл Центрального Кавказа – могильник Гли (Вознесенская 1975). Древнейшие изделия из чёрного металла восточного варианта кобанской культуры также связаны с переднеазиатской/закавказской традицией, что обусловлено достаточно тесными контактами этого региона с Закавказьем. В то же время, исследованный чёрный металл западного варианта кобанской культуры (могильник Клин-Яр-III) пока не выявил преднамеренно науглероженных стальных изделий.

Весьма интересной для проблемы перехода к железному веку оказалась ситуация на Северо-Западном Кавказе, где этот период представлен «протомеотскими» памятниками конца IX – первой половины VII в. до н.э., подразделяющимися на три локальных варианта (Эрлих 2007). Металлографическое изучение чёрного металла «центрального» варианта протомеотских памятников показало преобладание изделий из чистого железа («восточноевропейская» традиция), что, несомненно, обусловлено взаимодействием этого региона со степью Восточной Европы. На ранней стадии развития (первая половина VIII в. до н.э.) здесь ярко прослеживается связь с предскифской степной культурой типа Черногоровка. Мы даже считаем, что протомеотские памятники центрального варианта были местом изготовления бронзовых уздечных наборов черногоровско-камышевахского облика.

Совсем другую картину показало изучение чёрного металла в могильнике Фарс/Клады (Предгорный вариант), где было металлографически исследовано 11 изделий первой половины VIII в. до н.э. Обобщая результаты их изучения, можно сказать, что изготовлявшие их мастера прекрасно владели приёмами пластической обработки чёрного металла, умели определять по цвету каления необходимую для оптимальных результатов температуруковки. Для формовки сложно-профилированных изделий применялись обжимники и штампы. За исключением одного наконечника дротика из погребения 27, все проанализированные предметы изготовлены с использованием стали. Это либо цельностальные изделия (нож из погребения 31, наконечники копий из погребений 2, 6, 9, 13 и 22), либо стальной слой покрывает поверхность изделия (нож из погребения 9, наконечники копий из погребений 31 и 33). Технологические приёмы, используемые при изготовлении стальных изделий (сквозная и односторонняя цементация, мягкая закалка) могильника Фарс, находят соответствия как на Центральном Кавказе (Глийский могильник), так и на Южном Кавказе – Самтавро, Бештапени, клад из Уде, Эшперские кромлехи. Исследовавшая железные изделия могильника

Фарс Н.Н. Терехова пришла к заключению, что они являются привозными и происходят из центров с уже сложившейся железообработкой. Наиболее вероятными центрами, из которых могло происходить железо могильника Фарс, она сочла Центральный Кавказ и Колхиду (Терехова 1999: 161).

На наш взгляд, появление в раннем горизонте могильника Фарс стальных вещей следует объяснять его связями с Колхидой. В синхронных колхидских комплексах Абхазии – Эшерских кромлехах – известен способ укрепления пера копья с помощью цементации, отсюда же происходит и нож, у которого лезвийная часть поверхности была подвергнута цементации (Бгажба и др. 1989: ан. 130, 131).

Весьма важно, что в раннем пласте могильника Фарс присутствует серия импортов, которые мы связываем с Колхидой (бзыбским вариантом колхидской культуры). Прежде всего, это два бронзовых копья колхидского типа с разомкнутой втулкой из погребений 9 и 35. Первый наконечник копья богато орнаментирован и находит ряд близких аналогий в колхидских памятниках. Из погребения 14 происходит бронзовая бляха конической формы, использовавшаяся в качестве конского налобника. Подобные бляхи являются характерным признаком бзыбской версии колхидской культуры. В погребении 38 обнаружены две орнаментированные бронзовые фибулы весьма близкие, происходящим из Абхазии (могильники Красный Маяк и Джантух).

Наконец, в погребении 36 могильника Фарс обнаружено небольшое бронзовое молоточковидное навершие, покрытое гравировкой. Подобные навершия, по нашему мнению, имеющие культовый характер, имеют распространение исключительно в бзыбской версии колхидской культуры в Абхазии и встречены в Эшерских кромлехах, на Апсарском поселении в Новом Афоне, на поселении холм Верещагина, в Барасху (Ачандара), в погребении 65 могильника Гуадику и погребении 95 могильника Красный Маяк.

Таким образом, стальные изделия, выполненные в духе «южнокавказской/переднеазиатской» традиции, могли поступать в ареал предгорного варианта протомеотских памятников из Западной Колхиды. Это, вероятно, были как полосовые заготовки, так и целые стальные вещи. Нельзя исключить и возможность непосредственного присутствия квалифицированных закавказских мастеров, которые могли находиться в предгорьях Северо-Западного Кавказа и обслуживать протомеотское вождество. Учитывая то обстоятельство, что здесь же имеются бронзовые предметы, происходящие из района Бзыбской Абхазии, мы можем предполагать, что именно из этого региона экспортировалось сталь.

Следует также отметить относительную бедность северных склонов Западного Кавказа высококачественными железными рудами (гематитом и магнетитом) в сравнении с южными. Известен факт, что в Западную Черкессию в период позднего средневековья железо ввозилось. Французский дипломат Карл Пайсонель (1727-1790) указывал на то, что одной из статей импорта Черкессии являлось железо в брусках (полосах) (Пайсонель 2006: 175). Историк Северо-Западного Кавказа М.В. Покровский, отмечал, что железо и сталь сюда ввозилось в кусках и изделиях (но не в виде оружия) российским правительством по весьма ограниченной квоте по особому письменному разрешению командующего кордонной линией (Покровский 1989: 135).

Весьма интересен для темы связей протомеотской группы памятников с колхидской культурой клад, открытый на северо-восточном склоне холма Верещагина (с. Нижняя Эшера), опубликованный Г.К. Шамба в 1973 г. Он состоял из 19 предметов: восьми бронзовых и одиннадцати железных. В клад входили три бронзовых топора: два колхидского типа (тип I, по Джапаридзе) и один колхидо-кобанского типа (тип II, по Козенковой и Джапаридзе). Бронзовые наконечники копий, встреченные в этом кладе, также относились к двум типам: с цельнолитой втулкой лавролистной формы разной степени сохранности (протомеотские; 4 экз.) и с раскованной втулкой (колхидского типа; 1 экз.). Кроме

того, в кладе было обнаружено 11 железных наконечников копий (Шамба 1973: 181–184). Данный клад вполне можно отнести к первой половине VIII в. до н.э., то есть к тому времени, когда осуществлялись бзыбско-протометские контакты. Встреченные в этом кладе бронзовые наконечники копий с цельнолитой втулкой имеют многочисленные аналогии в протомеотских памятниках и могут быть свидетельством «обратной связи» колхидо-протомеотских контактов.

Кроме того, в недавней работе по анализу коллективных погребальных ям Центральной Колхиды (ингури-рионский вариант) грузинский археолог Реваз Папуашвили выделил наиболее богатую, насыщенную многочисленными находками, в том числе и из драгоценных металлов, III-ю хронологическую группу этих комплексов. Сюда он включил коллективные погребальные ямы: № 3 Урекского могильника, № 5 Эргета I, № 4 Эргета II и № 1 Цаишского могильника (Папуашвили 1998; 2011). В плане относительной хронологии она предшествует той, в которой встречаются «скифоидные» типы (наконечники стрел и акнаки), в абсолютном же отношении он датирует её VIII – началом VII в. до н.э. Исследователь пришёл к выводу, что причиной экономического роста колхидского общества в это время являлся экспорт металлов и, прежде всего, железа. С этим же временем связаны первые упоминания Колхиды в греческих и ассирийских хрониках, а также ряд реалий мифа об Аргонавтах. Мы можем предположить, что близкая ситуация сложилась и в Западной Колхиде (Бзыбской Абхазии), которая могла в это время экспортировать чёрный металл в соседние области Северо-Западного Кавказа.

Литература

- Бгажба и др. 1989 – *Бгажба О.Х., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Обработка железа в древней Колхиде // Естественные научные методы в археологии. М., 1989.
- Вознесенская 1975 – *Вознесенская Г.А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975
- Пайсонель 2006 – *Пайсонель Ш.* Трактат о торговле на Чёрном море // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII вв. Нальчик, 2006.
- Папуашвили 1998 – *Папуашвили Р.* К относительной хронологии колхидских погребальных ям эпохи поздней бронзы – раннего железа // «Дзиебани». Тбилиси, 1998. № 1 (на груз. яз.).
- Папуашвили 2011 – *Папуашвили Р.* К вопросу абсолютной хронологии Колхидских могильников // Сборник к 80-летию В.И. Козенковой. Грозный, 2011 (в печати).
- Покровский 1989 – *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. Краснодар, 1989.
- Терехова 1999 – *Терехова Н.Н.* К вопросу о происхождении чёрного металла из могильника Фарс/Клады // Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.
- Терехова, Эрлих 2002 – *Терехова Н.Н., Эрлих В.Р.* К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. М., 2002.
- Шамба 1973 – *Шамба Г.К.* О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района // Изв. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. Гула. Тбилиси, 1973. Вып. 3.
- Эрлих 2007 – *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.
- Ianishvili 2007 – *Ianishvili G.* About the history of iron production in Georgia // *Metalla*. Bochum, 2007. № 14. 1/2.
- Snodgrass 1980 – *Snodgrass A.* Iron and Early Metallurgy in Mediterranean // *The Coming of the Age of Iron*. New Haven & London, 1980.

К вопросу о происхождении курганов с «шатровым» перекрытием на Северном Кавказе*

В.Е. Маслов

На сегодняшний день подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении о том, что комплекс вооружения, конского снаряжения, дополненный связанными с ним образцами искусства «звериного стиля», составляющий основу материальной культуры раннескифской эпохи, окончательно сформировался ко второй половине VII в. до н.э. Раннескифская культура демонстрирует черты сходства на обширной территории: для курганных могильников Центрального Предкавказья – Краснознаменского и Новозаведенное-II на Ставрополье, Нартан в Кабардино-Балкарии – наибольшее число параллелей содержится в памятниках Кубани и лесостепной Украины.

При этом своеобразным «эталоном» раннескифской культуры до сих пор является Келермесский могильник, по-видимому, содержащий захоронения царского ранга. Между тем, данные о погребальных конструкциях этого памятника неполны и столь же противоречивы, как их интерпретация. Л.К. Галанина выделила четыре типа погребальных сооружений, которые применялись в зависимости от социального статуса, и, возможно, этнической принадлежности погребённых (Галанина 1997: 68–74). Нас интересует первый тип, к которому исследователь относит курганы, раскопанные Н.И. Веселовским, а также курган 3, раскопанный Д.Г. Шульцем, находившийся на северном краю могильника. Для этих курганов характерны крупные насыпи, достигавшие в высоту 4–5 м, и углублённые в материк могильные ямы, площадью около 40 кв. м, глубиной 2–2,4 м, окружённые кольцом выкида, высотой до 1,5 м, который иногда покрыт «травянистым слоем». Н.И. Веселовский представил в отчёте данные о деревянных шатровых конструкциях, опиравшихся на столбы (ОАК 1904: 85–97, рис. 134–166). Л.К. Галанина отрицала не только наличие шатрообразных конструкций над келермесскими гробницами, но и вообще наличие у ямных гробниц какого-либо перекрытия (Галанина 1997: 68, 70) – это давало основание считать, что келермесские погребения конструктивно отличаются от основной массы подкурганых ямных могил раннескифской эпохи на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа (Галанина 1997: 78). Данную точку зрения разделяет целый ряд учёных (Алексеев, Кузнецова 2001: 84; Рябкова 2006: 123). Однако в этом можно усомниться. Трудно согласиться с тем, что эти обширные могилы не имели перекрытия, поскольку в таком случае была бы полностью отвергнута сама идея камерной гробницы. Мне неизвестны случаи, когда подобные гробницы были бы сознательно засыпаны грунтом, за исключением возможных вариантов обрушения перекрытия в случае его сожжения, как, например, в «Червона могиле», бесспорно имевшей деревянное шатровое перекрытие и накат, опиравшийся на столбы внутри могилы (Ковпаненко 1984). Даже, сторонница точки зрения Л.К. Галаниной, Т.В. Рябкова, отмечает, что «конструктивно к гробницам Келермеса близки сооружения курганов 3 и 9 Краснознаменского могильника и серия древнейших усыпальниц в Нартанском могильнике (курганы 12, 13, 14, 16, 18, 21)» (Рябкова 2006: 123).

Что касается кургана 3 Краснознаменского могильника, то автор раскопок В.Г. Петренко, относит его к числу комплексов с шатровым перекрытием, близким к сооружениям могильника Новозаведенное-II (Петренко 2006: 35, 117). Хотя исследование насыпей курганов Нартанского могильника документировано откровенно плохо, наличие там комплексов с шатровым перекрытием более чем вероятно, учитывая некоторые из опубликованных схем (Батчаев 1985: табл. 34; 40). Территориально и хронологически близкий к ранней

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ – 110100532а.

группе нартанских курганов комплекс был недавно исследован в Ставропольском крае близ г. Новопавловск. Здесь могильная яма была перекрыта, по меньшей мере, двумя ярусами дерево-камышевого перекрытия, опиравшегося на низкие валики выкида. Отпечатки плах в выкиде позволили достоверно зафиксировать наличие шатрообразного завершения перекрытия, снаружи по периметру укрепленного обкладкой из массивных брёвен. Перекрытие могилы дополнительно опиралось на столбы, установленные на дно могильной ямы (Канторович и др. 2007: 176, 177, рис. 17–22; 30; 31).

Погребальные сооружения могильника Новозаведенное-II входят в круг сооружений в современной научной литературе обычно именуемых «шатровыми». Следует ещё раз остановиться на основных особенностях новозаведенских надмогильных конструкций, с тем, чтобы искать им наиболее полные аналогии. К числу таких особенностей относится двухуровневое перекрытие. Нижний уровень этого перекрытия был уложен на уровне древней погребённой почвы и непосредственно перекрывал бревенчатый накат над могилой. Камышовое покрытие всегда шире площади наката и выходит за его края. Сверху края наката, выступающие за пределы могильной ямы, перекрывались кольцевым валиком выброса, предварительно отодвинутым от краёв могильной ямы. Верхний слой камыша полностью покрывал внешние склоны валика выброса, окружающего могилу. В большинстве случаев под ним залегал хворост или кора, но известны случаи, когда их не было. Оба слоя камыша сливались у краёв могильной ямы (Петренко и др. 2009: 225, 226).

Собственно о шатровой конструкции позволяет рассуждать направление древесных остатков под верхним камышовым слоем, которые расположены радиально по отношению к центру могилы, что сближает данные сооружения с большей частью деревянных надмогильных конструкций. При этом камыш во всех случаях перекрывал древесные слои. Нет сомнения, что верхняя часть перекрытия, какой бы она ни была – уплощённой вровень с валами выброса или имитировавшей шатёр-купол – снаружи опиралась на вал выброса, а снизу, так или иначе, – на бревенчатый накат перекрытия могилы, который иногда опирался на несущие балки и подпирался столбами, установленными на дне могильных камер.

В.Г. Петренко считает, что погребальные сооружения и элементы обряда новозаведенской группы по происхождению связаны с памятниками эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, прежде всего, белозерскими (Петренко 2006: 50, 51). По мнению исследователя, погребения с шатровым перекрытием имеют также много черт сходства с погребениями новочеркасского культурного круга. Эти выводы во многом основываются и совпадают с заключениями ряда украинских учёных (Березанская и др. 1986: 126–134, 150–152; Махортых 2005: 276, 282).

Однако такие черты погребального обряда, как покрытие деревом и камышом погребальной площадки, следы обжига дерева перекрытия, носят универсальный характер и появляются в степных культурах уже в эпоху ранней – средней бронзы. Могильные камеры новозаведенских курганов, в целом, превосходят по площади белозерские погребения. Обшивка стен могилы досками в белозерских гробницах часто сопровождается наличием канавок по периметру ямы, в которые вертикально закреплялись доски, придающие ему вид стола-лежанки. По углам могильных ям встречаются округлые вотивные ямки. Подобные детали совершенно не свойственны новозаведенским погребениям. Если для ряда белозерских комплексов реконструировано устройство навесов на столбах над погребённым, то в новозаведенских курганах нет следов ни одного достоверно зафиксированного навеса. Напротив, здесь погребальные ложа, скорее всего, были установлены на угловые столбы и приподняты над дном могилы. Это с уверенностью можно утверждать, по крайней мере, для курганов 12 и 14 (Маслов, Петренко 1998: 211, 212, рис. 5). Наличие угловых выступов для брёвен обшивки стен (курган 3 у с. Баштановка – Березанская и др. 1986: 128, рис. 37, 1) или специальные гнёзда, в которые были помещены два опорных продольных несущих бревна

перекрытия (Степной курган 2, погребение 1 – Отрощенко 1975: 196–198, рис. 2) нельзя рассматривать вне остального контекста погребального обряда, который, в целом, не соответствует новозаведенскому. Пазы для несущих брёвен наката, которые снизу поддерживал центральный столб, встречаются уже в камерных гробницах колесничих Синташтинского могильника (Генинг и др. 1992: 190, 191). Хорошо известно, что в белозерских погребениях, в отличие от раннескифских, нет ни останков лошадей, ни предметов узды. Не лишне напомнить, что основной ареал белозерских древностей связан со степной зоной Северо-Западного Причерноморья, а сама эта культура определённо обнаруживает тесные связи с гальштатскими культурами Подунавья. Нельзя отрицать того, что эта культура включала в себя срубный компонент, однако представляется, что он отнюдь не был определяющим в её облике. Очевидно, также нельзя отрицать связи белозерской культуры с «киммерийским» пластом древностей: весьма вероятно, что часть столбовых гробниц и камер с угловыми ямками, камер с облицовкой стен деревом, комплексов с лощёной кубковидной посудой действительно восходит к белозерским прототипам (Ванчугов 1990: 138–141). Однако не следует забывать, что «киммерийские древности» сами по себе многокомпонентны по происхождению и растянуты во времени и пространстве. Как вероятное наследие традиций белозерской культуры можно рассматривать комплекс с шатровым перекрытием в кургане 3 у г. Слободзея в Нижнем Поднестровье (Махортых 2005: 96, 276, 277).

Что касается немногочисленных погребений с шатрообразными перекрытиями позднейшего предскифского горизонта в Приднепровской лесостепи, то они демонстрируют яркую и устойчивую связь с северокавказскими материалами круга новочеркасского клада или «классическими новочеркасскими» (Скорый 1987). В этой связи нельзя не остановиться на погребальном сооружении кургана 1 могильника Уапхиту I в Адыее, где было открыто шатровое надмогильное деревянное сооружение над обширной, даже по меркам раннескифского времени, могильной ямой, размерами 12x7 м. До сих пор на Северном Кавказе это единственный подобный комплекс, относящийся к позднему предскифскому времени (Эрлих 1994: 22). А.Ю. Алексеев, активно занимающийся интерпретацией калиброванных радиоуглеродных дат этого комплекса, всемерно стремится синхронизировать его с древностями келермесского горизонта, к которым он не принадлежит культурно. В свою очередь, В.Р. Эрлих предположил, что встречающиеся позднее в меотской культуре столбовые конструкции и деревянные шатровые перекрытия, зафиксированные в подкурганых святилищах Уляпского могильника и даже станицы Тенгинской, восходят к протомеотской эпохе (Эрлих 2005: 321). Однако пока сам курган 1 Уапхиту I **остается уникальным памятником** на фоне всех остальных погребальных сооружений протомеотской культуры.

Если обратиться к синхронным памятникам сакской культуры, то выяснится, что шатрообразные конструкции здесь были хорошо известны, что отмечали и С.А. Скорый, и В.С. Ольховский (Скорый 1987; Ольховский 1995: 93), однако никто из них не детализировал эти утверждения. Так, С.А. Скорый в своей статье 1987 г. в качестве иллюстрации шатровых конструкций привёл сожжённое наземное каркасно-столбовое сооружение в кургане 66 могильника Уйгарак (Скорый 1987: рис. 2, 5).

Однако при детальном рассмотрении выясняется, что целый ряд комплексов, могильников Уйгарак, Южный Тагискен и Сакар-Чага 6, по-видимому, имел наземные погребальные конструкции, аналогичные новозаведенским (Вишневская 1973: рис. 8; 18; 30; 33; 39; Итина, Яблонский 1997: рис. 8; 61). Все эти сооружения объединяет наличие кольцевого вала выброса вокруг прямоугольных могильных ям, иногда имевших значительную площадь, и наличие двухуровневого древесно-камышового перекрытия могил, иногда со следами поджога. При этом нижний камыш непосредственно перекрывал заклад устья могильной камеры, а верхний – участок погребённой почвы за перемещёнными валиками выброса и их поверхность. Обе прослойки зачастую понижались в заполнение могильных ям. Толщина этого

слоя органики достигала 20 см (Вишневецкая 1973: 64). При этом в могильном заполнении между ними иногда хорошо прослеживался промежуток с дополнительным заполнением. Все эти конструкции можно проследить лишь по опубликованным профилям: они никогда не расчищались в плане, согласно бытовавшим в период исследования методикам раскопок, усугублёнными тяжелейшими условиями среднеазиатских пустынь. Тем не менее, существует очевидное сходство, которое тем более велико, что на дне погребальных камер находились каркасно-решётчатые погребальные лежа, иногда на столбиках-ножках, иногда дополненные вотивными угловыми ямками (Вишневецкая 1973: 63).

Хотя среднеазиатские курганные насыпи значительно уступают новозаведенским по размерам, но среди могильных ям под ними встречаются камеры, не уступающие раннескифским. Так, в кургане 50 могильника Сакар-Чага 6 была открыта могильная яма площадью 7x4,3 м, в кургане 7 – 6,5x3,5 м, в кургане 20 – 5,4x4 м, при глубине 1,5–2,5 м. Следует отметить, что в двух из этих трёх разграбленных курганов были найдены кости лошади, предметы вооружения, и вещи, возможно, имевшие ритуальный контекст, а сами насыпи составляли на могильнике с необычайно пёстрым погребальным обрядом компактную группу элитных захоронений (Яблонский, 1996: 118, 120, 124, 141, рис. 11).

Таким образом, на сегодняшний день нельзя отрицать того, что распространение шатрообразных конструкций на Северном Кавказе могло быть инновацией, не связанной непосредственно с местными, степными ритуалами предскифского времени. Крайне маловероятно, что этот вариант погребальных конструкций в том виде, в котором он представлен в Новозаведенском могильнике, восходит к традициям белозерской культуры; восточные, в широком смысле, истоки этого обряда представляются гораздо более вероятными.

Литература

- Алексеев, Кузнецова 2001 – *Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М.* Келермес (1990 г. – курган № 31) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001 (МИАР, № 3).
- Батчаев 1985 – *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2.
- Березанская и др. 1986 – *Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.И.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Ванчутов 1990 – *Ванчугов В.П.* Белозерские памятники в Северно-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Вишневецкая 1973 – *Вишневецкая О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973 (Тр. ХАЭЭ. Т. VIII).
- Галанина 1997 – *Галанина Л.К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.
- Генинг и др. 1992 – *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.
- Итина, Яблонский 1997 – *Итина М.А., Яблонский А.Т.* Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997.
- Канторович и др. – *Канторович А.Р., Петренко В.Г., Маслов В.Е.* Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска // МИИКНСК. Ставрополь, 2007. Вып. VII.
- Ковпаненко 1984 – *Ковпаненко Г.Т.* «Червона Могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Маслов, Петренко 1998 – *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Курган № 12 могильника Новозаведенное II // МИИКНСК. Ставрополь, 1998. Вып. 1.
- Махортых 2005 – *Махортых С.В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Ольховский 1995 – *Ольховский В.С.* Первый Разменный курган у станицы Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1995. Вып. 1.

Отрощенко 1975 – *Отрощенко В.В.* Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев, 1975.

Петренко 2006 – *Петренко В.Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006.

Петренко и др. 2006 – *Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг. // Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2006.

Рябкова 2006 – *Рябкова Т.В.* К вопросу об этнокультурной принадлежности курганов Келермеса // *Liber Archaeologicae*: сборник статей, посвящённых 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, 2006.

Скорий 1987 – *Скорий С.А.* Про скифский этнокультурный компонент у населения Днепропровского Лисостепового Правобережья // *Археология*. 1987. № 60.

Эрлих 1994 – *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

Эрлих 2005 – *Эрлих В.Р.* К дискуссии о скифах на Кубани // Тезисы Четвёртой Кубанской археологической конференции. Краснодар, 2005.

Яблонский 1996 – *Яблонский А.Т.* Саки Южного Приаралья. М., 1996.

Днестровско-Прутское междуречье как локальный центр перехода к раннему железному веку в Северном Причерноморье

М.Т. Кацуба

1. Для заключительного периода эпохи бронзы и начала раннего железного века в Восточной Европе в настоящее время ещё отсутствует единая хронологическая схема, в отличие от центральноевропейской хронологической схемы, принятой и адаптированной для многих регионов Южной и Юго-Восточной Европы. В Северном Причерноморье, как части общего восточноевропейского пространства, также не существует объединяющей хронологической схемы. Тем не менее, в последние десятилетия созданы региональные схемы, а также установлена общая последовательность или «сеть» синхронных и диахронных культур этой территории. Разработка региональных хронологических колонок показывает неравномерность и различия культурно-исторического развития разных районов в пределах самого Северного Причерноморья. Так, было предложено считать одним из возможных путей проникновения технологии изготовления железа на территорию степей Восточной Европы западный – из Балкано-Дунайского региона (Никитенко 1993: 22). С другой стороны, высказана гипотеза, согласно которой наступление эпохи железа во всей Восточной Европе, в том числе в Северном Причерноморье, было общим, охватившим весь регион явлением, которое было обозначено «как «восточноевропейская» традиция перехода к железному веку» (Терехова, Эрлих 2002: 134, 135). Можно ли включать Днестровско-Прутское междуречье, особенно его лесостепную часть, в территорию распространения «восточноевропейской традиции» в период перехода к железному веку или имелась своя специфика и особенности этого процесса в рассматриваемом регионе?

2. В переходный период от поздней бронзы к началу раннего железного века Днестровско-Прутское междуречье было заселено новыми культурными общностями, отличными от местных северопричерноморских (восточноевропейских) образований. Речь идёт о трёх гальштатских культурах и одной культурной группе. Их территория покрывает, с одной стороны, Юго-Восточную Европу (Среднее Подунавье, частично, Добруджа и северо-восточные Балканы), с другой стороны, на востоке они доходят до Восточного Прикарпатья, включая Днестровско-Прутское междуречье. Раннегальштатская культура Кишинэу-Корлатень с лощёной каннелированной керамикой (XII–X вв. до н.э.) представляет собой восточное проявление среднедунайской культуры Белегии II (László 1994; Levítzki 1994a; 1994b; 2003;

и др.). Ещё одна раннегалльштаттская культурная группа Холеркань (XI в. до н.э.) является северо-восточной периферией нижнедунайского культурного блока Бабадаг I–Тэмэоань–Холеркань (с группой Балта на Левобережье Днестра), материалы которой отличаются прочерченной и пролощенной посудой (Hänsel 1976: 122 сл.; László 1986: 65 сл.; Levițki 1994c: 219 сл.; Ванчугов 1993: 28–39; Nicic 2008; и др.). Третья раннегалльштаттская культура региона – Козия-Сахарна, конец XI–начало VIII в. до н.э. – выделяется лощёной керамикой с резным и штампованным узором и является самым северо-восточным культурным образованием восточнобалканского круга культур Инсула Банулуй–Пшеничево II–Бабадаг II (Hänsel 1976: 134 сл.; László 1989: 111 сл.; Кашуба 2000: 255 сл.; Niculiță et al. 2008; и др.). Появившаяся в регионе в начале VIII в. до н.э. среднегалльштаттская культура Шолдэнешть (или Басарабь–Шолдэнешть) принадлежит к восточным памятникам культурного комплекса Басарабь, центр происхождения которого также локализуется на Среднем Дунае (Vulpe 1965: 105 сл.; 1986: 49–90; Gumă 1993: 208 сл.; 1995: pl. XIX; Гольцева, Кашуба 1995: 32–37; Kaşuba 2008: 37–50; и др.). **И хотя во второй половине VII в. до н.э. значительно сократилось количество галльштаттских поселений, и наступило фактическое запустение центральной части региона, он не был освоен местным северопричерноморским населением. Сдерживающим фактором мог являться тот факт, что в предшествующее время здесь длительное время проживало пришлое и чужое население, вследствие чего эти территории не воспринимались как свободные для заселения и проживания. Таким образом, в XII–VII вв. лесостепная часть Днестровско-Прутского междуречья была восточным форпостом галльштаттских (дунайско-северобалканских) культур и, следовательно, эти области не входили в ареалы северопричерноморских и восточноевропейских культурных образований.**

Отмеченные процессы культурно-исторического развития региона в XII–VII вв. до н.э., стимулированные среднедунайским очагом культурогенеза (об этом очаге – см. Бочкарёв 1995: 18–28), являются основными проявлениями процесса «галльштаттизации» (например, Levițki 2003; Дергачёв 1997: 51–59; Кашуба 2000: 353 сл.; 2008: 56–61; Kashuba 2004: 56, 57; Kaşuba, Levițki 2010: 313 сл.; Бруяко 2005: 245–254). **«Галльштаттизация» показывает ориентацию населения Днестровско-Прутского междуречья на контакты в западном и юго-западном направлениях: на Карпатский бассейн, Подунавье и восточные Балканы, а через них далее – на Эгейский мир, юго-восточную приальпийскую зону и Среднюю Европу. Вследствие этого здесь наблюдается (о чём неоднократно писали многие исследователи) импорт бронзовых предметов из западной и юго-западной областей галльштаттского мира, датировки которых могут связать древности Днестровско-Прутского междуречья с существующей европейской хронологической схемой.**

Важно и другое: периодически заселяющие регион носители галльштаттских культур также приносили известные им технологические навыки. Так, бронзолитейное дело и металлообработка галльштаттского облика засвидетельствованы в культуре Кишинэу-Корлэтеь (Левицкий 1993: 69 сл.), например, на поселении Тринка (Levițki, Sîrbu 2010: 71–88). Начало железного века в регионе связывается с раннегалльштаттской культурой Козия-Сахарна, в которой помимо железных изделий отмечалось местное железоделательное производство на поселении Матеуць (Кашуба 2000: 329–332). Хотя металлографический анализ ранних железных изделий из Днестровско-Прутского междуречья ещё не проводился, новые данные позволяют вновь вернуться к вопросу о времени перехода к раннему железному веку в этом регионе.

3. В Карпато-Подунавье (территория современной Румынии) начало железного века как исторической эпохи помещается в раннегалльштаттский период – HaA, XII–XI вв. (László 1975: 17–39; 1977: 53–75; Stoia 1986; 1989: 43–67; Boroffka 1991: 6; Ailincăi 2009: 9), около 1000 г. до н.э. (Gumă 1995: 99, 110) или HaB1–3 (Vasiliev et al. 1991: 126–128). **Самые ранние железные изделия датируются здесь XIII в. до н.э. Для XII–IX вв. известно 60 изделий**

из железа, происходящих из 32 пунктов (согласно данным к началу 1990-х гг. – см. Stoia 1989: 52 сл.), количество которых в последние десятилетия несколько увеличилось. Так, в Добрудже на сегодняшний день известно 23 изделия из железа, среди которых имеются предметы X–IX вв. до н.э., найденные в закрытых комплексах фазы Бабадаг II (Jugănaru 2005: 79 сл.; 2008: 135; Ailincăi 2009: 9).

В период НаА железные изделия в Карпато-Подунавье депонировались в погребениях и кладах, тогда как в последующий период НаВ ситуация меняется и большинство из них найдено на поселениях (Stoia 1989: 47 сл.). **Обращает также внимание различия в местонахождении ранних изделий из железа:** если в XIII–XI вв. они обнаружены неподалёку от выходов железных руд, а также месторождений меди, серебра, золота и соли, то в X в. железоделательные центры смещаются в Среднее (южный Банат) и Нижнее (Добруджа) Подунавье (Boroffka 1991: 1–6, Karte 1–2). Если концентрация ранних находок (XIII в.) фиксируется в северной и северо-западной Трансильвании, то в XII–XI вв. распространение изделий из железа наблюдается в западной и западно-центральной Трансильвании и далее к югу – до «Железных Ворот» на Среднем Дунае.

Анализ ассортимента древнейших железных изделий в Румынии показывает, что в уже ранний период из нового металла изготавливались орудия труда и оружие (кельт, нож, кинжал и остатки неясных предметов), но ещё отсутствуют данные о местном производстве железа. В XII–XI вв. уже имеются первые свидетельства местной железообработки (шлаки), но набор изделий такой же. Ассортимент изделий ощутимо меняется лишь позднее, около начала VIII в. (НаС1 ранний), когда появляются сравнительно много украшений из железа (ср. Stoia 1986; 1989: 53 сл., fig. 5; Boroffka 1987: 55–77; 1991: 3 сл.). **Приведённые данные** показывают, что, по крайней мере, уже с XII в. до н.э. в Трансильвании железо, хотя ещё и не заменило бронзу, начинает использоваться для изготовления предметов, выполняющих колющие и режущие функции. Наряду со значительным количеством обнаруженных кладов и случайных находок бронзовых изделий, древнейшие железные предметы подтверждают, что в этом богатом сырьевыми запасами и металлургическими традициями районе, как было отмечено во многих исследованиях, высокий статус металла и престижность связанной с ним производственной сферы демонстрировались через депонирование орудий труда.

Новейшие раскопки способствуют оживлению давних споров о времени появления (XIII или XII в. до н.э.) **древнейших железных изделий в Карпато-Подунавье.** Так, дискуссия относительно кельта из кургана 1/1967 могильника Лэпуш в Трансильвании, датировка которого была основана на его типологической характеристике и археологическому контексту, теперь приобретают новую остроту. Полученные ¹⁴C-даты из долгоживущих образцов (дерево), взятых в одной насыпей (№ 26), оказались слишком ранними для найденной там же каннелированной керамики фазы Лэпуш-II (или Гава-Лэпуш-II), появление которой традиционно синхронизируется с началом периода НаА и, соответственно, датируется XII в. Если «исключить «эффекты старой древесины», бытование каннелированной керамики в Лэпуш приходится, по меньшей мере, на XIII в. до н.э., если даже не раньше». Но, как отмечают и сами авторы раскопок, необходимы проверка, а также новые данные, полученные из короткоживущих объектов (Metzner-Nebelsick et al. 2010: 222–224, fig. 2; 5; 7).

Относительно истоков традиции технологии изготовления железа в Карпато-Подунавье имеется несколько гипотез. А. Ласло, поддерживая К. Хоредта, считает, что в XII–XI вв. до н.э. в северо-западной балканской и юго-западной альпийской зонах существовал мощный железоделательный центр, откуда новая технология могла распространиться в Среднюю Европу и Румынию (Horedt 1964: 129; László 1975: 35; 1977: 70, 71). А. Стоиа и Т. Тэйлор полагают, что технология изготовления железа была не импортирована, а являлась сопутствующим продуктом местной металлургии бронзы, соответственно, эта технология была открыта в Трансильвании и далее распространилась в Среднюю Европу (Stoia 1986: 11 и сл.;

1989: 58; Taylor 1989: 76, 82). Напротив, Н. Бороффка выдвинул гипотезу, согласно которой технология производства железа была перенята непосредственно из культур Эгейского мира (Греции или Турции), благодаря традиционным связям, существовавшим ещё в позднебронзовом веке. Это заимствование могло проходить посредством морской торговли вдоль черноморского побережья через Добруджу и далее – в Трансильванию. Падение микенской цивилизации привело к переориентации связей раннегальштатских общностей Трансильвании на северо-запад, вследствие чего технология изготовления железа распространилась в среде Урненфельдеркультуры Средней Европы (Boroffka 1991: 1–6).

Железный век как новая историческая эпоха в Греции и Эгейском мире, называемый Э. Снодграссом как «пост-микенский», «тёмные века», «протоисторический», «пре-классический» или «греческие средние века», наступает между 1050 и 1000 гг. до н.э. (Snodgrass 1989: 23 сл.). Современные исследования в этой области показывают, что уточняется не только датировка начала протогеометрического периода (EPG), с которым обычно соотносят наступление железного века. Например, развернулась дискуссия по поводу ранней даты PG, полученной для Ассирова – 1120 BC (Wardle et al. 2007: 495 сл.), в противовес традиционным датировкам начала PG 1020/1000 или 1050/1025 BC (Moutnjoy 1988: 27; Lemos 2002: 26; Dickinson 2006: 23; и др.), когда возможная корректировка EPG предлагается в пределах 1070/40–1000 BC (Weniger, Jung 2009: 374 сл.; fig. 14). Уточняются также локальные особенности. Так, распространение железных предметов и наступление новой эпохи в западной Ахее (Пелопоннес) связывается исключительно с EPG (Moschos 2009: 236 сл.). С другой стороны, на базе материалов из восточной части центральной Греции предложено выделять субмикенский период именно как переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку (Lis 2009: 203 сл., 216). Обсуждается также длительность и содержание самого субмикенского периода, помещаемого между периодами позднеэладский/позднеминойский ПС поздний (ЛН ПС Late) и ранним протогеометрическим (EPG) (см. Lis 2009: tab. 1; 4; Weniger, Jung 2009: fig. 14; Report <...> 2009: 417–421; и др.). В любом случае, для этого периода отводится сравнительно короткий временной промежуток – максимально до 40 лет, а то и меньше (менее двух поколений – см. Weniger, Jung 2009: fig. 14). Дискуссионность поднимаемых вопросов усилили дендродаты и/или ¹⁴C-даты, давшие более ранние (по сравнению с традиционными) абсолютные даты для позднего бронзового века Эгейского бассейна и материковой Греции (см. вышеупомянутые даты Ассирова). Эти проблемы важны не только для Карпато-Подунавья, но также Северного Причерноморья, так как «работающая» схема эгейской хронологии даёт возможность межрегиональных синхронизаций через импорты и так называемые «контакт-вещи». Соответственно, удревнение отдельных этапов эгейской хронологической системы повлечёт и понижение датировок привязанных к этой схеме археологических комплексов из других регионов Европы.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что Карпато-Подунавье принадлежит к числу важнейших регионов, откуда и/или через который шла передача технологии производства железа далее в Европу. Приведённые данные показывают, что мигрировавшие из Среднего Подунавья на восток – в лесостепь Днестровско-Прутского междуречья – раннегальштатские общности действительно могли владеть технологией изготовления железа.

4. Первые железные предметы в Днестровско-Прутском междуречье (XI в. до н.э.) могли быть импортными и/или произведёнными на месте. В степной белозерской культуре этой территории известны орудия труда (три ножа), предметы вооружения (один железный кинжалы и два биметаллических), а также детали одежды (фибула). Все они были депонированы в погребениях: Казаклия, Хаджиллар, Будуржель, Кочковатое и Похребя (Ванчутов 1990: 98 сл.; Никитенко 1993: 8 сл., 13 сл.; Агульников, Кетрару 1992: 135 сл.; Ванчутов и др. 1992: 24, 26; Тошев 1992: рис. 3, 3; Агульников и др. 2001: рис. 3, 11; и др.). В синхронное им время (XI в. до н.э.) в среде раннегальштатских культур лесостепной части региона:

с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтеңь, а также прочерченной и пролощенной керамикой Холеркань, – известно лишь два железных предмета: нож и шпала-бритва (Ханска) (Levițki 1994a: 229). В этот период находки железных изделий концентрируются к западу и юго-западу от Прута, а также в Добрудже.

С появлением в регионе носителей культуры Козия-Сахарна в конце XI в. до н.э. ситуация меняется. Те или иные железные предметы обнаружены практически на каждом, раскопанном поселении культуры (около 15 железных изделий, шлаки и крицы). Набор находок (орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения, детали одежды), хотя и представлен малосерийными изделиями, охватывает все категории и демонстрирует удачное копирование местными кузнецами бронзовых прототипов в новом металле, среди которых ножи, фибулы и удила. Так, анализ погребений из Сахарнянских могильников I и II, где в составе погребального инвентаря найдены бронзовые и железные предметы, показал, что захоронения с металлическими изделиями составляли более половины (52% и 57%), из которых погребения с бронзовыми предметами, соответственно, 64% и 50%, с бронзовыми и железными – 27% и 50%, с железными (только в первом из них) – 9% (Kašuba 2009: Abb. 8–10).

Появились также новые аргументы, позволяющие с большей степенью уверенности датировать XI в. (с учётом других обстоятельств – концом XI в. до н.э.) железные фибулы из Сахарнянского могильника I. Все ранние смычковые фибулы из Северного Причерноморья (всего 19 экз.) были рассмотрены на широком фоне аналогичных бронзовых изделий (смычковые фибулы простой схемы, без дополнительных деталей), найденных в Эгейском мире, Греции и Македонии, Италии и Сицилии, Западных Балканах и Дунайском бассейне (около 150 экз.). На основе новой классификации, сахарнянские фибулы были отнесены к смычковым фибулам «северопричерноморского типа» VBF II.1.A – смычковые двуспиральные фибулы с гладкой, параллельной игле спинкой. Близкое сходство (почти идентичность) между треугольными смычковыми двуспиральными фибулами белозерской культуры (Струмок, Лукьяновка и Казакия) и фибулами из северной Италии (нижнее течение р. По – Фраттезина) позволяет предположить попадание италийской одежды и, соответственно, фибул в Северное Причерноморье дальним путём, проходившим вдоль Дуная (Kašuba 2008: 193–231). Североиталийские фибулы были отнесены к ведущим типам периода «финальная бронза 2» (BF2), соответственно, HaA2 (Carancini, Peroni 1999: 19 сл., tav. 30; 32; 35). Период BF2 Италии синхронизируется с периодом позднеэлладским/позднеминойским IIIС поздним (LN IIIС Late) эгейской хронологии (Jung 2005: 473 сл.), который приходится на 1100/1085–80 гг. до н.э. (Weniger, Jung 2009: fig. 14). Эти синхронизации подтверждают, что смычковые бронзовые и железные фибулы «северопричерноморского типа» действительно можно датировать в пределах XI в. до н.э. Ранние смычковые односпиральные и двуспиральные фибулы треугольной формы из Юго-Восточной Европы, которые автор отнесла к типам VBF I.3 A-B-C и VBF II.3 A-B-C (Kašuba 2008: Abb. 14 сл.), также были рассмотрены в других работах. Хотя они были иначе классифицированы, однако подтверждается их датировка XI в. до н.э. (см. Dörner 2008: Abb. 3).

Следует отметить выявленные закономерности депонирования металлических изделий в культуре Козия-Сахарна (конец XI–начало VIII в.). Были идентифицированы 47 местонахождений, давшие 147 металлических предметов (погребения, поселения/городища, 1 клад и 14 случайных находок). Изделия подразделяются на: орудия труда (20,4%), оружие (2%), предметы конского снаряжения (2%), украшения и детали одежды (75,5%). При всём своём дефиците имеющийся металл (бронза, но также железо) шёл, в основном, на изготовление украшений и деталей одежды и далее депонировался большей частью в погребениях. При этом, например, большая часть орудий труда представлена на поселениях изделиями из камня (ср. Капшуба 2000: 320 сл., рис. XXVIII). Депонирование украшений

и деталей одежды, также как их ассортимент (фибулы, различные кольца, многочисленные бляшки-пуговицы, пронизки и бляшки-нашивки), отличают эту культуру от синхронных культур Северного Причерноморья и обнаруживают близость с традицией депонирования металла в Юго-Восточной Европе, например в поздней Урненфельдеркультур, особенно в период HaB2/3 (ср. Metzner-Nebelsick 2002: 72 сл., 266 сл.; 2005: 317–342; и др.). Можно упомянуть и клад Дриду из Нижнего Подунавья, датирующийся HaB, в котором помимо других украшений имеется бронзовая смычковая фибула «северопонтийского типа» (Enăchiuș 1995: 279–310, Abb. 7, 8).

Наблюдаются существенные различия в характере депонирования металлических изделий в культурах Кишинэу-Корлэтеңь и Козия-Сахарна. Для культуры Кишинэу-Корлэтеңь (данные по бронзовым изделиям – см. Левицкий 1993: 55; Levićki 1994) преимущественно откладывались орудия труда (70%), из которых 66% – в кладах. Украшения составили 16,3%, при этом более 57,7% происходят с поселений (= не были специально депонированы) и только 23% найдены в кладах. Оружие (13,7%) депонировалось исключительно в кладах (41%) или относится к случайным находкам (50%). Различия в депонировании металла в двух раннегалльштаттских культурах – Кишинэу-Корлэтеңь (XII–X вв.) и Козия-Сахарна (конец XI – начало VIII в.) – можно объяснить не только разными культурными традициями их носителей, но также тем, что культуры эти относятся к двум разным историческим эпохам, хотя в какой-то временной отрезок X в. они сосуществовали. Соответственно, культура Кишинэу-Корлэтеңь принадлежит к заключительной фазе эпохи бронзы, а культура Козия-Сахарна (HaB) – это уже начало раннего железного века.

Последующей по времени среднегалльштаттской культуре Басарабь-Шолдэнештъ (HaC1–2) металл также депонировался в погребениях (32 изделия из бронзы и железа). Железные предметы представлены орудиями труда (ножи) и оружием (копья), конским снаряжением, а также украшениями и деталями одежды (браслет и фибулы).

Не исключено, что галльштаттские мастера могли копировать в железе некоторые изделия, найденные в раннекочевнических комплексах региона: меч из Слободзеи (вторая половина IX в. до н.э. – Яровой и др. 2002: рис. 9, 1) или наборы конской упряжи из клада Пуркаръ (середина VIII в. – Яровой, Бруяко 1999: рис. 1). Анализ количества находок железных предметов в раннекочевнических («киммерийских») комплексах Северного Причерноморья, как это было отмечено раньше (Никитенко 1993: 14 сл., табл. 2; 3), показывает закономерное их увеличение в период с X по VIII вв. до н.э. По сравнению с данными начала 1990-х гг. общее число находок, конечно, увеличилось, при этом обращает внимание два обстоятельства. Во-первых, при сравнении депонирования железных изделий в черногоровской и новочеркасской группах Северного Причерноморья (данные – по Махортых 2005: 313–367) обращает на себя внимание тот факт, что в черногоровской группе преимущественно откладывались ножи (как и в культуре Козия-Сахарна). Это обстоятельство может указывать, что кроме своего назначения в качестве орудий труда они могли также иметь иную, маркирующую функцию (престижное изделие?). Во-вторых, по сравнению с другими областями Северного Причерноморья, насыщенность раннекочевнических погребений Днестровского бассейна железными изделиями: 31 предмет (42,5%) из 73 во всём ареале (согласно опубликованным данным: 24 – в черногоровской группе и 49 – в новочеркасской). Этот показатель увеличивается к VIII в., демонстрируя наличие в регионе устойчивой железоделательной традиции.

5. Таким образом, «галльштаттизация» Днестровско-Прутского междуречья способствовала тому, что динамика культурно-исторического развития этого региона задавалась извне и была обусловлена внешними причинами – новыми миграциями. Это придавало ускорение всем процессам. Являлись ли ведущими факторы социально-экономического характера, как показатели наступления новой эпохи? Ведь достигнутые на каком-то этапе результаты или не накапливались, или, по меньшей мере, корректировались новой миграционной волной.

Однако упадка в развитии не было, так как новые мигранты несли также и свои (новые или иные) технологические навыки, в том числе знания в области железообработки, стабильное присутствие которой в рассматриваемом регионе отмечается уже с конца XI – начала X в. до н.э. Новые данные подтверждают, что X в. до н.э. можно считать началом раннего железного века в регионе, несмотря на фактическое отсутствие сырьевой базы и общую бедность металлом населения лесостепных областей не только на начальном этапе, но также на протяжении, фактически, всего I тыс. до н.э. (ср. в гетской культуре – Никулицэ 1977; Arnăuț 2003). Ранний период железообработки в Днестровско-Прутском междуречье не относится к «восточноевропейской традиции» перехода к раннему железному веку. Он представляет собой локальное (северопричерноморское) проявление раннегалльштаттской железоделательной традиции Карпато-Подунавья, развивающейся в регионе, который в эпоху бронзы и раннем железном веке связывал различные части древней Европы, что способствовало быстрому распространению новейших достижений (и, соответственно, стимулирование) в различных областях. Остаётся, однако, вопрос: была ли галльштаттская традиция независимой и, соответственно, «трансильванской» (Stoia 1986: 11 сл.; 1989: 53, 58), или она имела средиземноморские истоки (Voroffka 1991: 6), в основе которых, по всей видимости, лежали «хеттские тайны» изготовления железа.

Восточногалльштаттский импорт – новый источник для датировки курганов среднеднестровской (западноподольской) группы

(по материалам усыпальницы в Швайковцах возле Чорткова
на Тернопольщине)

М. Бандрівський

В последние годы всё большее внимание исследователей, изучающих период раннего железа речной и Восточной Европы, привлекают западные территории украинской лесостепи: Среднее Поднестровье и сопредельные районы. Такое внимание обусловлено тем, что здесь одинаково сильными были влияния и Востока, и Запада, отразившиеся в местном археологическом материале, который и до сегодняшнего дня требует точных археологических маркеров.

При исследованиях 2007 г. усыпальницы VII в. до н.э. возле с. Швайковцы Чорткивского района Тернопольской области Украины впервые в одном комплексе были обнаружены изделия, присущие восточноальпийскому региону (восточногалльштаттский круг культур), вместе с предметами, которые считаются не только типичными, но и определяющими для раннескифской культуры (РСК 1–3).

Усыпальница в Швайковцах представляла собой сложное архитектурное сооружение. Оно было построено с использованием большого количества разносортного камня, глыб и плит; деревянных конструкций от несущих опорных столбов, внешнего ограждения, обшитых досками внутренних стен сооружения, а также 12-ти круглых ям культового назначения, размещённых по периметру центральной каменной вымостки, над которой существовало сводчатое, побеленное изнутри перекрытие (Бандрівський 2009: 202–235). На каменной вымостке и возле неё обнаружено 12 сосудов: из них два бронзовых (котёл, ситечко) и десять керамических (корчага, горшки, миски, черпаки), а также костяной гребень, оформленный в местной (или центральноевропейской?) изобразительной традиции (Бандрівський 2011: 154, 155). Из оружия и защитных доспехов найдены две железных боевых секиры, ажурное

навершие ножен акинака (или навершие чехла на наконечник копья?), а также три панцирных набора чешуйчатого типа (Бандрівський 2009: 202–235).

Остановимся детальнее на ажурном навершии и двух бронзовых сосудах, имеющих сравнительно узкий диапазон бытования.

Котёл. Наиболее репрезентативным во всём комплексе является литой котёл, который найден в юго-западном углу усыпальницы возле мисок, горшков и ситечка, вложенного в одну из мисок. Котёл имеет вид чаши полусферической формы, которая опирается на пустотелую коническую ножку. С обеих сторон вверху под венчиком находятся два горизонтально прикреплённых ушка. Высота котла составляет 32,0 см, диаметр – 32,04 см, толщина стенок – 0,4–0,5 см, ширина г-образного края венчика – 1,1 см, ширина ушек на корпусе – 6,6 см, высота ножки – 14,04 см, диаметр основания ножки – 15,07 см. Ниже середины ножки с обеих сторон имеются два сквозных отверстия, предназначенных, возможно, для более жёсткой (с помощью штыря) фиксации котла. Предположительно, он мог находиться на деревянной основе, установленной, к примеру, на перемонимальной колеснице или повозке. Вся поверхность котла – от верхней части ножки и, особенно, корпус – покрыта толстым слоем копоти.

Ситечко для отцеживания вина. Лежало в одной из чёрнолощённых мисок возле котла и сохранилось в хорошем состоянии. Оно имеет полусферическую форму, резко профилированный и отогнутый наружу венчик и высоко поднятое над краем петельчатое ушко-ручку. Диаметр сосуда составляет 19,03 см, высота чаши – 6,09 см, высота ситечка с ушком – около 12 см, толщина стенок чаши – до 1 мм. Ушко, шириной 1,4 см, прикреплено к корпусу с помощью трёх бронзовых заклёпок: одной большой внизу и двумя меньшими – с внутренней стороны венчика. Нижняя часть ситечка покрыта густой сетью маленьких дырочек, которые 15 рядами опускаются ко дну. Верхняя половина сосуда украшена пуансонным орнаментом в виде двух рядов, между которыми расположены выдавленные изнутри 27 «жемчужин», вокруг каждой из которых ещё имеется пуансонный кружочек, переходящий в мотив «бегущей волны». Стоит отметить, что эта часть декора исполнена чрезвычайно утончённо.

Навершие ножен акинака (?). Обнаружено под каменным завалом на глубине 1,23 м на северо-западном краю вымостки. Представляет собой металлическую втулку сильно удлинённой трапециевидной формы и овальной в разрезе. Длина изделия составляет 7,2 см; размеры овального основания – 2,7x1,4 см. Вся поверхность покрыта шестью рядами прорезных небольших треугольников, которые разграничены одной или двумя линиями. На поверхности сохранились следы золочения (?).

Анализ материалов. Бронзовые литые котлы аналогичной швайковецкому экземпляру формы (то есть с горизонтально сформированными ушками), представляют собой довольно редкую находку. Известны ещё три местонахождения таких изделий. Например, аналогичной формы бронзовый котёл был найден в Среднем Поднестровье ещё во времена Австро-Венгерской монархии в соседнем Борщевском повіте (районе) возле с. Иване Пустэ на Тернопольщине (Sulimirski 1936: 101, tabl. IX, 7). Похожий по форме котёл также известен из Крячківки на Полтавщине. Как и в нашем случае, нижняя часть котла из Крячківки, оказалась покрытой слоем копоти (Сидоренко 1964: 163, рис. 4). Бронзовый литой котёл очень похожей формы обнаружен в кургане № 12 возле с. Стеблёва в Поросье (Ковпаненко и др. 1989: 86, 102, рис. 31, 11). Можно предположить, что котлы с горизонтально оформленными ручками-ушками в украинской лесостепи датируются несколько более ранним временем, чем котлы с вертикальными ручками-ушками. Поскольку местонахождения литых котлов типа швайковецкого и ему подобных не выходят за пределы украинской лесостепи, то и изготовление этих металлических сосудов следует, очевидно, связывать с каким-то местным металлообрабатывающим центром. Сам генезис трапециевидной ножки рассматриваемых здесь котлов, скорее всего, следует выводить из

белогрудовско–сабатиновского блока культур позднебронзовой эпохи, на территории которых клёпаные котлы на коническом высоком поддоне получили довольно широкое распространение (Бандрівський 2007: 38–64).

Что касается времени изготовления котлов типа швайковецкого, то до недавнего времени было принято считать, что использование котлов так называемого «скифского» типа на территории современной Украины началось с V в. до н.э. (Ольговський 1978: 81; Кузнецова 2007: 240, 241). Однако, после открытия в Швайковцах, где аналогичной формы литой котел был обнаружен в вещевом контексте VII в. до н.э., датировка начального использования такого типа литых сосудов отодвигается вглубь на одно – полтора столетия. Рассматриваемая находка имеет большое значение, поскольку долгое время считалось, что наиболее ранние «скифские» котлы из Келермеса, которые все специально деформированы (Галанина 1997: 150–152), представляют собой первые и последние «скифские» котлы на протяжении всего VI в. до н.э. (Кузнецова 2007: 240). Полагают, котлы из Келермеса своими размерами наиболее соответствуют котлам, связанным с малыми социумами, во главе которых стояли «номархи». И уничтожение (деформирование) и погребение символа, который объединял социум, как это предполагает исследовательница, могло свидетельствовать, как о гибели самого «номарха», так и целых групп «скифского» населения (Кузнецова 2007: 240). Применительно к Среднему Поднестровью такая гипотеза захоронения котлов «не работает», поскольку котёл из Швайковец обнаружен целым, а не деформированным, как в Келермесе. Судя по всему, роль литого котла в ритуальных действиях могла быть двойной: это могли быть какие-то манипуляции с ним с целью обеспечить военную удачу и расположение богов или же захоронение такого котла могло быть связано с упокоением какого-то видного «сановника» или «династа» того времени, что также (в отличие от предкавказского региона) не предполагало деформации самого сосуда.

Ситечко для отцеживания вина такой формы и орнаментации, как найденное в кургане из Швайковец, вообще уникально, поскольку аналогии ему отсутствуют не только в культурах периода раннего железа на территории современной Украины, но и среди синхронных материалов Средней Европы. Можно лишь предположить, что формой и размерами швайковецкое ситечко отдалённо напоминает бронзовые одноручные тонкостенные чаши группы Вал-Хотин (погребение № 26 Будапешт-Бекасмедьер). Они орнаментированы такими же выдавленными из середины «жемчужинами» и имеют аналогичный пуансонный декор, хотя и датируются достаточно ранним временем – HaB3 (Pare 1999: 403, Abb. 45, A-7). Похожие по форме и орнаментике чаши известны на памятниках ступени Штилфрид-Подолн 1, в частности, Кляйтнице (погребение № 63), а также Миловице, которые относятся ко времени IV горизонта кладов Карпатского бассейна, что приходится на 1050/1020 – 950/920 гг. до н.э. (Pare 1999: 387, Abb. 37, 6, 7). Позднее, во время существования гальштаттских культур VIII–VI вв. до н.э., такие бронзовые чаши приобретают такую же самую форму, что и ситечко из Швайковец (включая выступающую над краем венчика широкую петельчатую ручку), но имеют другую орнаментацию (Podborsky 2001: 188, obr. 99, 2–4). В то же время появляются и тонкостенные бронзовые ситечки с очень похожим профилем стенок и крестообразной (как и на швайковецком экземпляре, но – выклепанной) фигурой на дне (Podborsky 2001: 188, obr. 99, 9, 9a).

Что же касается бронзового *навершия*, ажурно декорированного рядами прорезных небольших треугольников, то очень похожие на него *навершия* на ножны акинака, известные на территории Венгрии, отнесены к Альфёльд группе (Kemenczei 2009: 409, Taf. 187, 3), по другой терминологии – векерцутской культуры. Интересно, что в этой же культуре такие предметы использовались и несколько иным способом – в качестве *наверший* чехла на окончание копья, о чём, например, свидетельствуют материалы из погребения № 54 могильника Тапноседе в Венгрии (Kemenczei 2009: 304, Taf. 82, 9, 10). Также в чумбрудской

группе (бывшее название трансильванской группы), которую Б. Тержан датирует началом VII—концом V вв. до н.э., а А. Хельмут, начиная с конца VIII в., аналогичные по форме бронзовые навершия с рядами прорезей на поверхности использовались как навершия к чехлам на наконечники копий («Lanzenscheiden»). Например, навершие такого типа, как в Швайковцах – удлиненное, с прорезным декором в несколько рядов – находилось в момент обнаружения на кончике железного наконечника копья в погребении № 6 (ингумация) Будешть-Финаце и сопровождалось двумя трёхлопастными длинновтульчатыми (с шишами) бронзовыми наконечниками стрел (Marinescu 1984: 62, 63, Taf. 30, 4).

В то же время носители культуры Календерберг восточногальштаттского круга, время существования которой ограничивается HaC—началом HaD1, использовали рассматриваемый тип бронзовых ажурных наверший именно как наконечники для ножен мечей («Ortaband»). Например, похожий на швайковецкий наконечник ножен меча найден на календербергском городище Смоленице-Мольпир в северо-восточной Словакии в сооружении № 25, которое относится к позднему горизонту (Hellmuth 2006: 63, Abb. 40, b). Более точному определению даты бронзового навершия из Смоленице-Мольпир помогает его стратиграфическое положение – поздний горизонт календербергской культуры, которая только с конца VII в. до н.э. трансформируется в «смешанные» календербергско-ранневекерцугские комплексы, существующие до начала VI в. до н.э. Хотя, по Г. Коссаку, переход от HaC2 к HaD1 происходил во второй половине VII в. до н.э., но, согласно новым данным М. Тракселя (Trachsel 2004), начало HaD1 для культур восточногальштаттского круга наступает уже с 650 г. до н.э.

Не настаивая на такой ранней дате считаем, однако, что наиболее вероятным временным отрезком для распространения наверший аналогичного типа, как в Швайковцах, Смоленице-Мольпир и др., может быть третья четверть VII в. до н.э., то есть, заключительная фаза периода HaC2, по Г. Коссаку. Этим же временем следует, возможно, датировать и весь комплекс материалов из кургана в Швайковцах в Среднем Поднестровье.

Литература

Бандрівський 2007 – *Бандрівський М.* Клепані «казани» і дволезві сокири: щодо витоків релігійних уявлень на заході Українського Лісостепу в пізній період епохи бронзи // МДАПВ. Львів, 2007. Вип. 7.

Бандрівський 2009 – *Бандрівський М.* Новий ритуальний об'єкт часів скіфської архаїки з Швайківця біля Чорткова на Тернопільщині (попереднє повідомлення) // Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. Збірник наукових праць на пошану Л.І. Крушельницької. Київ; Львів, 2009.

Бандрівський 2011 – *Бандрівський М.* Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу у VII – на початку VI ст. до нар.Хр.: витоків і причини трансформації // Археологический альманах. Донецьк, 2011. № 21.

Галанина 1997 – *Галанина А.К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Ковпаненко и др. 1989 – *Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Кузнецова 2007 – *Кузнецова Т.М.* Скифские котлы (сакральный маркер социума) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007.

Ольговський 1978 – *Ольговський С.Я.* Бронзовий казан з Репяховатої Могили із Черкащини // Археологія, 1978. № 58.

Сидоренко 1964 – *Сидоренко Г.О.* Скіфський курган на р. Удай // Археологія. Т. XVI.

Hellmuth 2006 – *Hellmuth A.* Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpir // Pfeilspitzen. Bonn, 2006 (UPA 128).

Kemenczei 2009 – *Kemenczei T.* Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld-Gruppe. Budapest, 2009.

Marinescu 1984 – *Marinescu G.* Die Jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenburgen // *Dacia NS.* T. XXVIII.

Pare 1999 – *Pare Ch.F.E.* Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. Teil 1. Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.–8. Jahrhundert v. Chr.). Mainz, 1999 (Jahrb. RGZM 45).

Podborsky 2001 – *Podborsky V.* Dejiny praveku a rane doby dejinne. Brno, 2001.

Sulimirski 1936 – *Sulimirski T.* Scytowie na zachodnim Podolu. Lwów, 1936 (Prace Iwowskiego Towarzystwa prehistorycznego, 2).

Trachsel 2004 – *Trachsel M.* Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit, Teile 1–2. Bonn, 2004 (UPA 104).

Памирская I, курган 10: обоснование ранней хронологической позиции комплекса

Т. В. Рябкова

Изыскания, связанные с изучением ромбовидного или «солярного» знака, который хорошо известен специалистам по предскифскому и раннескифскому периодам, привели к постановке вопроса о культурно-хронологических связях комплекса кургана 10 могильника Памирская I. Наличие изображений такого знака на предметах в комплексе зачастую служит основанием для отнесения всего комплекса к предскифскому и раннескифскому времени.

В результате проведённого анализа подтвердилось предположение, высказанное ещё А.А. Тереножкиным и развитое Н.А. Боковенко, о генетической связи этих значков и знаков на окуневских стелах (Тереножкин 1976: 174; Vokovenko 1996: 121). Доказательствами существования этой генетической связи можно считать: внешнее сходство; традицию декорировать подобными знаками лопатки и бедра животного как в окуневской, так и в раннескифской изобразительных системах; взаимозаменяемость изображений ромбовидного знака и косоугольного креста как в окуневской, так и в раннескифской изобразительных системах.

В результате анализа серии изображений была создана классификационная таблица, в которой были выделены основные мотивы и прослежена их трансформация (Рябкова 2010а: рис. 1). В группу 3 вошли предметы с изображениями «*круга с точкой (отверстием) в центре, вписанного в ромб со слегка вогнутыми сторонами и заключённого в окружность*», характеризующиеся наибольшим иконографическим сходством с изображениями окуневских солярных знаков. Точка (отверстие) в центре круга, равно как и отсутствие точек касания ромба и внешней окружности, переданной формой предмета, являются признаками, диагностирующими близость мотива к исходной традиции (Рябкова 2011: 105). Характерно, что большинство предметов, декорированных этими изображениями, происходит из центрально-азиатских памятников, а европейские памятники относятся к предскифскому времени (Михалковский и Аксайскийклады). Таким образом, логично предположить, что в группе 3 оказались предметы из весьма ранних комплексов. Однако для того, чтобы доказать раннюю хронологическую позицию изображений серии, необходимо обосновать дату каждого комплекса.

Курган 10 могильника Тамды (Памирская) был исследован в 1948 г. Памиро-Алтайской экспедицией ИИМК РАН под руководством А.Н. Бернштама. В 1949 г. вещи были переданы в Государственный Эрмитаж (коллекция 1712), а в 1952 г. – материалы были опубликованы (Бернштам 1952). Датировка комплекса V–IV вв. до н.э. была пересмотрена и принята дата VII–VI вв. до н.э. (Кадырбаев 1966: 387; Членова 1967: 41), далее комплекс был отнесён к VIII–VII вв. до н.э. (Медведская 1972: 89) или VIII в. до н.э. (Брюжко 2005: 120).

Основное внимание исследователей всегда привлекал набор наконечников стрел, поскольку их типы, как правило, являются основанием для хронологических построений.

Уникальность *колчана из кургана 10 могильника Тамды* заключается в том, что очень хорошо сохранились стрелы и томары из дерева, а так же древки с отверстиями и крепления из растительных волокон. Но кроме всего этот колчан уникален с точки зрения сочетания в нём разных типов наконечников стрел, аналогии которым происходят с весьма удалённых друг от друга территорий. Основу колчана составляют черешковые наконечники стрел. В наборе – пять бронзовых трёхлопастных, один такой же роговой, пять бронзовых двухлопастных и шесть деревянных. Кроме этого имеются два наконечника втульчатых килевидных и два площика (бронзовый и железный), 10 гарпунов и четыре (пять?) томаров. Анализ колчанного набора продемонстрировал, что его верхней хронологической границей можно считать рубеж VIII–VII вв. до н.э., а нижняя граница находится в пределах VIII в. до н.э. (Рябкова 2010б: 239).

Особенно показательно, что в наборе находятся *два килевидных наконечника*, традиционно относимые к репертуару черногооровской культуры. Килевидные наконечники в Приаралье обнаружены в кургане 20 могильника Сакар-Чага 6 (Яблонский 1996: рис. 17, 60, 61); в Минусинской котловине в колчаный набор из погребения 3 кургана 4 могильника Каменка-I входит семь экземпляров (ГЭ, Инв. №№ 2440/35); в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье подобные наконечники являются случайными находками (б. с. Делер – музей г. Энгельса, с. Михайловка на р. Ахтубе, сборы П.С. Рыкова в 1928 г., Саратовский музей № 1106 (Смирнов 1961: рис. 12, А 1-2, Е). В европейской части они обнаружены в Приднепровье: курган Малая Цимбалка (Тереножкин 1961: 102, рис. 71, 11), погребение 5 кургана Высокая Могила (Тереножкин 1976: рис. 7, 12–24), погребение 2 кургана 2 Холмское (Dubovskaja 1997: Abb. 13, 6); в Подонье и Прикубанье: погребение 3 кургана 12 Анапский I, погребение 1 кургана 1 Пески, Верхнеподольный (Dubovskaja 1997: Abb 13, 5, 10a; 14, 3a); на территории Предкавказья: погребение 34 могильника у Кисловодской мебельной фабрики (Виноградов и др. 1980: рис. 4, 6, 7), погребение 35 могильника Сержень-Юрт (Козенкова 1982: табл. XI, 2). Кроме этого, из Каман-Калехойюка-7 происходит единственный на территории Передней Азии (Анатолия) килевидный наконечник (Yukishima 1998: fig. 8, 1). Комплекс кургана 5 Высокой Могила в соответствии с данными радиоуглеродной хронологии датируется не позднее рубежа IX–VIII вв. до н.э. (Алексеев и др. 2005: 126), и эта дата, вероятно, может быть распространена и на другие комплексы, в которых аналогичные наконечники представлены серийно.

Двухлопастные черешковые наконечники, представленные в рассматриваемом комплексе пятью экземплярами, по мнению ряда исследователей, являются наиболее ранней формой этого вида вооружения (Итина, Яблонский 1997: 49). Все они имеют длинные уплощённые черешки с упором, подтреугольную форму пера, в нижней части лопасти подточены таким образом, что образуют линию, параллельную нервюре, проходящей через всё перо. Как правило, нервюра имеет ромбическое сечение и лишь в одном случае округлое, концы лопастей опущены, образуя небольшие шипы, а в одном случае подточены таким образом, что наконечник приобрёл листовидную форму.

Круг аналогий двухлопастным черешковым наконечникам невелик: наконечнику с овальной в сечении нервюрой, проходящей через всё перо, наиболее близки наконечники из Минусинской котловины ((ММ Инв. № 7255 – Аванесова 1991: табл. 40, 89) и МИМК ТГУ инв. № 5810 (Членова 1967: табл. 12, 1)), относящиеся к дотагарскому времени (Аванесова 1991: 45); наконечник из кургана 1 в Экибастузском районе Павлодарской области (Пересветов 2001: рис. 1, 2), находившийся в комплексе с бронзовым ножом с навершием в виде арки на кронштейне, аналогичному ножам из могильника Зевакино. Интересно, что двухлопастные черешковые наконечники серийно представлены только в двух курганах

могильника Уйгарак: кургане 70 (пять из семи экз.) и кургане 84 (девять из 33 экз.). В могильниках Сакар-Чага 6 и Южный Тагискен подобные наконечники представлены единичными экземплярами, что, вероятно, в таком случае действительно свидетельствует об их анахронизме (Итина, Яблонский 1997: 49). Начало эволюции этой формы связывают с бронзовым плоским наконечником стрелы из погребения 9 могильника у аула Канай (Акишев, Кушаев 1963: 116; Аванесова 1991: 45; Итина, Яблонский, 1997: 49). Эти наконечники стрел имеют типологическое сходство с двухлопастными черешковыми наконечниками, широко представленными в Китае эпохи Западного Чжоу (Комиссаров 1988: 77, рис. 62). Вероятно, именно Китай, где с XVI в. до н.э. получили распространение исключительно двухлопастные стрелы с черешковым насадом, является исходной территорией, откуда распространялись традиции использования стрел с черешковым насадом (Чутунов 2000: 166).

Несомненно, архаичными являются и *площички*, являющиеся уникальными находками для центрально-азиатских памятников. Один из них вырезан из бронзы, второй – железный. Подобные площадки относятся к типично кавказским формам черешковых стрел, бытовавших на обширной территории Закавказья и Северного Кавказа с конца II тыс. до н.э. – наиболее ранние в комплексах XII–X вв. Мцехтского могильника, Самтавро, Триалети (Гехов 1977: 81). В ареале восточного и западного вариантов кобанской культуры бронзовые площадки характерны для раннего периода развития и периода её расцвета, то есть для XI–VIII вв. до н.э. (Козенкова 1982: 15; 1995: 9), а в скифское время начался активный переход к степным образцам, более совершенным по сравнению с кавказскими площадками (Козенкова 1995: 8). Аналогиями площадке из кургана 10 могильника Памирская I можно считать площадки из погребения 180 Тлийского могильника (XII–XI вв. до н.э.) (Гехов 1977: 80, рис. 65, 8); площадки из погребения 36 Агачевского могильника, погребения 8 могильника Широкая балка, погребения 4 могильника Индустрия 1 (Козенкова 1995: табл. I, 29–31), из погребения 1 могильника Лермонтовская скала (у реки) 1989 г. (Березин, Дударев 1998: рис. 7, 5), из погребения 10 могильника Зандак (Марковин 2002: рис. 23, 2–8), а также из слоя поселения Сержень-Юрт (Козенкова 1982: табл. XI, 27). Железный площадик, по всей вероятности, не может быть причиной омоложения набора в целом, поскольку железные черешковые наконечники стрел появляются в Передней Азии ещё на рубеже II–I тыс. до н.э., причём в Иране в период ЖВ II (1000–800 гг. до н.э.) они повторяют наиболее простые формы бронзовых (Медведская 1980: 26).

Псалли из Памирской одинаковы, однако один имеет древние сломы с двух сторон, после чего, вероятно, всё равно использовался по назначению. Длина целого экземпляра – 17,4 см, длина обломанного у петель – 7,7 см. Псалли ассиметричны: верхний конец у них длиннее нижнего, отлиты из бронзы в технике утрачиваемой восковой модели, имеют форму четырёхгранных в сечении стержней, украшенных по всей длине треугольными выемками, расположенными в шахматном порядке. В средней части у них по три круглых петли для прикрепления ремней, у целого экземпляра концы ровно срезаны.

Они относятся к типу стржевидных трёхпетельчатых псалиев с округлыми в сечении гладкими прямыми стржеями, хорошо известных в материалах предскифских комплексов Закубанья, Предкавказья и Центральной Европы. Подобные псалли, выделенные В.Р. Эрлихом в тип IA, происходят из комплексов и случайных находок протомеотской группы памятников (Эрлих 2007: рис. 184; 185), причём наибольшее количество псалиев этого типа приходится на раннюю хронологическую группу, датированную первой половиной–третьей четвертью VIII в. до н. э. (Эрлих 2007: 123). Эта дата подтверждается и разработками А.А. Сазонова, выделившего три группы погребений в материалах закубанского могильника Пшиш I и отнесшего воинские и всаднические погребения №№ 40, 89, 106 и 121 (Сазонов 2004: рис. IV, 40; V, 89, 121) с трёхпетельчатыми прямыми псалиями ко 2-й хронологической группе, датированной в пределах

второй половины—конца VIII в. до н. э. (Сазонов 2004: 391, 392). Интересно, что в погребении 121 трёхплетельчатые прямые псалли сочетаются с удилами с дополнительным отверстием. По классификации С.Б. Вальчака, подробно проанализировавшего уздечные комплекты юга Восточной Европы и разделившего пласт памятников «типа Новочеркасского клада» на три хронологические фазы, эти псалли относятся к типу Фарс-25 и входят в первую группу уздечных комплексов, соответствующую первой (предновочеркасской) фазе, синхронной памятникам черноговорской культуры степей Северного Причерноморья. Время появления и развития уздечных комплексов этой группы может быть датировано концом IX—серединой VIII в. до н.э., однако некоторые характерные для неё формы существовали, очевидно, вплоть до конца VIII в. до н. э. (Вальчак 2009: 83–93). В Центральной Европе трёхплетельчатые стержневидные псалли выделены в тип Чакберени (Chochorovski 1993: 66, рис. 3, 19), основной период бытования которых приходится на VIII в. до н. э. (Махортых 2003: 45).

Бронзовые уздечные распределители представляют собой уплощённые цилиндры с пятью отверстиями: четыре для перекрещивающихся ремней расположены по бокам, и одно – «технологическое» – в основании. Лицевая сторона обойм украшена изображениями ромбовидного знака с отверстием в центре. Отверстия для ремней круглые.

Несмотря на значительную распространённость уздечных распределителей в комплексах, полных аналогий распределителям из Памирской не так много. Это уздечные распределители из комплексов Алтая и Центрального Казахстана: курган 5 Карбан (Шульга 2008: рис. 42, 5), курган 38 Уйгарак (Вишневская 1977: табл. I, 3), могила 1 Карасай (Культура ранних кочевников Казахстана 2009: 28), курган Тасмола VI, (Маргулан и др. 1966: рис. 28, 3); Приднепровья – курган II Рыжановка (Ильинская, 1975: табл. XXII, 2), а также случайная находка из Минусинской котловины (ГЭ, № 1126/393). Очевидно нагрудные распределители из комплексов кургана 65 Тагискен (Итина, Яблонский 1997: рис. 62, 6), кургана 60 Уйгарак (Вишневская 1977: табл. XVII, 1), кургана 5 Измайловка (Ермолаева 2008: рис. 29, 1, 2) тоже можно считать аналогиями, хотя они отличаются более крупными размерами, так как предназначены для более толстых и часто уплощенных нагрудных и холочных ремней (Шульга, 2008: 80). Важно отметить, что все эти предметы декорированы изображениями ромба, относящимися к третьей группе.

Без сомнений архаичными также являются *уздечные бляшки с изображениями медведей*. Две парные полнофигурные бляшки, видимо, украшали боковые ремни оголовья, и одна – в виде головы и передней части туловища (протома) медведя, вероятно, служила налобником. На всех трёх бляшках звери изображены с крупной головой, опущенной на уровень передних лап, глаз передан углублением, округлое ухо передано высоким рельефом, рельефом же выделены щёки и нос. Высоким рельефом выделены лопатки, бёдра, подчеркнуто – мощные лапы с пальцами. Изображение медведя на одиночной бляшке выполнено реалистично. Практически полной аналогией протоме медведя является протома на верхней части рукояти ножа из кургана 1 могильника Солонечный белок, относящегося к аржано-майэмрскому этапу, хотя само изображение отличается большей стилизованностью. Аналогии изображениям на парных пряжках представлены на пронизи и подбородной застёжке из кургана 34 могильника Уйгарак. Общая иконографическая схема нашивных бляшек из кургана 1 Чиликты-2 (Культура ранних кочевников Казахстана 2009: 335) очень напоминает схему зверей из рассматриваемого кургана 10 могильника Памирская I, однако окончания лап оформлены в виде клювовидного знака, ухо и глаз некоторых экземпляров подчеркнуты бирюзовыми вставками, что, вероятно, свидетельствует о трансформации традиции.

Бляшка с изображением горного козла была обнаружена под колчаном, где лежали остатки кожаного футляра – горита, с «защитым в нём» литым из бронзы козлом-таутеке. Вероятно, это один из редких случаев находки *in situ* блях – украшений горита. Горный

козёл изображён в профиль, с ногами, собранными в точку, опущенной головой, увенчанной массивными рогами. Туловище моделировано широкими плоскостями, рельефом выделены бедро и лопатка. Глаз и ухо переданы рельефом, ноздря – контррельефом. Реалистично переданы массивный рог, копыто задней ноги, закрывающей переднюю ногу, ухо, ноздря, борода, положение опущенного хвостика. Интересно отметить, что моделировка туловища широкими плоскостями, передача задней ноги с копытом и короткого хвостика, и, в особенности, передача глаза выпуклым кружком аналогичны приёмам, характерным для стилистики аржано-майэмирского этапа – сходные приёмы использованы при передаче образа кабана на верхней части ножа из кургана Аржан 1 (Грязнов 1980: рис. 11, 4). Передача глаз кружком зафиксирована уже на наиболее ранних петроглифах, оленном камне из Аржана 1, а также оленных камнях, переиспользованных при сооружении Аржана 2 (Чугунов 2008: 64). Изображения, подобные памирскому, встречаются довольно редко – бесспорно, таутеке изображены на предметах из кургана 2 могильника Тасмола V (Маргулан, Кадырбаев 1966: рис. 18), навершиях из Биже (Акишев, Кушаев 1978: рис. 3). Наиболее полной аналогией колчанному украшению из Памирской являются изображения на предметах конской упряжи (?) из кургана 2 могильника Тасмола V, которые, тем не менее, выглядят значительно изящнее, нежели памирское. Весьма близки по композиционному и стилистическому решению парные уздечные бляхи из коллекции Радлова, обнаруженные в районе Минусинска (Завитухина 1983: кат. 37, 38), бляшка (?) из Ордоса (Членова 1967: табл. 24, 34), тем не менее, ноги у животных уже не сведены в точку. Очевидно, поздней репликой является изображение горного козла на золотой булавке из кургана 126 могильника Туран в Туве. На бляхе из Малиновки, навершии ножа из случайных находок у с. Бейское в Минусинской котловине, уздечных бляхах из кургана 10 у с. Поповка козёл изображен без бороды, хотя массивная приземистая фигура с опущенной головой выполнена аналогично памирской. Следовательно, образ таутеке был распространён в центральноазиатском регионе, где существуют и его поздние реплики. По всей видимости, бляха из Памирской именно благодаря использованию стилистических приёмов, характерных для аржано-майэмирской стилистики, является наиболее ранним изображением в этой серии предметов с изображениями горного козла и должна датироваться несколько более ранним временем, нежели навершия из Биже, которые отнесены к VIII–VII вв. до н.э. (Акишев, Акишев 1978: 54). Вероятно, эта дата может оказаться близка дате комплекса кургана Аржан 1.

Таким образом, говоря о хронологической позиции комплекса кургана 10 могильника Памирская I, необходимо согласиться с мнением И.Н. Медведской и И.В. Бруяко, помещающих её в рамки VIII–VII вв. до н.э. с тем уточнением, что нижняя хронологическая граница, вероятно, может находиться в первой половине VIII в. до н.э.

Аргументами в пользу этого являются: датировка комплекса погребения 5 Высокой могилы с килевидными наконечниками стрел рубежом IX–VIII вв. до н.э.; наличие в комплексе серии двухлопастных черешковых наконечников стрел; хронологические разработки по предметам предскифской узды из Закубанья А.А. Сазонова, В.Р. Эрлиха, С.Б. Вальчака, датировавших комплексы с уздечными комплектами с трёхпестельчатыми стержневидными псалями IX–VIII вв. до н.э.; стилистические аналогии колчанному украшению из Памирской в комплексе кургана Аржан 1.

Ранняя дата комплекса кургана 10 могильника Памирская I позволяет утверждать, что изображения круга с точкой (отверстием) в центре, вписанного в ромб с вогнутыми сторонами и заключённого в окружность на уздечных распределителях действительно являются исходным вариантом иконографии данных изображений.

Литература

- Аванесова 1991 – *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Алексеев и др. 2005 – *Алексеев А.Ю., Бокоченко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.П., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт П., Постриерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чукунов К.В.* Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
- Акишев, Акишев 1978 – *Акишев К.А., Акишев А.К.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Акишев, Кушаев 1963 – *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Березин, Дударев 1998 – *Березин Я.Б., Дударев С.А.* Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» // МИИХНСК. Ставрополь, 1998. Вып. I.
- Бернштам 1952 – Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).
- Бруяко 2005 – *Бруяко П.В.* Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х. Кишинев, 2005.
- Вальчак 2009 – *Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Виноградов и др. 1980 – *Виноградов В.Б., Дударев С.А., Рунчи А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Вишневецкая 1973 – *Вишневецкая О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М.П.* Аржан. Л., 1980.
- Ермолаева 2008 – *Ермолаева А.С.* Погребально-поминальные комплексы первой половины I тыс. до н.э. на Измайловском могильнике из Восточного Казахстана и проблема трансформации культурных традиций // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008.
- Завитухина 1983 – *Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983.
- Ильинская 1975 – *Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
- Итина, Яблонский 1997 – *Итина М.А., Яблонский А.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (По материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Кадырбаев 1966 – *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Козенкова 1982 – *Козенкова В.П.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М., 1982 (САИ. Вып. В2-5).
- Козенкова 1995 – *Козенкова В.П.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. (Систематизация и хронология) Западный вариант. М., 1995 (САИ. Вып. В2-5).
- Комиссаров 1988 – *Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
- Культура ранних кочевников Казахстана 2009 – *Культура ранних кочевников Казахстана.* археологические коллекции. Научный каталог. Алматы, 2009.
- Маргулан и др. 1966 – *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Марковин 2002 – *Марковин В.П.* Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. М., 2002.
- Махортых 2003 – *Махортых С.В.* Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003.
- Медведская 1972 – *Медведская П.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3.
- Медведская 1980 – *Медведская П.Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II – первой половины I тыс. до н.э. // СА. 1980. № 4.

Пересветов 2001 – *Пересветов Г.Ю.* Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001.

Рябкова 2010а – *Рябкова Т.В.* Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения»: Тезисы докладов. Магас, 2010.

Рябкова 2010б – *Рябкова Т.В.* Памирская I, курган 10 (к вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) // Древние культуры Евразии: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама СПб., 2010.

Рябкова 2011 – *Рябкова Т.В.* Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников // Маргулановские чтения – 2011. Астана, 2011.

Сазонов 2004 – *Сазонов А.А.* О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego.* Kraków, 2004.

Смирнов 1961 – *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА. № 101).

Тереножкин 1961 – *Тереножкин А.И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Тереножкин 1976 – *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.

Техов 1977 – *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Членова 1967 – *Членова Н.А.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Чугунов 2000 – *Чугунов К.В.* К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул. 2000. Вып. XI.

Чугунов 2005 – *Чугунов К.В.* Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.

Чугунов 2008 – *Чугунов К.В.* Плиты с петроглифами в комплексе Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмйского стиля) // Тропой тысячелетий. Кемерово, 2008.

Шульга 2008 – *Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул, 2008.

Эрлих 2007 – *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.

Яблонский 1996 – *Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья. М., 1996.

Vokovenko 1996 – *Vokovenko N.A.* Asian influence on European Scythia // *Ancient civilizations from Scythia to Siberia.* Leiden; New York, 1996. Vol. III, 1.

Chochorowski 1993 – *Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków, 1993.

Dubovskaja 1997 – *Dubovskaja O.R.* Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der «Novočerkassk-Gruppe» // *Eurasia Antiqua.* Berlin, 1997. Bd. 3.

Yukishima 1998 – *Yukishima K.* Metal arrowhead at Kaman-Kalehöyük // *Studies on Anatolian Archaeology.* Tokyo, 1998. Vol. VII.

Дата кургана Аржан и хронология начала эпохи ранних кочевников

К.В. Чугунов

Вопрос абсолютной хронологии древностей, относящихся к эпохе ранних кочевников в Азии, осложнён отсутствием твёрдо датированных импортов. Неизвестно, когда появились те или иные типы вещей в том или ином регионе и сколь долго они существовали. В отличие от внутренней периодизации каждой археологической культуры, абсолютные

даты зачастую основываются на далеких аналогиях некоторым категориям вещевого комплекса в памятниках Европейской Скифии и представлениях исследователя об истоках и направлении развития культур скифского типа. Но определение направления культурно-генетических связей, выяснение исходных очагов инноваций и путей их распространения невозможно без надёжных хронологических реперов и синхронизации с ними памятников других регионов. При этом региональные периодизации, как правило, верно отражающие относительную последовательность этапов развития культуры в её ареале, зачастую плохо согласуются с аналогичными разработками в соседних областях. Один из способов выхода из замкнутого круга противоречий – широкое использование для датировки археологических комплексов независимых методов, один из которых – радиоуглеродное датирование, позволяющее определить позицию памятника на хронологической шкале и использовать его материалы в качестве хронологического репера для других комплексов.

Таким хронологическим репером для начала эпохи ранних кочевников сейчас может выступать комплекс кургана Аржан. Для образцов из этого ключевого памятника получена значительная серия радиоуглеродных дат, в том числе вычисленных методом согласования радиоуглеродного и дендрохронологического возраста древесины. Датировка его рубежом IX–VIII вв. до н.э., то есть предскифским временем по европейской хронологической шкале, сейчас может считаться установленной (Алексеев и др. 2005).

Этот памятник демонстрирует несомненную связь, как в погребальном обряде, так и в материальном комплексе с кругом культур предшествующей эпохи, что было отмечено ещё М.П. Грязновым, выделившим аржано-черногоровскую фазу развития степных культур Евразии (Грязнов 1983: 3–18). Появление оленных камней в Европе на черногоровском этапе убедительно показал А.А. Ковалёв, одновременно очертив круг находок черногоровского облика в восточной зоне степи (Ковалёв 2000: 138 сл.). Истоки комплекса Аржана, восходящие к эпохе бронзы, продемонстрировал также Д.Г. Савинов в последней монографии по скифской эпохе Тувы (Савинов 2002).

В погребальном обряде Аржана отчётливо видны центрально-азиатские корни: радиальность конструкции, ассоциируемая с херексурами; сильно скорченная «андроновская» погребальная поза; наземный способ захоронения, восходящий к традиции монгунтайгинской культуры Тувы. При этом очевидные параллели черногоровскому пласту древностей Северного Причерноморья предоставляют возможность прибегнуть к европейским разработкам для определения хронологической позиции начального этапа эпохи ранних кочевников. Уздечные комплекты, а также роговые украшения узды, аналогичны ранним черногоровским (Вальчак и др. 1996: 29). Роговые бабочковидные бляхи, в свою очередь, сопоставлялись с бронзовыми аналогами из горизонта IVB Хасанлу (Иванчик 2001: 214). Эти сопоставления подтверждают датировку памятника рубежом IX–VIII вв. до н.э. независимо от радиоуглеродных определений.

Другие материалы Аржана позволяют синхронизировать с ним пласт древностей переходного периода от Восточного Приаралья до Минусинской котловины (Чугунов 2006: 69 сл.). К ним относятся стремевидные пряжки со шпеньком, типологически сопоставимые с найденными на бегазы-дандыбаевских поселениях (Варфоломеев 2003: 102, рис. 4, 15, 16), а также серьги специфической формы, конструктивно восходящие к украшениям из постандроновских памятников (Чугунов 2003: 386–395).

Помимо западных аналогий не менее, если не более, важны юго-восточные параллели находкам в Аржане. Как уже отмечалось А.А. Ковалёвым (1996: 121–127), древнейшей аналогией аржанским кинжалам является кинжал из могилы 1040 на поселении Чжукайгоу в Ордосе, имеющий такое же специфическое перекрестие. Могила датирована по раннешанскому клевету «гэ» серединой II тыс. до н.э. Случайная находка кинжала с похожим оформлением перекрестия и зооморфным навершием рукоятки на юго-западе Тувы,

возможно, свидетельствует о бытовании такого оружия здесь уже в эпоху поздней бронзы (Чугунов 1997: 81–86). Кроме того, к северо-востоку от Ордоса выделены комплексы типа Наньшаньгэнь, датируемые китайскими предметами IX–VIII вв. до н.э. Найденные здесь местные формы оружия украшены изображениями животных в так называемом аржаномайэммирском зверином стиле (Ковалёв 1998: 122–131).

Казалось бы, в сочетании с особенностями погребального обряда юго-восточные аналогии указывают на вероятное происхождение всего комплекса памятника. Однако если обратиться к другой его важной составляющей – стрелковому набору – такой вывод не столь однозначен. В Аржане найдено 17 бронзовых втульчатых наконечников, большинство из которых составляют двухлопастные с ромбическими очертаниями пера (Чугунов 2000а: 216, 232, рис. 3). Такие признаки характерны именно для черноголовских памятников, что, в целом, характерно для всего комплекса. Обращает внимание полное отсутствие в наборе черешковой группы наконечников – непременной составляющей колчанного набора раннескифского времени в регионе. Этот факт позволяет сделать некоторые заключения относительно развития этого вида вооружения, как в Туве, так и в других регионах в переходное и раннескифское время, а также наметить некоторые хронологические реперы в анализе стрелковых наборов азиатской зоны степей.

Вопрос происхождения стрел с черешковым насадом и их процентное соотношение с группой втульчатых наконечников в колчанном наборе ранних кочевников Евразии был рассмотрен в специальной работе, где установлены зоны их распространения (Чугунов 2000б: 165–168). Основные её положения и выводы, с учётом данных современных исследований, сводятся к следующему.

Черешковые наконечники, произошедшие от каменных прототипов в среде носителей синташтинской металлургической традиции, не получили на территории восточной зоны степей распространения в андроновскую эпоху, но повлияли на развитие некоторых втульчатых типов стрел, имеющих рельефный узор на втулке. Вероятнее всего связывать формирование комплекса стрел с черешковым насадом из памятников раннескифского времени в среде, близкой китайским племенам эпохи Инь и Западное Чжоу, где употреблялись только такие стрелы. Племена, населявшие южную зону Евразийского степного коридора, препятствовали проникновению («экранировали») юго-восточных влияний на территорию расселения скифо-савроматских племен, сочетая обе традиции в изготовлении этой категории оружия. Комплексы из Северного Казахстана и Южного Приуралья и Зауралья, включающие черешковую группу стрел, вероятно, маркируют ранний этап миграции из восточной зоны степей. Распространение традиции черешковых наконечников стрел в разных регионах происходило, вероятно, различными путями. Наиболее ранние комплексы с этим компонентом стрелкового набора фиксируются в Приаралье, где широко представлены типологически ранние двухлопастные типы черешковых стрел (Вишневская 1973, Яблонский 1996, Итина, Яблонский 1997). В Туве наконечники этой группы появились в пост-аржанское время, вместе с носителями алды-бельских традиций. Так как здесь абсолютно преобладают трехлопастные экземпляры, то, вероятно, исходной территорией этой инновации может являться Приаралье и Центральный Казахстан. Полагаю, что к списку исходных регионов можно добавить и Синьцзян, где также известны находки двухлопастных черешковых наконечников (Ковалёв 2000: 175, рис. 17, 18).

Некоторые выводы, сделанные рядом исследователей о времени появления и сосуществования отдельных типов стрел, для комплексов Тувы могут быть использованы только с учётом местной специфики развития стрелковых наборов. Так, справедливое для памятников Средней Азии и Казахстана, заключение И.Н. Медведской о датировке комплексов с черешковыми наконечниками при отсутствии втульчатых трехлопастных не позже VII в.

до н.э. (Медведская 1972: 83), для памятников Тувы не применимо. Черешковая группа стрел существует здесь ещё в III в. до н.э., а втульчатые наконечники «скифо-савроматских» типов на эту территорию практически совсем не проникали. Черешковые бронзовые наконечники имеют в Туве свою линию развития, выразившуюся в тенденции уменьшения общих размеров стрелы, а также изменения пропорций отношения длины черешка к длине головки (Мандельштам 1983: 30; Чутунов 2000а: 224). Эти наблюдения позволяют достаточно уверенно отличить набор стрел алды-бельской культуры от более позднего уюкско-саглынского набора. В алды-бельских памятниках наконечников втульчатой группы найдено примерно столько же, сколько и черешковых. Стрелы с зажимным способом насада здесь составляют наибольший процент в стрелковых наборах среди всех прочих регионов степной Евразии (Чутунов 2000б: 165). Замечено также, что трёхгранные наконечники со скрытой втулкой характерны именно для поздних алды-бельских памятников. В уюкско-саглыньских колчанах конца VI–IV в. до н.э. абсолютно преобладают черешковые наконечники, а втульчатая группа стрел представлена незначительным процентом трёхгранных экземпляров, присутствие которых, как правило, свидетельствует о довольно ранней (в пределах этого периода) дате комплекса (Чутунов 2000а: 224). Соответственно, общая тенденция развития стрелкового набора в скифское время на территории Тувы направлена на постепенное уменьшение процента втульчатых стрел.

В то же время, набор стрел втульчатой группы из кургана Аржан и отсутствие в нём черешковых наконечников позволяет предполагать появление последних в Туве не ранее середины или конца VIII в. до н.э. Надо признать, что это достаточно условная дата, на которую косвенно указывает почти полное отсутствие здесь двухлопастных черешковых форм. При этом находки бронзовых двухлопастных втульчатых наконечников в комплексах Тувы (за исключением кургана Аржан) чрезвычайно редки. Вероятно, здесь им на смену достаточно быстро приходят четырёхгранные в сечении стрелы со скрытой втулкой. Поэтому, с большой долей вероятности, можно принять для Тувы тезис о том, что «если вместе с черешковыми трёхлопастными в наборе отсутствуют двухлопастные втульчатые, нельзя исключить VI в. до н.э. как время существования такого набора» (Итина, Яблонский 1997: 50). Соответственно, *наличие двухлопастных втульчатых наконечников стрел в памятниках Саяно-Алтая, вероятно, может свидетельствовать о дате не позже VII в. до н.э.*, так как в VI в. до н.э. они точно выходят из употребления.

Памятники Тувы, комплексы которых отвечают обозначенному выше тезису, подробно рассмотрены при анализе набора наконечников стрел, обнаруженных в комплексах кургана Аржан-2 (Чутунов 2011). Два из них исследованы экспедицией под руководством М.А. Дэвлет в горно-таёжном Тоджинском районе Тувы (Дэвлет 2004: 28–37; 2005: 104–112) и представляют собой своеобразные погребальные комплексы, сочетающие черты культуры раннескифского времени Тувы и тагарских памятников Минусинской котловины. В тагарской культуре, особенно на её ранних этапах, абсолютно преобладает группа втульчатых двухлопастных стрел (Морозов 2003: 119–122). Это служит дополнительным аргументом тому, что традиционные датировки её этапов неоправданно завышены и должны быть пересмотрены (Чутунов 2005: 102–104; 2006: 69–71).

К сожалению, в тагарские захоронения обычно не клали большой колчаный набор. Кроме того, большой процент составляли роговые наконечники, которые в силу своего, обусловленного материалом разнообразия, пока не могут являться надёжным хронологическим индикатором. Однако несколько комплексов со значительным набором бронзовых наконечников все же присутствуют. Один из них – Тигир-Тайджен (раскопки М.Л. Подольского, 1999 г.) – очень представительный, включает помимо десяти бронзовых наконечников стрел полный набор вооружения. Типологическое соответствие колчанного набора из этого раннетагарского погребения стрелам из Аржана абсолютно полное.

Комплекс имеет радиоуглеродную дату, калиброванный интервал которой не выходит за пределы IX в. до н.э. (Алексеев и др. 2005: 113, 114).

Однако самые многочисленные наборы бронзовых стрел происходят из двух курганов могильника Каменка (раскопки Я.А. Шера). Помимо типов, аналогичных аржанской коллекции, они включают так называемые килевидные втульчатые наконечники, характерные для черногоровских комплексов и позже не встречающиеся. Такие стрелы найдены, например, в погребении 5 Высокой могилы. Кроме того, у некоторых экземпляров присутствуют валики в основании втулки, что также очень характерно для причерноморских комплексов эпохи поздней бронзы. Такие стрелы есть и в колчанном наборе из кургана 20 Сакар-Чага 6, который датирован Л.Т. Яблонским VIII–VII вв. до н.э. (Яблонский 1996).

Если рассматривать состав колчаных наборов тагарской культуры в целом, то следует ещё раз отметить, что здесь абсолютно преобладает группа втульчатых двухлопастных стрел. Наконечники втульчатой группы, являющиеся основным компонентом колчанного набора степных культур Евразии, по общепризнанному мнению произошли от стрел срубно-андроновской культурной общности. Трёхлопастные втульчатые стрелы в тагарских комплексах единичны, а черешковая группа наконечников составляет лишь около 3% от общего числа найденных экземпляров. Такие стрелы найдены только в раннесарагашенских комплексах, что можно рассматривать как результат внешних контактов.

Заметим, что среди черешковых наконечников, происходящих из сарагашенских комплексов, присутствуют двухлопастные формы (Кулемзин 1976: 49–51, рис. 1), которые найдены в памятниках лесостепной тагарской культуры (правда, на территории Минусинской котловины известны случайные находки). В связи с этим не выглядит слишком заниженной радиоуглеродная датировка сарагашенского кургана Черемшино на севере Хакасии, относящая его к концу VIII в. до н.э. (Алексеев и др. 2005: 117–119). Не исключено, что проникновение в район Среднего Енисея носителей сарагашенских традиций проходило именно через лесостепные районы с территории Центрального Казахстана.

На мой взгляд, корректировка хронологии тагарской культуры должна быть сделана не только в сторону общего удренения, но и с учётом сосуществования в её ареале разных по происхождению традиций. Так, не только стрелковые наборы, бронзовые чеканы и кинжалы, аналогичные и близкие по типу оружию из Аржана, подтверждают соотношение подгорновских древностей с аржано-черногоровской фазой развития степных культур в регионе, но и памятники сарагашенского этапа тагарской культуры содержат материалы, позволяющие соотнести их с хронологическим горизонтом Аржана. Имеется в виду такая категория находок как бронзовые навершия. Можно допустить, конечно, что аржанские изделия являются прототипами для сарагашенских. Но из этих же комплексов происходят и бляхи в виде оленей, аналогичные изделиям из погребений Чиликты и Гумарово, дата которых на основании анализа колчаных наборов не может быть позднее рубежа VIII–VII вв. до н.э. Таким образом, не исключено, что на Среднем Енисее на каком-то этапе могли параллельно существовать две культурные традиции – подгорновская и сарагашенская. В связи с этим представляется возможным предположить связь тагарских погребальных оград с дромосами, пристроенными к восточной стенке, с центрально-казахстанской традицией эпохи поздней бронзы (Чугунов 2006: 69 сл.).

Таким образом, отсутствие черешковой группы стрел в Аржане не позволяет однозначно утверждать юго-восточные истоки его комплекса в целом. Версия его западного происхождения в результате миграции из ареала черногоровских памятников также не может быть принята, так как на западе в это время отсутствует такой важный компонент, как искусство звериного стиля. В качестве гипотезы можно предположить, что признаки, формирующие комплекс Аржана, могли быть принесены с юго-запада, с территории Южного Приитыньянья. Там исследованы обширные могильники типа Чауху, включающие как

компонент сильно скорченные захоронения, звериный стиль аржано-майэмирского облика, ранние формы узды. Однако не разработанная внутренняя хронология этих могильников, где, наряду с ранним, присутствует сравнительно поздний пласт, на данном этапе исследованных затрудняет наполнение этой гипотезы реальным содержанием.

Литература

Алексеев и др. 2005 – *Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.П., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт П., Поснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чурунов К.В.* 2005. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Вальчак и др. 1996 – *Вальчак С.Б., Мамонтов В.П., Сазонов А.А.* Ранние памятники черногогорского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Вып. 2.

Варфоломеев 2003 – *Варфоломеев В.В.* Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1 (Древние эпохи).

Вишневская 1973 – *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака // Тр. ХАЭЭ. М., 1973. Т. VIII.

Грязнов 1983 – *Грязнов М.П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. Вып. 12.

Дэвлет 2004 – *Дэвлет М.А.* Об изображении серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Дэвлет 2005 – *Дэвлет М.А.* Курганы скифского времени «Тора-Хем Вторая поляна» в Тоджинском хошуне Тувы // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1.

Иванчик 2001 – *Иванчик А.П.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.

Итина, Яблонский 1997 – *Итина М.А., Яблонский А.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.

Ковалёв 1996 – *Ковалёв А.А.* Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.

Ковалёв 1998 – *Ковалёв А.А.* Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб., 1998.

Ковалёв 2000 – *Ковалёв А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Кулемзин 1976 – *Кулемзин А.М.* Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976.

Мандельштам 1983 – *Мандельштам А.М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983.

Медведская 1972 – *Медведская П.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3.

Морозов 2003 – *Морозов С.В.* Бронзовые наконечники стрел в раннетагарских памятниках Южной Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Книга II.

Савинов 2002 – *Савинов Д.Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.

Чугунов 1997 – *Чугунов К.В.* Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997 (АИ. Вып. 42).

Чугунов 2000а – *Чугунов К.В.* Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. СПб., 2000.

Чугунов 2000б – *Чугунов К.В.* К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI.

Чугунов 2003 – *Чугунов К.В.* Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Книга 1.

Чугунов 2005 – *Чугунов К.В.* Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005.

Чугунов 2006 – *Чугунов К.В.* Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. II.

Чугунов 2011 – *Чугунов К.В.* Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. СПб., 2011. № 1 (в печати).

Яблонский 1996 – *Яблонский А.Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Железо в ранних скифских курганах в Туве

Вл.А. Семёнов

Железные акинаки и мечи в Туве появляются не позднее VII в. до н.э., о чём свидетельствуют находки железного оружия и украшений в кургане Аржан 2 и в курганах 1 и 2 могильника Кош-Пей – все в Уюкской котловине, называемой также «Долина царей». Вероятно, эти изделия из железа не местного происхождения. Скорее всего, они поступали в Туву с территории Восточного Чжоу. Некоторые железные вещи, например, бабочковидные поясные украшения, плакетированные золотом, находят аналогии в могильниках Ордоса, датируемые, примерно, V в. до н.э. Однако ¹⁴C-даты для кургана 2 могильника Кош-Пей значительно древнее. Многие изделия из железа, включая даже наконечники стрел, покрывались золотом (Аржан 2). Необходимо отметить, что традиция украшения клинков золотыми аппликациями, известная по тувинским курганам, сохраняется и в дальнейшем, например, меч из кургана Иссык (Казахстан), акинаки из Филипповских курганов в Оренбургской области.

В древности в качестве железных руд в Туве служили скопления магнетита в скалах (правобережье р. Каа-Хем, р. Бай-Сют и др.), гематит и магнетит в древних вулканитах (бассейн р. Ондум, Теректиг и др.), магнетит и гематит на контактах субвулканических тел (реки Северный Торгалык, Иштги-Хем, Шивилиг). Места добычи железа представлены штольнями, выработками в виде канав, глубоких шурфов и устроенными тут же в обрывах речных террас плавильнями – например, на р. Чоза в Овюрском кожууне, в пойме которой отмечен высокий шлаковый отвал в виде конуса диаметром 7–10 м (Попов и др. 2005: 117–119). К сожалению, датировать эти выработки пока не представляется возможным. В связи с этим А.Д. Грач считал, что железо в широкий обиход входит только на заключительном озенала-белгском этапе – в IV–III вв. до н.э. (Грач 1980: 44). Исходя из этого, А.Д. Грач рассматривал редкие находки железных ножей в более ранних памятниках, как потерянные при ограблениях погребений, совершаемых в более позднее время.

На самом деле железо, вероятно, было широко представлено в элитных (Кош-Пейских) курганах уюкской культуры. В быту, скорее всего, оно использовалось в большем объеме, чем об этом можно судить по материалам погребений. Косвенно об этом свидетельствует парадоксальное заключение С.В. Хаврина, проведшего спектральный анализ находок, выполненных из цветных металлов в алды-бельской и уюкско-саглынской культурах. В первой из них представлены изделия из бронзы, во второй – из мышьяковистой меди (Хаврин 2003: 211–218). Это означает, что уюкцы и саглынды утратили доступ к олову и освоили чёрную металлургию или, что в силу освоения железа, бронза была для них особенно важна, но погребальный инвентарь традиционно включал медные вещи.

Литература

Хаврин 2003 – *Хаврин С.В.* Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Семёнов Вл.А. Сугаут-Хем и Хайыракан. Могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.

Попов и др. 2005 – *Попов В.А., Монгуш А.А., Аюпова О.А.* Горно-металлургическое производство в Древней Туве // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества. Кызыл, 2005. Вып. 8.

Грач 1980 – *Грач А.А.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

О времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы

А.А. Егорейченко

Начало железного века в лесной полосе Восточной Европы традиционно определяется VII в. до н.э. Подобное утверждение справедливо лишь в отношении археологических культур южной части этой зоны (милоградская, юхновская и др.), граничащих с лесостепью и имевших непосредственный контакт со скифами, при посредничестве которых здесь начинает распространяться чёрная металлургия и металлообработка. Что касается культур, локализованных севернее, – штрихованной керамики, днепро-двинской, дяковской, городецкой и др., то в это время никаких признаков железоделательного производства у их носителей не наблюдается. Более того, они на протяжении длительного времени демонстрируют костяную и каменную индустрии, характерные для бронзового века.

Кардинальное отличие памятников I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э. этих культур позволяет говорить не об их эволюционном развитии, а смене этнокультурных общностей, присущих разным археологическим периодам. Наиболее наглядно это было проиллюстрировано автором, выделившим культуру ранней штрихованной керамики, которая соотносится с эпохой поздней бронзы, и культуру поздней штрихованной керамики, характерную для железного века (Егорейченко 2000: 168–171; 2006).

Культура ранней штрихованной керамики сформировалась в последней четверти II тыс. до н.э. (Grigalavičienė 1995: 237, 238; Luchtanas 1992: 59; Васкс 1991: 91; Егорейченко 2006: 54). Её начальная дата определяется рядом находок, имеющих аналогии, прежде всего, в лужицкой культуре. Среди них имеется бронзовая булавка с гвоздевидным навершием из Большого Наркунайского городища, типичная для фазы ВС/ВД периода средней бронзы (1300–1200 гг. до н.э.) на территории Польши. На многих городищах (Зазоны, Мошкенай, Б. Наркунай, Няверишке, Ратонки) обнаружены костяные подражания этим заколкам, датировка которых должна быть сопоставима с бронзовыми прототипами. Из Большого Наркунайского городища происходят и два бронзовых браслета. Один из них имел плоско-

выпуклое сечение. Его лицевая поверхность декорирована ёлочным узором, полукружиями, косыми насечками и точками. Украшения с подобным сечением и сходным орнаментом были характерны для культур Центральной и Западной Европы в III периоде эпохи бронзы в соответствии с периодизацией Я. Домбровского (1370–1150 гг. до н.э.).

Типологически близка этому браслету и вторая находка, однако её отличает меньшая ширина исходной бронзовой пластины и отсутствие на ней орнамента. Подобные изделия имеют более широкие хронологические и территориальные рамки. Они, в частности, известны не только в Центральной Европе, но и на Дону, Северном Кавказе и на других территориях, где появляются уже во II периоде эпохи бронзы (1700–1370 гг. до н.э.). Среди бронзовых вещей на территории Беларуси отметим две, происходящие из городища Ратюнки. Одна из находок – игла, аналогии которой можно найти в лужицкой культуре, где близкие экземпляры датируются в пределах фаз ВВ2–ВС эпохи бронзы (1500–1300 гг. до н.э.). Ещё одно изделие представлено массивным кольцом с заходящими друг за друга концами. На территории Польши подобные экземпляры имели длительное хождение от 1600 г. и до 600 г. до н.э., хотя большая часть находок также имеет максимум распространения в фазах ВВ2–ВД (1500–1200 гг. до н.э.).

Помимо булавок ещё две серии костяных находок представляют собой имитацию бронзовых вещей, известных в южноприбалтийском ареале. Среди них три втульчатых копья (Горани, Ратюнки, Сокишкяй). Их прототипами, бесспорно, послужили бронзовые копья предлужицкой и лужицкой культур, имевшие хождение в 1450–800 гг. до н.э. Наконец, к III–IV периодам бронзы (1370–900 гг. до н.э.) следует относить сложнофигурные пуговицы из городищ Кярялай, Мошкенай, Наркунай и Ратюнки, чьи параллели с восточнопрусскими бронзовыми аналогами не вызывают сомнений. Остальные находки из камня (топоры, долота, подвески, тёрочки, зернотёрки) и кости (проколки, кочедыки, долота, тушки, наконечники копий и стрел, рукояти, подвески и др.) не имеют узких хронологических индикаторов. По-видимому, они имели хождение на всем протяжении культуры.

Большинство исследователей полагает, что КРШК (ранний этап культуры штрихованной керамики по их терминологии – *А.Е.*) прекращает своё существование к рубежу н.э. (Митрофанов 1980: 102, 103; Васк 1991: 123, 128; Медведев 1996: 45; Grigalavičienė 1986a: 88; 1986b: 137; Volkaitė-Kulikauskienė 1986: 47; Luchtanas 1992: 84). Подобная точка зрения может быть принята, но с определённой оговоркой. Учитывая отсутствие узко датированных вещей, которые бы определяли завершение культуры ранней штрихованной керамики, необходимо опираться на начальную дату культуры поздней штрихованной керамики. Наиболее показательными в этом плане являются городища белорусского ареала.

Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют отнести появление укрепленных поселений этой культуры на территории Беларуси не ранее середины I в. до н.э. Эта датировка, прежде всего, базируется на серии находок из нижних напластований культурного слоя городища Ивань. В них были найдены стеклянные золочёные бусины, время бытования которых, в основном, относится ко II в. до н.э.–I в. н.э. Там же обнаружены зарубинецкие кельты с прямоугольной втулкой, аналоги которым имеются в мужских захоронениях Чаплинского могильника фазы D1 (120–60 гг. до н.э.).

В конце I в. н.э. возникает городище в Мыслях. Среди ранних датированных находок этого поселения имеются две фибулы. Одна из них подвижная верхнеднепровской серии. М.Б. Щукин относит подобные экземпляры к LtD2 (60–15 гг. до н.э.). По мнению В.Е. Ерёмченко, такие застёжки были характерны для более позднего времени 15 г. до н.э. – 20–40-е гг. I в. н.э. Вторая, так называемая фибула «бойев» относится к фазе А позднего предримского периода (60 г. до н.э.–начало I в. н.э.).

По-видимому, со второй половиной–концом I в. до н.э. нужно связывать появление носителей КРШК на городищах Банцеровщина, Новоселки и Петровщина, на которых

также обнаружены подвязные фибулы верхнеднепровской серии. В это же время возникает и городище Малышки, о чем можно судить по находке «воинской» фибулы. По мнению М.Б. Шукина, подобная фибула позднелатенской схемы ближе стоит к кельтским наухаймским, распространённым, преимущественно, в первой половине – середине I в. до н.э. Вместе с тем этот исследователь допускает возможность доживания их дериватов вплоть до рубежа н.э., возможно, даже до середины I в. н.э.

Таким образом, переход от эпохи бронзы к железному веку в Северо-Западной Беларуси можно отнести ко времени не ранее середины I в. н.э. Однако и здесь необходимо сделать определённую поправку. В области распространения бывшей культуры ранней штрихованной керамики характерная для неё баночная и слабопрофилированная посуда продолжает бытовать и в первых веках н.э. Это отмечают литовские исследователи. Так, в частности, Е. Григалавичене фиксировала, что на городищах Няверишке и Сокишкяй слабопрофилированная и баночная посуда была представлена во всех горизонтах культурного слоя, включая верхние, где отмечены ребристые горшки. Там же одновременно сочетались костяные и железные изделия (Grigalavičienė 1986a: 87; 1986b: 137). Такая же ситуация наблюдалась и на городище Зазоны. Посуда культуры ранней штрихованной керамики здесь представлена во всех пластах. Ребристые горшки на этом поселении немногочисленны. Ребро у них – невыразительное, орнаментация отсутствует. Железных изделий, которые можно было бы увязать с культурой поздней штрихованной керамики, здесь нет. Конечную дату городища определяет бронзовый наконечник пояса, характерный для фазы B2/C1a (170–200 гг. н.э.). Именно этим временем (не позднее начала III в. н.э.) необходимо датировать не только прекращение функционирования самого поселения, но и время исчезновения остаточного населения культуры штрихованной керамики.

Близкая картина наблюдается и восточнее, в бассейне Западной Двины, в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поволжье. Там локализуются днепро-двинская культура, родственная культурам штрихованной керамики, и дьяковская культура. И в этих культурах кардинальные перемены наблюдаются только к рубежу н.э. В керамическом комплексе они не так заметны, как в культуре поздней штрихованной керамики, однако достаточно показательны. Исследователи отмечают распространение на рубеже н.э. и в первых веках н.э. сильнопрофилированной керамики вместо баночной и слабопрофилированной, которая орнаментирована пальцевыми защипами и ногтевыми насечками по краю венчика (Шmidt 1992: 96; Исланова 2001: 65, рис. 5). Появляется лощёная посуда, в чём можно усмотреть постзарубинецкие традиции. Структурные изменения, как и в культуре поздней штрихованной керамики, наблюдаются в хозяйственной деятельности. Здесь также доминирующую роль начинает играть подсечное земледелие (Дубынин 1974: 245; Шадыро 1985: 94, 95).

Что касается железных изделий, то в этих культурах они, возможно, появляются раньше, чем у носителей штрихованной керамики. По крайней мере, клиновидные проушные топоры, найденные на поселениях днепро-двинской культуры, обычно сравнивают со скифскими V–IV вв. до н.э. Однако массовое распространение чёрной металлургии и металлообработки в дьяковской и днепро-двинской культурах исследователи также относят к концу I тыс. до н.э. Этот революционный взрыв, повлёкший за собой кардинальные изменения в различных сферах жизни и деятельности племён лесной полосы, является реальной точкой отсчета начала железного века в бассейнах Западной Двины, верхних течений Днепра и Волги.

Литература

- Васкс 1991 – *А.В. Васкс*. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991.
Дубынин 1974 – *А.Ф. Дубынин*. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
Егорейченко 2000 – *А.А. Егорейченко*. Культура или культуры штрихованной керамики? // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мінск, 2000.

- Егорейченко 2006 – *А.А. Егорейченко*. Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.
- Исланова 2001 – *И.В. Исланова*. Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // Тверской археологический сборник. Тверь. 2001. Вып. 4. Т. II.
- Медведев 1996 – *А.М. Медведев*. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996.
- Митрофанов 1980 – *А.Г. Митрофанов*. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980.
- Шадыро 1985 – *В.И. Шадыро*. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.
- Шмидт 1992 – *Е.А. Шмидт*. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М., 1992.
- Grigalavičienė 1986a – *E. Grigalavičienė*. Nevieriškes piliakalnis // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1986. T. 5.
- Grigalavičienė 1986b – *E. Grigalavičienė*. Sokiškių piliakalnis // Lietuvos archeologija / Lietuvos TSR Mokslu akad., Istorijos inst. Vilnius, 1986. Ankstyvieji siaures rytu lietuvis piliakalnian. T. 5.
- Grigalavičienė 1995 – *E. Grigalavičienė*. Žalvario ir ankstyvasis geležias amžius Lietuvoje. Vilnius, 1995.
- Luchtanas 1992 – *A. Luchtanas*. Pytų Lietuva I tūkst. pr. m.era // Lietuvos archeologija. Vilnius. 1992. T. 8.
- Volkaitė-Kulikauskienė 1986 – *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Narkūnų didžiojo piliakalnio tyrinėjimų rezultatai // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 1986. T. 5.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА	Археологический альманах. Донецк.
АИ	Археологические изыскания. Санкт-Петербург.
ДА	Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДД	Донские древности. Азов.
ДСПК/ССПК	Древности Северного Причерноморья и Крыма / Старожитности степового Причорномор'я і Криму. Запорожье / Запоріжжя.
ИАИАНА	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
Изв. ГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
МДАПВ	Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАР	Материалы и исследования по археологии России. Москва.
МИИКНСК	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
РА	Российская археология. Москва.
РАЕ	Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
СА	Советская археология. Москва.
САИ	Свод археологических источников по археологии СССР. Москва.
СЭ	Советская этнография. Москва.
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея. Москва.
Тр. ОИПК	Труды Отдела истории первобытной культуры. Ленинград.
Тр. ХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
Jahrb. RGZM	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz.
УРА	Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn.